

Георгий Воробьев

ОТСТУПНИКИ

Старого мира

Антарта — заснеженный континент, на котором никто не хотел бы оказаться. За несколько часов на открытом воздухе можно замерзнуть насмерть. Но в недрах Антарты — огромные запасы топлива. Поэтому богатые государства Старого мира создали на материке добывающие колонии. Юному Ашвару не место на Антарте. Сюда съехались обычные работяги, а он — дворянин. Раньше он жил в особняке, а теперь ютится в каморке, работает помощником инженера и пытается не впасть в депрессию. Недавно антарчане подняли революцию и получили независимость, но теперь у них проблемы. Месторождения иссякают, оборудование ломается, и нужно срочно собирать экспедицию, на которую нет ресурсов. Ситуация осложняется тем, что в Антарте все еще находятся каторжники из Старого мира. заключенные поднимают бунт, освобождаются и теперь направляются к мирным поселениям. Ашвар попадает в приключение, полное опасностей и неожиданных врагов. Ему предстоит, рискуя жизнью, защитить рабочих и раскрыть страшные секреты Антарты.

Георгий Воробьёв
Отступники Старого мира

Глава I. Мрачные предчувствия

Ослепительный солнечный свет бил мне в глаза. Он отражался от скатерти, покрывающей стол. Лёгкий бриз раскачивал занавески за моей спиной. Их тень, пританцовывая по столу, дополняла мой силуэт огромными махающими крыльями. Они трепыхались без ритма и синхронности, но даже при этом хаотичном движении можно было отчётливо различить перья. Эта картина не захватила меня надолго.

Как только я поднял голову, необычайное сверкание скатерти погрузило меня в полный мрак. Скоро из тьмы начали вырисовываться очертания, которые я узнавал, ещё не успев увидеть. Из черноты, покачиваясь в плетёном кресле почти напротив меня, проступил силуэт матери. Она что-то крутила в руках, но разобрать, что именно, было невозможно.

Под потолком высветилась огромная люстра. Я сначала осознал, что она существует, а уже потом передо мной возник ансамбль круглых газовых ламп. Почему не электричество? Потому что его здесь нет, подсказала память. Прежде чем мой взгляд успел обратиться к новым очертаниям, мне показалось, что лампы постоянно меняются местами, танцуя вместе с тенями занавесок.

Пока я наблюдал за этими синхронными движениями, на дальней стене всё чётче проступали тёмные обои. Они были расписаны цветами, которые вспыхивали на момент из сумрака, чтобы снова исчезнуть. Со временем переливающиеся бутоны стали появляться всё чаще, исчезая лишь ненадолго. Они обрисовывали большое чёрное пятно. Память на этот раз не подсказала, что там находится. Но мне не хотелось вглядываться в темноту, поэтому я перевёл взгляд обратно на цветы.

Прорастая, бутоны сжали черноту до прямоугольника с завитушками по краям. Я вспомнил слово «портрет» быстрее, чем из тьмы вынырнула картинная рама. Тусклое золото извивалось в такт стеблям на стене и обнимало бездонную неуютную черноту. Я снова перевёл взгляд на люстру. Её было отчётливо видно на высоком, стремительно белеющем потолке. Так же отчётливо, как и кружение ламп. На портрете проступали какие-то черты, которые показались мне знакомыми. Я увидел аккуратно уложенные волосы, присыпанные сединой.

«Благородной сединой», — слышались чьи-то слова. Я узнал свой голос, но он звучал откуда-то со стороны и казался чужим.

На портрете открылся камзол, расшитый узорами с драгоценными камнями. Плечи покрывала серая накидка, совсем не в тон богатству костюма. Впрочем, край плаща не уступал в цене. Золотую цепочку, держащую по́лы, венчал медальон с изображением лани. Наконец, я увидел лицо старца. Черты его были преисполнены достоинства.

«Словно вытесанные из камня», — вновь сказал тот же голос.

Рядом со старцем, чуть пониже, отпечаталось лицо женщины, которая сейчас сидела передо мной. Заметные морщины вокруг глаз придавали заботливость её образу. А любящий взгляд был направлен на третьего участника, до сих пор скрытого чернотой, которая теперь стала не только бездонной, но и холодной.

Я посмотрел на свою мать, покачивающуюся в кресле. Сейчас я мог различить в её руках увесистый камень и столовый нож. Лёгкими движениями она срезала с булыжника слой за слоем, словно яблочную кожуру. Обрезки валялись на пол, как мокрые тряпки. Вдруг из-под ножа показалась блестящая на солнце поверхность.

Зачарованный этим зрелищем, я наблюдал, как мать очищает сверкающий шар от каменной мантии, пока на пол не посыпалась золотая стружка. Переливающиеся светом пласты медленно опускались вниз, словно весили не больше птичьего пера. На портрете, за её левым плечом, проявился последний силуэт. Парень двадцати с небольшим лет. Чёрные прямые волосы были коротко и просто подстрижены. Одежда из дешёвой ткани была расписана орнаментом, но обыкновенными нитями. Без изысков.

Внешний вид парня резко контрастировал с преисполненным изящества стилем старца. Возвышающийся патриарх, казалось, оглядывает с этого места свои владения и ряды столь же благородных, как он сам, предков. Парень смотрел в пустоту перед собой.

— Это для тебя, — произнесла мать.

Она что-то вырезала из уже бесформенного золотого слитка. Вдруг по нему пробежала тень от резко взмывших к потолку занавесок. Я не ощутил никакого ветра и, обернувшись, обнаружил, что сижу на резном стуле. За моей спиной было распахнутое окно. Снаружи проглядывала полянка с аккуратно подстриженной травой, зелёная изгородь и несколько пальм, покачивающихся большими листьями в такт прежнему лёгкому ветерку. Всё вновь нарисовала моя память — раньше, чем я увидел это своими глазами. Но память ничего не подсказала о монументальной белой стене, возвышающейся ближе к линии горизонта.

Логика, несмотря на абсурдность мысли, уверенно подсказывала, что это снег. Хотя он походил больше на глазурь в свете солнца. Как будто усадьба была украшением посреди белого торта, не желающего таять под палящими лучами. Не знаю откуда, но я знал, что снег окружает поместье со всех сторон, оставляя от мира лишь небольшой клочок зелени.

Вновь раздался голос матери:

— Посмотри, что у меня получилось...

Я повернулся и увидел в её руках золотую лань. Как на медальоне плаща. Казалось, что фигурка плывёт в воздухе, потому что её ноги медленно шевелились. Я взял лань из рук матери. Подарок лежал на моей ладони, продолжая свой замедленный бег, полный безмятежности и грации.

— Буря приближается, — каким-то уставшим голосом произнесла мать.

Со скатерти пропал мой силуэт, а сама она перестала сиять, обернувшись пустым белым полотном. Я снова посмотрел в окно. Над поместьем проносились из ниоткуда взявшиеся серые облака. Они быстро сливались в резко темнеющую монолитную массу. Вслед за ними налетел резкий порыв ветра, задирая лёгкие занавески к потолку. Мимо меня пролетело несколько сорванных листьев. Я бросился закрывать окна, пока в зал не нанесло пыли и веток.

В одной руке я всё ещё сжимал лань, которая мешала мне разобраться с замками. Почему-то мне не хотелось выпускать её. Пока я боролся с очередным окном, на горизонте вылезали тёмно-синие, почти чёрные тучи. А за собой эти кляксы тянули что-то ещё. Что-то огромное и белое.

Заметив это краем глаза, я подумал, что они несут какую-то волну, а не облако. Захлопнув последнее окно, я наконец понял, что на поместье надвигается снежная лавина. Гигантская белая волна медленно вырастала над горизонтом. Она была повсюду, насколько хватало глаз. Как будто перекачивалась по всему земному шару одновременно. Её высоту невозможно было определить — она приближалась стремительно и всё больше закрывала собой тучи. Она уходила ввысь на сотни метров и не прекращала расти. Эту стихию не удержали бы никакие стёкла и рамы.

Осознание угрозы было похоже на удар током. Судорога пробежала от головы до пяток, развернув моё тело. Оно двигалось само собой, спасаясь от смерти. Разум одновременно говорил, что бежать некуда. Но тело было не остановить. Наблюдая первый шаг, я вспомнил о матери. Но на её месте осталось лишь пустое плетёное кресло.

Почти добежав до двери, я услышал шум позади. Вихрь ворвался треском оконных рам и бьющегося стекла. Порыв окатил меня снегом и чуть не сбил с ног. Я устоял, хотя рядом о стену разбилось кресло, разлетевшись на куски. В столовой с неестественной скоростью образовались глубокие сугробы, отчего последние несколько шагов до двери превратились в бег по трясине. Мои ноги увязали в снегу, а из-за спины доносился оглушительный вой ветра и грохот разлетающейся в разные стороны мебели. Я чуть не упал на спасительную ручку и рванул её на себя. Дверь поддавалась с неожиданной лёгкостью, словно на её пути не лежали сугробы.

Я крепко сжал лань и бросился через дом к выходу. Ураган, казалось, преследовал меня. Всё на моём пути замерзло и заносилось снегом. Стихия срывала со стен картины и зеркала, с грохотом разбивая их о пол. Я побежал во весь опор и под перезвон бьющихся стёкол выпрыгнул в открытую входную дверь.

Трава подо мной уже покрылась снегом. Обернувшись, я увидел, что дом находится в сотне метров от меня. Лавина над ним закручивалась спиралью, превращаясь в ледяной смерч. Буран с треском, отдающимся в моей груди, оторвал особняк от фундамента. Дом поднялся в воздух и скрылся в непроглядной белой пелене, нелепо размахивая стенами, словно бумажными.

Никакой зелени уже не было вокруг, всё начало сливаться в одноцветную мешанину. Даже тучи окончательно исчезли за потоками снега. Какая-то другая память нарисовала чёрную бревенчатую избу. Эта жутковатая на вид постройка вселяла гораздо больше уверенности, чем оторванное от корней здание. Ей были ни по чьм фантастические силы, сметавшие всё на своём пути.

Сопrotивляясь сковывающему движения ветру, я бросился к избе. В этот момент пронсящийся за моим убежищем снег устремился мне навстречу, скрыв за собой последний шанс на спасение. Со всех сторон меня окружила непроницаемая стена из миллиардов хаотично двигающихся снежинок. Ледяная буря сжимала кольцо, подступая всё ближе и ближе. Наконец, бурный поток, хлынувший откуда-то снизу, вздёрунул мою руку и вырвал фигурку из неё. Лань взлетела вверх и моментально исчезла в буре.

Ещё одна судорога ужаса заставила меня открыть глаза, хотя они не были закрыты.

Я лежал на боку, а мой взгляд упирался в тумбочку, примыкающую к моей кровати. Это было знакомо так же, как усадьба. Только эта память оказалась более свежей. Это было чудо. Хоть моё убежище и затерялось в буре, проснулся я в нём. Проснулся.

Все странности недавних событий внезапно приобрели единое значение. Почти на автомате я отбросил всё, что произошло. Просто сон. Единственной оставшейся странностью было то, что я впервые обратил внимание на это чувство. Только что я должен был умереть, но остался жив, переместившись в какой-то другой мир. Я вздохнул с облегчением. Несмотря на нереальность урагана, я продолжал испытывать это чувство чудесного спасения.

Я услышал скрип половиц за дверью своей комнаты. Этот звук выбросил мысли о сне из моей головы. Я перевернулся на спину, отчего пружины раскладушки скрипнули. Тёмные бревенчатые стены углом поднимались из-за моей головы, упираясь в низкий серый

потолок. Гораздо ниже, чем в усадьбе. Я вспомнил, как когда-то эта комната давила на меня своим мрачным видом. Почти чёрные, неровные, не очень-то хорошо обработанные брёвна навевали тогда мысль о тюрьме. Но сейчас всё было иначе. Находясь внутри, я был в безопасности. Бури случались только за окном.

С двух сторон меня окружали стены, а с третьей — тумба. У изножья раскладушки угол был завален моими вещами. Перед отправкой сюда я думал, что все они мне пригодятся. Но в Антарте это оказалось горой бесполезного хлама. Чемоданы с одеждой не для этого климата, книгами, на которые не было времени, пластинками, которые не на чем оказалось проигрывать, — всё это возвышалось над моим ложем, укрепляя впечатление, что я сплю в колыбели.

Чувство тесноты угнетало меня в первые недели. Теперь оно грело по утрам. Давало успокоение после тяжёлых сновидений и передышку перед погружением в слишком большой реальный мир. Настолько «слишком», что я начал искать, за что бы зацепиться, лишь бы не думать об этом.

Через окно поступал ровный спокойный свет, в эти дни тускневший только на время непогоды. Он освещал маленькую раковину с зеркалом и совсем уж крохотным шкафчиком. Вешалку, на которой висела тёплая куртка. Узкий стенной шкаф, который не вместил и трети моих вещей. Больше здесь ничего не было. Впрочем, в большем я и не нуждался. В плане комфорта во всяком случае.

Мой взгляд остановился на золотых карманных часах. Они свисали со статуэтки, стоящей на тумбе. Цепочка опутывала молот в руке бронзового бога. Когда я потянулся за часами, грозная увесистая фигура чуть не свалилась следом мне на голову. Была половина седьмого утра. Пришло время вставать.

Я сел на раскладушке под очередной аккомпанемент пружин и достал одежду из тумбы. Не успел я натянуть штаны, как на меня обрушилось повседневное состояние. Оно выбило недавнее ощущение чуда, не оставив ничего, кроме себя. Это было разочарование. На момент я остановился, захваченный врасплох этим потоком тоски. За дверью послышались шаги и приглушённый разговор. Станция «Заря» готовилась к новому дню. Я сделал вдох и уверенно забрался в штанины.

Одевшись, я умылся и поглядел на своё отражение в запятнанном зеркале. Лицо было слишком бледным. Оно должно быть более смуглым. Слишком большая и неровная щетина внизу щёк. Слишком уставшие глаза. Выражение лица не очень напоминало энтузиаста. Я заметил пыль по углам зеркала. Стоило его отмыть. Я энергично вытер лицо полотенцем и увидел перед собой гораздо более бойкого парня. Вот это был рабочий настрой.

Сунув часы в карман, я вышел за дверь. В коридоре было пусто. Зато из столовой доносились звуки утренней суеты и редкие неразборчивые реплики. Туда я и направился. Почти все уже были на месте. Четыре десятка не до конца проснувшихся рабочих быстро уплетали завтрак. Я прошёл мимо их рядов к дальнему концу столовой, где был стол для специалистов станции. Все уже собрались, а на моём месте дожидались тарелка с омлетом и кружка кофе, от которого поднимался пар. За столом теснились ещё четверо людей: Кáтан — начальник станции, Шíму — главный инженер, Ёмак — связист, и Ма́ги — главный механик или, как он себя называл, «начальник гаража». Я был помощником Шиму, третьим по старшинству должностным лицом. Я поздоровался со всеми и, заняв своё место, быстро принялся за еду.

Завтрак проходил в молчании, что только усиливало атмосферу усталости. Времена,

когда мы обсуждали настоящее и будущее Антарты, прошли. После себя они оставили лишь пустые бутылки из-под игристого вина, ютившиеся под столом для посуды. Наверно, они уже покрылись пылью.

Поедая завтрак, я обратил внимание на Катана, который пил кофе с задумчивым выражением. У него что-то было на уме. Катан Оша был старшим на станции не только по должности, но и по возрасту. Высокий, крупный и всё ещё статный в свои пятьдесят с хвостиком, он был из тех редких людей, кто создал себе имя без сколько-то высокого происхождения. Катан пользовался уважением даже за пределами станции.

Когда мы заканчивали с завтраком, он начал выдавать распоряжения.

— «Январь» хочет, чтобы мы увеличили выработку, — сказал он негромким голосом.

Похоже, не хотел, чтобы рабочие слышали этот разговор.

— Ещё? — удивился Шиму. — Их темпами у нас трубы полопаются!

Шиму был помоложе и поменьше Катана. А ещё имел привычку быстро тараторить, к чему мне пришлось долгое время привыкать.

— Мы не успеваем за нормами, — продолжил Катан, — придётся перейти на круглосуточную добычу.

— И где мы возьмём под это дело людей? — поинтересовался Шиму.

— Нигде, — отрезал Катан, — увеличим смены и распределим их так, чтобы насосы не останавливались.

— А рабочие к рассылке ценных указаний разве не прилагаются?

Саркастические замечания по поводу начальства тоже были частью особого стиля Шиму. Меня они в последнее время раздражали. Катан иногда иронизировал вместе с ним, но сейчас не обратил никакого внимания на последние слова инженера.

— «Январь» возобновляет экспедиции. Им нужно и топливо и люди, — сказал начальник станции.

— Это что-то новенькое, — заметил Шиму. — Мы с Ашваром установим повышенные коэффициенты. Но если что-то бабахнет, — я тебя предупреждал.

Катан пропустил его замечание мимо ушей, погружившись в разговор с Маги. Шиму обратился ко мне:

— Ашвар, проведи утренний обход, запиши показания. Зелёным поддай четверть оборота, жёлтые не трогай. Я проверю давление после тебя. Хочу посмотреть на динамику.

— Хорошо, — ответил я.

В Антарте мы добывали нефть. Цены на неё взлетели за последние десятилетия и продолжали расти по мере того как бензиновые двигатели превращались из технологической диковинки в повседневность для всего мира. Собственно, по этой причине мы и оказались в этом суровом крае. Всего несколько лет назад Антарта казалась настоящей сокровищницей. Впрочем, эти представления довольно быстро поблекли. Темпы, с которыми материк осваивали в первые годы, упали. Месторождения стали попадаться реже, а вдобавок начался настоящий нефтяной бум на Меласе — гораздо более тёплом и доступном материке. Теперь «Январь» — центральная станция Антарты — бился за то, чтобы мы продолжили занимать важное место на рынке.

Когда с завтраком и инструкциями было покончено, все разбрелись по станции. Рабочие одевались и потихоньку выходили наружу. Я вернулся в свою комнату. Начинаясь обычный утренний ритуал. Нужно было нацепить на себя массу одежды. Тёплые носки, свитер с воротником до подбородка, маску, чтобы лицо не замерзло на ветру, защитные

очки, шапку... Всё больше и больше всего. В последнее время мне казалось, что количество одежды постоянно увеличивается, хотя, очевидно, это было не так. Зато работы действительно становилось больше. И судя по тому, что сказал Катан, это был далеко не предел... Я сделал глубокий вдох, отгоняя мрачные мысли. Мы со всем справимся.

Нацепив куртку, я сунул в карман планшет с зажатым листом бумаги и карандашом. В коридоре обул увесистые меховые сапоги и вышел наружу. Яркий солнечный свет без всякого намёка на тепло ударил в глаза. В остальном, как обычно, сначала ничего не поменялось. Но первый вдох холодного даже сквозь маску воздуха напомнил, где я нахожусь. Хотя одежда надёжно защищала, у меня было ощущение, что атмосфера Антарты обрушивается на меня и сдавливает.

Небольшая равнина передо мной заканчивалась чёрно-белыми скалами под ясным небом. Станция располагалась в маленькой лощине между горами. Повсюду, куда ни брось взгляд, лежал снег. Кроме наших построек и скал, ничего здесь больше не было. Снег сверкал под солнцем, придавая картине какой-то волшебный и праздничный вид. Погода поддерживала бодрый настрой. Можно было приниматься за работу.

Первым делом я зашёл в приёмник — небольшой дощатый ангар, к которому с разных сторон тянулись трубы. Внутри ряд окон под потолком немного освещал помещение, но огромный резервуар, занимавший большую часть места, терялся в сумраке. Я включил свет, не добавивший живописности картине. Здесь не было и намёка на красоту, царившую снаружи. Вдоль серых стен теснились чёрные бочки. С одной стороны от меня они были открыты, с другой — закупорены и готовы к отправке. Грязный и немного ржавый бак приёмника производил на меня угнетающее впечатление. Я даже не знаю почему. Всегда казалось, что внутри всех этих индустриальных резервуаров окажется что-то мерзкое. Но именно туда мне и нужно было заглядывать каждое утро и вечер. Это была самая лёгкая, но самая отвратительная часть моей работы. Я поднялся по прислонённой к баку лестнице. С потолка на него глядели тёмные и пустые отверстия труб, не украшающие интерьер. Я набрал воздуха в грудь и посмотрел вниз. Стены резервуара покрывал осадок, а на дне оказалось немного топлива. Бак был почти пуст, как и полагалось по утрам. Ничего особенного внутри не обнаружилось. Кроме навязчивых картин, как я сам попадаю на дно, а сверху на меня напором бьёт нефть из труб. Руки соскальзывают по маслянистой жидкости, пока я пытаюсь выбраться.

Я спустился, чтобы выбросить это наваждение, и вышел из приёмника. Следующей целью было машинное отделение — ещё одна бревенчатая постройка, уступавшая размерами жилому корпусу и приёмнику. Из неё тоже прорастали трубы. Снег похрустывал под ногами и слепил глаза. В машинном же стояла абсолютная темнота. Здесь даже окон не было. Я щёлкнул переключатель у двери, и в тусклом свете лампочки передо мной проявились несколько огромных механизмов. Они занимали большую часть комнаты и всё пространство от пола до потолка. Восемь насосных двигателей.

Я подошёл к ближайшему и несколько раз опустил и поднял большой рубильник сбоку. На каждое нажатие монструозный механизм отвечал неприятным громким гулом, пока двигатель наконец не запустился. Насос завибрировал и начал фыркать, постепенно разгоняясь. В зале появился лёгкий запах бензина. Было что-то парадоксальное в том, что мы использовали топливо, чтобы добыть больше топлива. Сейчас эта мысль казалась мне жутковатой. Я почти машинально дёргал рычаги на других установках, пока они все не запустились. Нараставший гул был гимном для начала очередного рабочего дня.

Каждый раз мне казалось, что насос не заведётся и доставит лишних хлопот. Параллельно я размышлял над словами Катана. Экспедиции отправятся искать новые месторождения. Последний раз разведку проводили больше четырёх лет назад. Какие шансы на успех были у нас сейчас? Встряхнув головой, я дёрнул ручку последнего насоса, включив его. Разгоняющаяся установка испаряла мои мысли. Словно это она включала меня. Деятельный и равнодушный шум двигателей настраивал меня работу.

Я вышел из здания и зашагал вдоль одной из труб. Все они были пронумерованы и тянулись на десятки метров. На последнем отрезке каждая труба шла параллельно с другой, ведущей к приёмнику. Прямо сейчас бак уже медленно заполнялся топливом, но Шиму просил повесить коэффициенты. Я остановился возле одной пары труб — там, где они обе уходили под землю. На них были установлены вентили, регулирующие подачу и приём, со счётчиками давления. Я вытащил планшет и переписал показания, на которых остановились стрелки. Плотная ткань перчаток не давала ровно держать карандаш, поэтому на бумаге оставались огромные кривые каракули. Сделав записи, я взялся за рычаг вентиля и с трудом прокрутил его на четверть оборота. Где-то в машинном отделении один из насосов начал работать быстрее. Нам всем скоро придётся. Быстрее и дольше. Сколько людей потребуется для экспедиций? Сорок шесть человек оказалось достаточно для обычной работы станции. Но Катан сказал, что мы переходим на круглосуточную добычу. Нам придётся работать в новом режиме с меньшим количеством людей? Больше вариантов не было. Насколько это растянется? Ощувив что-то тягучее в груди, я посмотрел на машинное отделение. Нужно учиться у двигателей. Они ни на что не жалуются и ни о чём не жалеют. В любом случае, ужесточение условий работы будет недолгим. Нужно только дождаться, когда разведчики найдут новые месторождения. Я подкрутил вентиль приёма и, расправив плечи, бодро зашагал к следующей паре труб.

Мимо прошёл рабочий, махнул мне рукой и поздоровался. Из-за маски и очков невозможно было разобрать, кто это, но по голосу я узнал Гáлаша. Это был парень двадцати пяти лет, успевший попасть в Антарту до того как завёл семью. Он не уехал, когда произошёл кризис. Как и многие, Галаш посчитал, что неплохая зарплата и личная свобода стоят дороже, чем возвращение домой.

В его голосе читалась доброжелательность, которую мне пришлось зарабатывать ежедневным трудом. Здесь происхождение человека ни на кого не производило впечатления. Скорее наоборот: чем голубее была твоя кровь, тем с большим пренебрежением к тебе относились. Так что с момента прибытия мне пришлось много раз доказывать, что я могу работать не хуже других. И только когда рабочие поняли это, из их речи пропали все эти мелкие уколы в мой адрес. Но вот на «Январе», где люди не видели меня в деле, рабочие считали, что я ещё один «вшивый аристократишка». Впрочем, даже их отношение изменилось, когда они увидели, что я не вернулся домой после смены власти в Антарте, как сделали многие дворяне.

Со всеми установками был порядок, кроме одной. Давление на ней достигло жёлтой зоны, и её не стоило трогать. Дополнительное напряжение могло отключить механизм. Кажется, новая администрация Антарты этого не понимала. Как будто мы через это не проходили. Я вновь ощутил тяжесть в груди и быстро отошёл от вентиля. Нужно работать, нужно не забывать, что мы действительно в кризисе. Это временный провал. Слишком много всего поменялось, и пока Антарта полноценно не встанет на ноги, нам нужно работать и не поддаваться отчаянию.

Мой планшет наполнился цифрами. Я непроизвольно опять взглянул на «жёлтые» трубы, но тут же отвёл глаза. Недалеко от меня располагалась высокая тесная будка, возвышающаяся над лесом труб. Я зашагал к ней, поднялся по наружной лестнице и, открыв дверь, попал в крохотное помещение. Это была единственная на станции постройка с большими окнами. Они плохо удерживали тепло, поэтому будка жарко отапливалась. За столом у окна сидел дежуривший сегодня Ижу. Это был общительный парень двадцати одного года — чуть младше меня, — обожавший быть в центре внимания. Дежурство в башне было бы для него сущим адом, если бы не другая его страсть: Ижу вырезал игрушку из дерева. Иногда он посматривал на трубы и машинное отделение.

Я снял верхнюю одежду и сел за небольшой столик в углу, чтобы прилично оформить отчёт. На основе ежедневных записей о давлении и отчётов по добыче составлялись месячные анализы. По ним можно было строить предположения об объёмах топлива в месторождении. Я об этом мало что знал. Стрелки скакали день ото дня из-за процессов, скрытых на большой глубине под землёй. Но, перелопатив огромный массив данных, можно было наметить признаки изобилия или истощения запасов.

Нужно было превратить мою страшненькую писанину в ровные маленькие цифры на подходящем бланке. Переписывая числа, я, как обычно, попытался припомнить, какие показания были вчера. Каждый раз я пытался найти какую-то логику в изменениях, но у меня никогда не получалось. Сегодня отличалось от вчера, как любой день отличается от другого. На выходе же всё равно получается то же самое. Почему? Не так давно мы работали гигантскими сменами. В иной день они достигали шестнадцати часов в сутки. А потом рабочие завоевали себе право на восьмичасовой рабочий день, обязательный выходной по воскресеньям и социальные гарантии. Не прошло и года, как смены снова начали увеличиваться. Как будто мы просто бежали по кругу. Единственное, в чём чувствовалось отличие, так это в отчётах. Раньше они отправлялись за океан, а теперь все вычисления производились на «Январе».

Я заметил, что вписал одну из цифр не туда, и опять встряхнул головой. Нужно помнить, о чём говорил Менаги — глава Антарты. Быстрых результатов мы не добьёмся. Нужно стиснуть зубы и продолжать. У нас пока слишком мало ресурсов, чтобы расслабляться.

— Ты знал, — произнёс Ижу, не поднимая головы, — что на первых станциях счётчики выводили прям к дежурному?

— Нет, — ответил я.

— Там не надо вертеть башкой весь день. Глаза поднял — глянул. Если где стрелка ушла в «красную», прям сразу можно подкрутить насос.

— Это удобно, конечно, — отметил я, почти не вдумываясь в его слова и пытаюсь сосредоточиться на работе.

— Скоро у нас тоже так сделают.

Мой настрой энтузиаста снова дал течь, и я выпалил:

— Что-то они затягивают.

— Ну, походу, там какие-то проблемы есть, — ответил Ижу, продолжая орудовать ножом. — Менаги уж наверно понимает, что к чему.

— Проблемы? — спросил я, наконец отрываясь от отчёта.

— Ну, если стройку-то переносят, значит, какие-то сложности есть.

Очень многое в Антарте было незаконченным. Первоначальный проект был смелее,

футуристичнее. Но по мере возникновения проблем запал благородных семей, начавших освоение Антарты, иссякал. В итоге многие временные решения в постройке станций, прокладывании дорог и электрификации оказались постоянными. Взяв бразды правления в свои руки, Менаги увлёк нас идеей преобразования Антарты, отказом от полумер. Но с тех пор мало что изменилось.

— Какие сложности? — я задал вопрос, который мучил меня последние недели.

— Ну, я не знаю, — ответил Ижу, — но сам сообрази, сколько народу уехало отсюда. Менаги поди не рассчитывал, что они все драпанут!

Эта простая мысль, вылетевшая из уст вечного оптимиста Ижу, поразила меня. Вряд ли кто-то знает точно, но по ощущениям треть, если не половина людей уехала домой в разгар кризиса.

— Хрен его знает, конечно, — продолжал Ижу. — Но моё-то дело маленькое. Об остальном пускай «Январь» думает.

Перед его незамысловатой верой в светлое будущее мне стало немного стыдно. Ижу, в отличие от многих, никогда не жаловался, что наши мечты о чудесной независимой Антарте не сбылись по щелчку пальцев. Я не мог понять, как ему удавалось сохранять этот позитивный настрой. Противостоять поднимающейся волне всеобщего уныния. Почему-то этот оптимизм не заражал меня, а лишь выбивал из равновесия. Меня сегодня всё выбивало из равновесия.

Пока я размышлял над секретом Ижу, он вдруг прекратил орудовать ножом, приподнялся и спросил, вглядываясь куда-то через окно:

— Чё он там делает?..

Я выглянул вслед за ним. Снаружи кто-то бежал вдоль труб. Кажется, это был Галаш. Проследив, куда он спешит, я узнал «жёлтую» трубу. Под счётчиком приёма она вся покрылась чернотой. Галаш почти добежал, когда вентиль сорвался с места и ударил рабочего в грудь. Я вздрогнул от неожиданности. Из трубы фонтаном забило топливо, поливая лежащего на снегу Галаша. Мы с Ижу набросили куртки и кинулись вниз. До машинного отделения отсюда была слишком далеко, поэтому мы побежали к трубе. Достаточно было закрутить вентиль подачи, чтобы остановить насос.

Мы почти добрались, когда Ижу крикнул:

— Позаботься о нём! — а сам бросился к трубе.

Для меня это было как удар по голове. Я думал, что Ижу будет разбираться с Галашем. У меня понятия не было, что нужно делать. Галаш был уже весь чёрный, а сверху на него всё ещё лило потоком. Я схватил его за шиворот, вытащил из под фонтана и испугался. Можно ли его двигать вообще?! В первый момент меня поразила мысль, что Галаш мёртв, но он вдруг закашлялся и начал размахивать руками. Я оцепенел и просто наблюдал за его конвульсиями. Пытаясь завернуть неподдающийся вентиль, Ижу злобно крикнул:

— Давай, твою мать!

Галаш был жив, но травмирован. Сомневаясь в том, стоит ли что-то делать, я всё же закинул его руку себе на шею и начал поднимать. Галаш встал, отчего я почувствовал мгновенное облегчение. Он спустил маску и начал отплёвывать нефть, попавшую в рот. Он был гораздо крупнее, чем я, и еле стоял на ногах, растекаясь по мне. Вместе мы поковыляли к жилому корпусу.

Галаш шёл неровным шагом и иногда сильнее наваливался на меня. Мне казалось, что мы вот-вот рухнем в снег. От его стонов у меня что-то ёкало внутри. Я не знал, насколько

тяжело он ранен. Может, я как-то задеваю его своими движениями? Делаю ему ещё хуже. Мне хотелось поскорей добраться до станции и отдать его доктору, но мы не могли идти быстро. Нефть капала с него на снег. Цветные узоры на моей куртке тоже покрылись чёрными пятнами. Я не набросил капюшон, когда выбежал из башни, и теперь чувствовал вязкую жижу, растекающуюся по шее и правой щеке. Галаш продолжал кашлять и отплёвываться. Я боялся увидеть, как он отхаркивает кровь, но на снегу оставались лишь чёрные пятна.

На полпути нас догнал Ижу, который уже разобрался с трубой и подхватил Галаша с другой стороны. Мне стало гораздо легче, и идти можно было быстрее. Мы ворвались в жилой корпус и дотащили пострадавшего до медпункта. Внутри был Вайша — один из двух врачей станции.

— Что с ним? — спокойно спросил он.

Мы рассказали, что произошло, укладывая постанывающего Галаша на стол.

— Ладно, — сказал Вайша, — понятно. Теперь уходите, я им займусь.

Я растерянно оглянулся на Галаша, как будто ещё чем-то должен был ему помочь. Но Ижу потянул меня за рукав, и мы вышли. Неожиданно для меня у медпункта уже собрались несколько рабочих, в волнении ожидающие новостей. Ижу стал рассказывать им про трубу, а я отошёл и привалился к стене. Меня не покидало чувство, что я должен что-то сделать.

Через пару минут до меня дошло, что это ощущение совсем о другом. Я вспоминал каждый свой шаг и ни в одном не был уверен. У Галаша, должно быть, раскрошились рёбра. Может быть, я должен был позвать Вайшу к нему? Может быть, я сделал только хуже? Галаш всю дорогу до станции стонал. Может быть, ему вообще нельзя было вставать на ноги. Что если Галаш умрёт, потому что я не оставил его там? Что если бы он умер, если бы оставил?

Я понятия не имел, как нужно было поступить, и каждый из вариантов казался ошибкой. Между тем в коридоре скапливалось всё больше людей. На шум пришёл Катан. Мне не хотелось ни на кого смотреть, и, к счастью, Ижу взял всё внимание на себя. Он без конца пересказывал одну и ту же историю вновь подходившим людям.

Меня трясло, пока мы ждали новостей. Наконец, дверь медпункта открылась, и на пороге появился Вайша. Я ощутил холод в груди. С моего места не было видно, что происходит в кабинете. Вайша прикрыл за собой дверь и тихим спокойным голосом сказал:

— Жить будет.

— Что с ним? — спросил Ижу.

— Парню повезло. Куртка смягчила удар. Ушиб груди, рёбра вроде целы. Отлежится немного и будет в порядке.

Я шумно выдохнул с облегчением.

— Хорошо, — сказал Катан и обратился к людям: — Возвращайтесь к работе. Всё в порядке.

Рабочие начали расходиться, хотя напряжение до конца не улетучилось. Я хотел выйти с остальными, но Катан меня остановил:

— Ашвар! Пойдём со мной.

Мне показалось, что я услышал суровые нотки в его голосе. Мы прошли в кабинет начальника станции, такой же тесный, как и всё здесь. Великан Катан пробрался на своё рабочее место через узкую щель между столом, заваленным разным барахлом, и шкафом, в котором царил такой же бардак. Я снял пропитанную нефтью куртку и присел напротив. Сердце всё ещё гулко стучало в груди.

Начальник станции не любил яркий свет, поэтому окно было занавешено. Кабинет освещала слабая электрическая лампа. Вездесущее электричество вообще было отличительной особенностью колоний — почти весь мир всё ещё использовал свечи, керосиновые и газовые лампы. Я понятия не имел, как Катану хватало этого света, учитывая, что в его возрасте у некоторых начинались проблемы со зрением.

Начальник станции зажёл сигарету, отчего я немного поёжился. Конечно, нас разделял стол, но открытый огонь не вызывает тёплых чувств, когда ты перемазан в нефти. Катан убрал пачку в стол и откинулся на своём стуле.

— Ну и какого хрена, Ашвар? — спросил он почти равнодушным тоном.

— Ты о чём? — не понял я.

— Какого хрена прямо после твоего обхода ранило человека?

— Давление было повышенным, но в пределах нормы...

Я поймал себя на том, что чувствую вину.

— Я могу принести свои записи. Они остались в башне, я не успел переписать.

Катан посмотрел на меня и затянулся сигаретой. Он не собирался меня ни в чём обвинять. Слово всё было ясно, а Катан формально уточнял детали. Выпустив дым из лёгких, он заговорил:

— Ладно, похоже, это вопрос к Шиму. Не знаешь, где он? Его не было в коридоре.

— Он собирался сделать повторный обход после меня.

Дверь за моей спиной скрипнула, я обернулся и увидел главного инженера.

— Лёгко на помине! — довольно произнёс Катан. — Как наши дела?

Шиму опустил на другой стул рядом со мной. Он не снял куртку, хотя в помещении было довольно жарко.

— Давление подскочило, — сказал главный инженер, — но это было ожидаемо. Один насос вышел из строя. К вечеру их может стать больше. Сколько было жёлтых? — это было обращено уже ко мне.

— Только один, — ответил я. — Он и лопнул. Я его не трогал.

— Похоже, давление остальных его перегрузило, — сказал Шиму. — Техника не дружит с бюрократами.

— Что предлагаешь? — спросил Катан, не выражая ни малейшего раздражения, хотя новости были так себе.

— Да ничего! — Шиму, напротив, был очень зол. Он снял перчатки и с отчаянием бросил их на стол перед собой. — Новую трубу нужно прокладывать! Или две. С этим насосом разберёмся, но, скорее всего, потребуются запчасти. Может, просто резьбу сорвало, а может, и труба пострадала. У нас же всё делали из говна!

Катан потушил сигарету, открыл ящик стола, вытащил оттуда бланк и протянул Шиму:

— Составь список. Ашвар съездит на «Январь» и получит всё необходимое. Надеюсь, хоть с материалами у Менаги перебоев нет.

Новость о поездке на центральную станцию вызывала у меня противоречивые чувства. С одной стороны, мне хотелось остаться и узнать, что с Галашем. Слова Вайши меня почему-то до конца не успокоили. С другой — это был шанс выпрыгнуть из всего этого напряжения.

— А люди? — между тем завёл старую песню Шиму.

— Я же тебе сказал... — начал Катан, но Шиму его перебил:

— Тут одним увеличением смен уже не обойдёшься! Для прокладки трубы мне придётся оторвать от добычи половину персонала, если не больше.

Катан посмотрел главному инженеру в глаза. Было ощущение, будто между ними происходит безмолвный поединок.

— Хорошо, — Катан поднял руки, сдаваясь, — я свяжусь с «Январём» и опишу им нашу ситуацию. Но ничего не обещаю.

Шиму хотел уйти, но начальник станции его остановил:

— погоди, отдай свою куртку Ашвару.

— А я в чём буду ходить? — недовольно спросил Шиму.

— Он же всё поперемажет, — ответил Катан. — Давай, не жмись! Найдём тебе что-нибудь.

Шиму снял куртку, повесил на стул и вышел. Катан обратился ко мне:

— Ты тоже иди, собирайся. Шиму передаст тебе бланк, Маги подготовит вездеход. Выезжай как можно скорее. Свою куртку здесь оставь.

— А отчёт? — спросил я.

— Да хрен с ним, сам твои цифры перепису.

Я чуть не ушёл, но вернулся к своей куртке. Вытащил из кармана фигурку лани и переложил её в одежду Шиму. Мы вышли из кабинета. Катан направился в телефонную, а я зашёл к себе, чтобы переодеться и взять немного денег. Здесь была какая-то совсем другая атмосфера. Тихая одинокая комната, странно уютная в этой своей тесноте, контрастировала с коридором, постоянно оглашавшимся топотом тяжёлых сапог и разговорами рабочих. Я присел на кровать и обратил внимание, что мой свитер даже спереди оказался в пятнах. Почему-то их вид вызывал у меня чувство усталости. Конечно, я успел здорово переволноваться, но эта усталость была о чём-то другом. И она была настолько тяжёлой, что мне хотелось занять себя хоть чем-нибудь, только бы сбежать от неё.

Я снял свитер и майку, подошёл к раковине и принялся смывать со своей шеи и правой щеки чёрные пятна. Но вода и мыло не слишком помогали. Я достал из шкафчика щётку, которой раньше чистил раковину, и начал тереть кожу, пока не почувствовал боль. Снова умывшись, я поднял голову и посмотрел в зеркало. Небольшой след остался.

А потом я увидел своё до сих пор напуганное лицо. Как-то на автомате я изменил выражение лица: из зеркала на меня снова смотрел бойкий парень. Только вот рот предательски кривился. Мне вдруг захотелось ударить по этой фальшивой роже. Пошло оно всё на хер! День за днём я пытаюсь верить, что всё хорошо, но дела идут только хуже!

Я резко отвернулся от зеркала, но в этот раз мне не удалось перебить свои мысли. Да и сил уже не было. Хотя привычка бежать в повседневные заботы сохранялась. Поэтому я машинально стал делать то, что собирался. Открыл тумбочку, достал свежий комплект одежды и деньги. Положив второй свитер на кровать, я вдруг остановился, разглядывая монеты в руках. Впервые мне бросилось в глаза, что они отчеканены в Лакчами. Мы всё ещё пользовались ими.

Лакчами — родная страна для меня и большинства в Антарте — основала этот проект. Масштабное Освоение заснеженного материка в поисках топлива. В последние месяцы своего правления здесь, очень скоро после моего прибытия, благородные семьи Лакчами начали всё больше и больше усиливать давление на рабочих. Заокеанские правители пытались выжать из Антарты максимум и добились общественного взрыва. Забастовки и бунты быстро переросли в настоящую революцию, по итогу которой мы получили независимость. Мы освободились от бесконечной эксплуатации, чтобы... чтобы что?

Мы начали дышать полной грудью и были полны энтузиазма. Но вот эйфория прошла, а

дела в Антарте были далеки от прорыва, на который мы все рассчитывали. Развитие добывающих станций остановилось настолько давно, что здесь накопилось множество проблем. Гораздо больше, чем мы ожидали. Все эти временные решения начинали трещать по швам. До смены власти мы считали, что главная проблема в деньгах, что уходили за океан. Но мы перестали выплачивать «долю Лакчами», а никакого прорыва не произошло. Похоже, революционная администрация только недавно в полной мере поняла, насколько несбыточны наши мечты о быстром преодолении кризиса. Резко понизив смены, «Январь» столкнулся с недостатком средств. А те ужесточения, что он начал вводить в последнее время, всё чаще вызывали ассоциации с дореволюционными временами.

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул. Это просто усталость и тревога. Чёрт! Насколько труднее стало держать себя в форме! Неясное будущее после столь яркой надежды давило на нас всех. Сколько времени всё это продлится? Новость об экспедициях вдохновила бы нас, если бы Менаги мог провести их раньше, когда мы только отвоевали свободу. Но сейчас для всех это означало лишь новое ухудшение условий работы.

Мне вдруг стало стыдно. Только мы сами могли позаботиться о себе. Никто не мог обеспечить нам будущее, а именно оно и стояло на кону сегодня. Экспедиции были необходимы — рано или поздно все действующие станции исчерпают запасы. А я жалел себя в этих условиях. Как же трудно отделаться от этого ощущения, что дальше будет только хуже! Нужно мириться с неудобствами. В конце концов, никто не тянул меня остаться. Даже сейчас я мог вернуться домой.

Эта мысль наконец привела меня в чувства. Мне словно под нос сунули нашатырь. Как бы плохо здесь ни становилось, я ни за что не хотел возвращаться в Лакчами.

Я перевёл дух, сунул деньги в карман куртки, оделся и вышел. В коридоре на меня чуть не налетел Шиму. Главный инженер протянул мне заполненный бланк и удалился. Я прошёл по коридору к комнате связи и приоткрыл дверь. В маленькой камере с голыми стенами, треть которой занимал стол с огромным телефонным аппаратом, теснились Катан и Умак. Скрип двери привлёк внимание начальника станции. Он обернулся и, увидев меня, попросил диспетчера на «Январе» подождать. Катан вышел в коридор и сказал мне:

— Вездеход прогревают. Можешь идти, Ашвар.

Я сделал шаг в сторону, а Катан схватился за лоб и произнёс:

— погоди! Чуть не забыл! Для новой установки, скорее всего, придётся взрывать породу. Принеси мне бланк запроса.

— Где его взять? — спросил я.

— У меня в кабинете, посмотри в ящике стола. Мне тут не оторваться, нужно договорить с «Январём».

Я вернулся в кабинет Катана и без проблем пролез к столу. Когда я потянул ручку верхнего ящика, он уцепил за собой и нижний. В таком же захлапленном столе, как и всё кругом, я обнаружил кипу пустых бланков. Взяв один, я закрыл верхний ящик, но нижний остался открытым. Я мельком бросил туда взгляд и, к своему удивлению, обнаружил внутри револьвер. Он валялся там вместе с открытой пачкой сигарет и небольшой лакированной коробочкой, на которой красовался герб Лакчами. Ручка револьвера была с инкрустацией: тигриная голова застыла в зверином оскале посреди лиан, переплетающихся между собой и усыпанных цветами.

Мне была любопытна и коробочка, поэтому я аккуратно приоткрыл её. Внутри обнаружилась медаль, покоившаяся на красном бархате. Это была золотая звезда. Насколько

я знал, подобные награды выдавали за личное мужество, проявленное в бою. Мы все были в курсе, что Катан участвовал в Патейской войне, но я понятия не имел, что он удостоился таких высоких наград.

Меня ждали дела, поэтому я закрыл коробочку, поставил ящик на место и отправился обратно в телефонную. Начальник станции всё ещё вёл переговоры с «Январём». Я тихо сунул Катану бумагу, за которую он тут же взялся, продолжая слушать диспетчера. Кажется, речь шла как раз о материалах, за которыми меня отправляли. Катан заполнил бланк и закончил разговор. Мы снова вышли в коридор, и начальник станции сказал мне:

— Если насчёт взрывчатки будут жаться, скажи им, что фигу Менаги получит, а не топливо!

Я мрачно усмехнулся, взял бланк и направился к выходу. Позади я услышал голос Шиму, обращённый, по всей видимости, к Катану:

— Ну что там?

— Ничего! — сказал начальник станции. — «Своими силами».

Я обернулся и посмотрел на них.

— Твою мать! — выругался Шиму. — А зэки?

— Сидят за решёткой. Наверно, Менаги — большой гуманист.

Катан хлопнул главного инженера по плечу и сказал:

— Ну, хрена ли делать! Когда мы были не сами по себе?

Они разошлись по своим кабинетам. Я же вышел наружу. Там, у двери, стоял Вайша, который предпочитал курить на открытом воздухе, даже если это предполагало, что он будет торчать на морозе. Увидев меня, он вынул сигарету изо рта и спросил:

— Что? Похоже, такого снова будет больше? — он кивнул на дорожку из пятен, тянущуюся от места аварии к жилому корпусу.

Обратив на них внимание, я вздрогнул. На какое-то мгновение мне показалось, что это кровь. Но наваждение моментально исчезло. Поглядев ещё раз на чернильные пятна, я лишь покачал головой и зашагал к гаражу. Там меня уже ждал прогретый фыркающий вездеход. Ему были чужды наши мрачные предчувствия.

Глава II. Январь

Я снял куртку, не убирая ногу с педали газа. В дороге вездеход прогрелся так, что в нём становилось нестерпимо жарко. Но это было плюсом. Громоздкие вездеходы были единственным сухопутным транспортом в Антарте и ещё одним символом прогресса. Автомобили изобрели три десятка лет назад, и они потихоньку завоёвывали популярность по всему миру. Но машины были предметом роскоши, большинство людей всё ещё передвигалось на повозках, запряжённых лошадьми. В Антарте всё было иначе. Гусеничную тягу создали незадолго до начала Масштабного Освоения, и она оказалась идеальным вариантом для местных условий. За всё время проекта Лакчами перевезла сюда больше сотни вездеходов — неслыханное количество. Для нас они были повседневностью. В остальном мире многие вообще не знали о существовании этих машин.

Солнце заволокло облаками. С неба неспешно падали хлопья снега, мгновенно тающие на тёплом лобовом стекле. Мне приходилось постоянно вертеть ручку дворников, чтобы что-то разглядеть и не сбиться с еле различимых дорог Антарты. Белоснежные долины и горные ущелья, тоже засыпанные снегом, однообразно сменяли друг друга. Новичок легко бы заблудился здесь, но за своё время работы в Антарте я научился хорошо ориентироваться на этом маршруте. Секрет был в том, чтобы запомнить куда ведёт поворот за очередным холмом или скалой. На сами дороги полагаться не приходилось — их быстро заносило. Магистральные линии, вроде пути от «Января» до порта или крупнейших станций, были хорошо помечены по всей длине, потеряться там было сложно. На нашей же дороге стояли лишь редкие чёрные столбики.

Сегодня я мог немного расслабиться. Когда я забрался в вездеход на «Заре», внутри уже сидел Нанг — один из рабочих. По пути на «Январь» он тоже посматривал на дорогу. Нанг был старше меня на пару лет и недавно отметил своё двадцатипятилетие. Покрупнее меня, обычно спокойный, но в последнее время постоянно задумчивый и встревоженный. У него на «Январе», как и у многих, была семья. Как-то прослышав, что я собираюсь на центральную станцию, Нанг моментально нашёл Катана и выклянчил возможность составить мне компанию.

— Я уже месяц своих не видел, — жаловался он мне. — А с посменной работой впрягут так, что вообще будет не выехать.

Я усмехнулся про себя, думая о том, что Катан пытался сделать из новых норм какой-то секрет. Вслух же я произнёс:

— Ну воскресенья всё равно останутся.

— Если уж они хотят крутить насосы без остановки по будням, то с чего бы их остановили в выходной?

— Какое-то послабление будет наверняка, — не очень-то уверенно ответил я.

— Не знаю, Ашвар. Думаю, что я своих ещё не скоро увижу. Хорошо хоть, что всё это теперь не зря.

Он умолк на минуту и вытащил из кармана деревянную фигурку мартышки.

— Видал? — довольным тоном произнёс Нанг. — Карапузам везу. Ижу нормально так по дереву работает.

Игрушка и правда была довольно неплохо вырезана. Конечно, она не могла сравниться с теми, что были в моём детстве, но мои были совсем другого класса. Тем не менее работа

была тонкой. Ижу сумел запечатлеть мартышку с каким-то забавным выражением, в котором глуповатость смешалась с любопытством.

— Зачем он тут торчит? — продолжал Нанг. — Дома мог бы лавочку открыть и жить нормально.

— Кажется, об этом стоило немного раньше подумать, — заметил я.

— Да уж, это точно, — задумчиво ответил Нанг.

По правде говоря, даже если бы Ижу не поехал в Антарту, а всерьёз занялся игрушками, ему бы всё равно еле удавалось сводить концы с концами. В Лакчами было лишь два вида билетов в хорошую жизнь: военная служба и благородное происхождение. Конечно, исключения всегда можно найти, особенно среди торговцев, но обеспеченные мастера в любом деле были редкостью. Поэтому Антарта до всего этого прессинга со стороны правительства была перспективным направлением. Оплата здесь превышала самые смелые ожидания рабочего класса Лакчами. Впрочем, кого попало сюда не набирали.

Переезд из вечнозелёной страны, значительная часть которой покрыта джунглями, в этот морозный край был большим стрессом сам по себе. Дома мы почти не нуждались в системах обогрева, а здесь всё зависело от сохранения тепла. Любая поломка могла поставить под вопрос жизни людей. Несколько часов без крыши над головой могли убить тебя. Этот край был наполнен неведомой опасностью. Антарта требовала от незваных гостей осторожности, внимания, умеренности и крепких нервов. Передовые технологии сглаживали некоторые углы, но рабочим всё равно приходилось быть готовыми к суровым условиям жизни.

Как будто их жизнь в Лакчами была недостаточно сурова. Здесь это оправдывала сама природа, но там? Мой родной континент был переполнен жизнью, плодородием. Только вот оно почему-то предназначалось не для всех. Нанг, к примеру, оказался здесь с семьёй лишь потому что не нашёл способа прокормить их дома. Когда-то он работал на заводе, который позже закрылся, и все рабочие оказались ни с чем. На таких местах невозможно было что-то накопить, только обеспечить себе следующий день.

Я оборвал эти мысли. Мне не хотелось снова думать о Лакчами. К тому же моё внимание привлекла изменившаяся дорога. На последних километрах до «Января» разные пути с юга сливались в один. С перекрёстка обочины были обрамлены деревянными бортами. Кое-где доски покосились или совсем завалились набок из-за сильных бурь, но в целом по-прежнему служили хорошим ориентиром.

Обогнув последнюю скалу, мы выехали в огромную долину, усыпанную ветряками с медленно проворачивающимися лопастями. На этой равнине, среди леса электрогенераторов, находилась центральная станция Антарты. «Январь» отличался от остальных колоний — это был настоящий городок, с которым не могло сравниться даже портовое поселение.

Я заехал на единственную улицу и миновал больницу. Возле одного из общежитий я остановился.

— Комнату помнишь? — спросил Нанг.

— Шестнадцать, вроде, — ответил я.

— Да. Когда мы обратно?

— Не знаю. Как всё загрузят. Задерживаться, сам понимаешь, сегодня нельзя.

— Да, — недовольно сказал Нанг, открыл дверь и соскочил наружу, — надеюсь, хоть часок у меня будет.

Он закрыл дверь и зашагал ко входу в здание. Я же повёл машину к гигантскому зданию центрального склада. В отличие от «Зари», здесь все постройки были сложены из кирпича. Некоторые возвышались на несколько этажей, что было нехарактерно даже для самых больших добывающих станций. Мне нравилось здесь бывать, особенно учитывая, что в последнее время кому-либо из нас редко удавалось вырваться на «Январь». Когда-то он был центром развлечений — в клубе даже иногда показывали фильмы. Потом сломался граммофон, воспроизводивший музыку к киноленте, а ещё позже нам всем стало не до того из-за возросших смен.

Воспоминания о прежних днях быстро пронеслись в голове и выветрились, когда, в ответ на мой клаксон, ворота склада открылись. Я завёл вездеход внутрь, чтобы оставить его здесь до отъезда — пары часов на морозе было достаточно, чтобы машина прекратила заводиться. К моему удивлению, место для парковки было трудно отыскать. Склад был забит таким количеством техники, какого я никогда не видел. Вокруг сновали механики, ковыряясь в двигателях. Некоторые машины были заведены и тархтели многоголосьем. Бочки с топливом, которые обычно занимали бóльшую часть помещения, сегодня теснились вдоль стен, возвышаясь многоэтажными пирамидами.

Я нашёл где оставить машину и заглушил двигатель. Выбравшись, я направился к выходу, по пути нацепляя куртку. Кругом царил невообразимый шум и суматоха. Недалеко от двери на моём пути стоял механик, отдающий распоряжения подчинённому. Старший пытался перекричать всю эту суету, и его слова были слышны даже мне:

— ...Жёлтый глохнет, когда сбрасываешь газ. Им, конечно, нечасто пользуются, но заодно посмотри его. Главное, проверь E08 и M17. Да возьми ты уже блокнот, растяпа! — вдруг ещё больше повысил голос он. — Забудешь же всё!

Я как раз проходил мимо, когда младший побежал за блокнотом. Старший вскинул руку, останавливая меня, и сунул мне под нос планшет с каким-то списком.

— Это что? — крикнул я.

— Распишись за технику, — проорал он.

Это было необычно. Раньше никто не контролировал эти вопросы — кому придёт в голову угонять чужой вездеход? Я присмотрелся к списку и увидел, что речь идёт о каком-то перегоне машин.

— Кажется, это ошибка. Я ничего никуда не перегоняю. Я приехал за материалами и на этом же вездеходе вернусь обратно.

Механик посмотрел на меня, на машину и убрал планшет, а я спросил:

— А для чего это всё?

— Ты не слышал? — удивился механик. — Менаги устраивает самую большую разведку за всё время. Он собирает всю технику, какую может, чтобы отправить экспедиции сразу в нескольких направлениях.

Он осмотрелся и добавил:

— Некоторые вездеходы на ладан дышат, а новые всё приходят и приходят. Надо куда-то этот металлолом девать, а то уже сейчас они еле влезают...

Механик замолчал, оглядывая ряды машин, а я спросил:

— Где Менаги собрался взять столько людей?

— Не знаю. Похоже, постоянных работников с колоний переведут в разведку.

— Кто же тогда будет добывать топливо?

— Я не знаю. Моё дело вообще маленькое, мне только учёт нужно вести, да проверять,

чтобы всё это железо было на ходу.

— Надеюсь, — я усмехнулся, — к моему возвращению конкретно этот вездеход никуда не уйдёт.

В этот момент вернулся младший механик, и старший переключился на него, кажется, пропустив моё замечание мимо ушей:

— Так вот, E08 и M17 проверь, а потом займись теми, — он ткнул в несколько машин, стоявших отдельно. Младший механик еле поспевал записывать за ним.

Я понял, что наша беседа окончена. Эта выставка машин мрачно подсказывала, что мои представления о непростом будущем были слишком оптимистичными. А я с ними только-только примирился.

Размышляя об этом, я покинул склад, пересёк улицу и вошёл в здание администрации. Просторный вестибюль, утопающий в сумраке, встретил меня шорохами, звуками хлопающих дверей и эхом разговоров. Здесь всё жужжало в унисон складу — громче, чем обычно. Я подошёл к стойке дежурного. Позади неё, на стене, до сих пор красовался плохо стёртый герб Лакчами. Дежурный направил меня в нужный кабинет для утверждения запроса на материалы, но получить взрывчатку по-прежнему можно было только через координатора проекта — устаревшая схема оборота оружия и опасных веществ всё ещё действовала. Должность координатора проекта после революции слилась с новоиспечённой позицией главы Антарты. Меня взволновала возможность лично увидеть легендарного Менаги, которого многие из нас считали избавителем колоний от власти Лакчами. Вот только на месте его не было.

— А где он? — поинтересовался я.

— Проводит инструктаж по экспедициям в здании фермы, — не поднимая головы, ответил дежурный. — Но лучше подождать его здесь. Туда всё равно никого не пускают, кроме участников экспедиций.

— На ферме? Зачем? — «Январь» сегодня не прекращал удивлять.

Дежурный оторвался от своих дел и посмотрел на меня.

— Им нужно было очень много места, — ответил он, — Менаги согнал большую толпу рабочих.

— Да? Нас даже не предупреждали...

— Никого не предупреждали, — равнодушно отозвался дежурный, — это приезжие. Менаги набрал для этого новых людей за рубежом.

Трудно описать облегчение, которое несла эта новость. Значит, нам не придётся возвращаться к условиям времён Лакчами. Экспедициями займутся новые команды, а мы будем снабжать их топливом, пока они сами не найдут месторождения. Возможно, на несколько месяцев придётся хорошенько напрячься, зато потом всё станет гораздо лучше. Больше топлива — больше денег, а значит, нас ждали благополучные времена.

Я думал, что часть персонала с «Зари» будет переведена на экспедиции. После разговора с механиком ситуация стала выглядеть ещё хуже. Так что новость о новых рабочих просто окрылила меня. Даже сгустившееся в последние недели разочарование перестало быть таким монолитным. Я быстро получил подтверждение на свой запрос по материалам и отнёс его на склад. Пока я ждал погрузки труб в вездеход и возвращения Менаги, можно было зайти в клуб и выпить чего-нибудь горячего. Выйдя со склада, я посмотрел в конец улицы, за которым открывался вид на ветряки и стоящее поодаль огромное здание фермы, величественно проступающее из снегопада. Некоторые считали его символом

расточительства — учитывая затраты на постройку и поддержание этого искусственного огорода, продукты с него были не сильно дешевле, если не дороже, чем доставка из-за океана. Но мне ферма казалась символом независимости Антарты, и было что-то знаковое в том, что экспедиции начинают свой путь именно отсюда.

Я вошёл в клуб воодушевлённым и сразу ощутил странный диссонанс местной атмосферы со своим состоянием. Здесь царило то же настроение, какое одолевало меня всего полчаса назад. Жалюзи на окнах были наполовину закрыты и слабо пропускали свет с улицы, отчего зал утопал в полумраке. На большинстве столов стояли перевёрнутые стулья. Сцена терялась в темноте, и всё заведение казалось безжизненным. Я не сразу заметил, что на одном из столиков включена лампа, тусклый свет которой падает на двух посетителей. Бармен, казалось, дремал, когда я подошёл к стойке и заказал себе кофе. Он молча наполнил мне кружку, взял деньги и вернулся в своё сонное состояние.

Я не стал донимать его разговорами и направился к единственным гостям клуба. Это была странная парочка: старик с длинными седыми волосами, зачёсанными назад, и молодой парень примерно моего возраста. Оба сидели в куртках, хотя в клубе было не так уж и холодно.

— Позволите? — спросил я, подойдя к столу.

— Разумеется, присоединяйтесь, — ответил старик.

— Ашвар Шел-Тулия, — представился я.

— Карру Шолла, — отозвался старик.

— Майф, — представился парень.

— Карру Шолла?! — я уже и не гадал, какие ещё сюрпризы меня ждут сегодня. — Архитектор?

— Прошу... — старик поморщился, — давайте, пожалуйста, обойдёмся без восторгов и просто проведём время в беседе с интересными людьми.

Я еле удержался от вопросов. Карру Шолла был ещё одной местной знаменитостью, которая, пожалуй, затмевала даже Менаги. Всё лучшее и наиболее прогрессивное здесь было его заслугой. До меня доходили слухи, что Масштабное Освоение предполагалось провести, построив кучку станций, вроде «Зари», только ещё экономичнее, если не сказать беднее. Но когда Шолла, успевший зарекомендовать себя в Лакчами, был назначен на проект главным архитектором, планы преобразились. Повсеместная электрификация, недоступная на тот момент большинству городов, полноценная клиника и общежития, амбициозная ферма — всё это были его идеи. Да весь «Январь» — город среди бескрайних снегов — был бы одним большим складом с парой бревенчатых бараков, если бы Шолла не продал своё видение на совете благородных семей.

Я никогда не встречал его раньше, но ни о ком другом до Менаги здесь не говорили так много. В изумлении я сел на стул, затаив дыхание и приготовившись ловить каждое его слово. Но я совершенно не ожидал, что главный архитектор Антарты окажется простым человеком из плоти и крови, а не демиургом, создающим новые миры.

Когда я только прибыл на континент, белая пустыня произвела на меня гипнотическое впечатление. Это и неудивительно, учитывая, что в Лакчами снег бывает только на далёком севере или высоко в горах, а я не был ни там, ни там. Мне казалось, что здесь ничего невозможно возвести. Конечно, здания «Января» не могли сравниться с усадьбами благородных семей, в которых я провёл своё детство, или дворцами на городских площадях. Но и эти кирпичные постройки, вместе с завораживающими синхронностью движений

ветряками, казались магическими, созданными руками не людей, но сверхсозданий, вроде бога Ракни — покровителя здешних рабочих.

Из оцепенения, вызванного этими образами и воспоминаниями, меня вырвали слова Карру Шоллы:

— Мы вместе с юным Маифом обсуждаем всю эту суету последних дней. Как вам, Ашвар, новый амбициозный проект колоний по поиску новых месторождений?

Переход от моих мыслей к повестке дня был настолько быстрым, что я не сразу нашёлся, что ответить. Впрочем, нужные слова мне подсказало собственное воодушевление.

— По-моему, это прекрасно, господин Шолла! — ответил я, отпив немного кофе. — Нам всем в последнее время не достаёт уверенности в завтрашнем дне. Новые месторождения это обеспечат. Больше топлива — больше бюджет. Колонии смогут нанять больше рабочих, мы увеличим объёмы торговли и здорово улучшим здесь жизнь.

Мои собеседники переглянулись.

— Я вижу, вы полны энтузиазма, юный Ашвар, — сказал Шолла с лёгкой улыбкой, — это естественное и полезное качество для вашего возраста. Пожалуй, то, чего не хватает господину Маифу. Как и оптимизма. Впрочем, мы оба в этом грешны.

— Что Вы имеете в виду? — с недоумением спросил я.

— Я считаю, что они ничего не найдут, — ответил Маиф, — во всяком случае не так много, как нам всем хотелось бы.

Что-то в этом парне раздражало меня. Я подумал, что дело в его несколько шепелявом произношении.

— Почему? — спросил я.

— Я не знаю в точности, что происходит на инструктаже, — продолжил Маиф, — не знаю, чем руководствуются новые экспедиции, но вы помните, Ашвар, чем закончились предыдущие поиски?

— Нет, — неуверенно ответил я, — припоминаю, что поток инвестиций уменьшался, но я не вдавался в подробности. Я прибыл в Антарту, когда экспедиции уже были остановлены.

— А почему поддержка колоний сокращалась?

Мне не нравились эти расспросы. Маиф навевал на меня тоску.

— Не знаю. Кажется, на рынок начала активно проникать нефть с Мелай. Благородные семьи вроде проявляли к ней интерес.

— Дело было не только в рынках, — сказал Маиф, — в последние годы новые экспедиции всё реже обнаруживали месторождения. В последний год разведки восемь полноценных, дорогих поисковых команд не нашли вообще ничего. Лакчами потратили огромные деньги, чтобы просто увидеть, как их заносит снегом.

— Ну и что? — мне хотелось ему противоречить, хотя всё это звучало знакомо, и я догадывался, к чему он ведёт.

— Методика не изменилась, Ашвар. Во всяком случае, насколько мне это известно. Господин Менаги вкладывает очень большие суммы в поиски, которые, вполне вероятно, закончатся ничем. Нам нужно тратить не на сами экспедиции, а на изменение всего подхода к поиску топлива.

— Откуда вам знать, что методика не верна? — парировал я. — Со всеми случаются неудачи. Ведь, до того как поисковые группы стали возвращаться ни с чем, разведка проводилась по той же схеме. И на этой методике стоит «Январь», стоит вся Антарта.

— Юный Маиф, — вмешался Шолла, — утверждает, что он был студентом у

профессора Укши. Справка, с которой он выпустился, это подтверждает. Вы знаете, Ашвар, кто такой профессор Укша?

Разумеется, я знал. Он был отцом всего Масштабного Освоения. Во время моей учёбы нам все уши прожужжали. Этот человек проделал огромную работу, анализируя известные данные по Антарте. Он смог вычислить геологические признаки, по которым в этом краю можно было отыскать топливо.

— Да, знаю, — ответил я.

— Так вот, — продолжил Шолла, — Майф был настоящим фанатом профессора и перечитал все его работы. И, что самое интересное, он утверждает, что нашёл в них ошибки.

— Ошибки? — подобное заявление было сродни богохульству. Профессор Укша обладал непререкаемым авторитетом в научных кругах.

Майф достал из куртки блокнот и карандаш.

— Чтобы не вдаваться в подробности... — он начертил на листе бумаги линию, — представьте, что эта линия представляет собой все месторождения топлива в Антарте.

— Хорошо.

— А теперь... — он провёл ещё одну линию, которая вплотную прилегала к первой. Получалась одна жирная черта. — Эта линия — признаки, которые выделил профессор Укша. По ним мы находим месторождения. Во всяком случае, так обстоят дела, следуя логике профессора.

— Это понятно, линии совпадают.

— Но мне кажется, что дело, на самом деле, обстоит вот так... — Майф провёл ещё одну линию в стороне, — это у нас месторождения. А это... — он начертил кривую, которая совпадала с новой линией лишь на некотором протяжении, а потом уходила вбок, — признаки профессора.

Я вздохнул, глядя на это наглядное произведение. Оно вызывало смешанные чувства. Мне хотелось усмехнуться, но я удержался от этого.

— Самоуверенно, — подытожил я.

— Мне тоже так кажется, — сказал Шолла, — только вот интересный факт. В справке, которую вместо диплома получил Майф, высший балл по всем дисциплинам. До выпускного экзамена. Мой юный друг утверждает, что незадолго до этого рубежа он дерзнул высказать свои сомнения профессору. Что интересно, экзамен и передача были безнадёжно завалены. Неудовлетворительная оценка за экзамен всё в той же многострадальной справке стоит за подписью нескольких преподавателей, в том числе и нашего уважаемого профессора.

Мне казалось, что Майф просто придумал сказку, которую всем рассказывал, вместо того, чтобы описать реальную причину конфликта между ним и профессором. Возможно, там было что-то постыдное, чем он не хотел делиться, предпочитая выдавать себя за отвергнутого гения.

— Я вообще не собирался сюда ехать, — сказал Майф, — мне казалось, что я ошибся и оскорбил профессора. Но когда услышал, что в колониях действительно начались перебои с поиском новых месторождений, я попытался донести свои мысли до ответственных лиц. Разумеется, меня подняли на смех. Я не отчаивался и отправился в Антарту, думая, что здесь будет проще оказаться услышанным. Но, как видите, студент-недоучка никого особо не интересует, кроме господина Шоллы, чья специализация пролегает в иной плоскости. С тех пор я пытаюсь найти новый подход к поиску месторождений, чтобы иметь возможность разговаривать с администрацией Антарты более предметно. Определённый прогресс есть,

но моя работа ещё не закончена.

Я не хотел продолжать этот разговор. Это была какая-то гадкая история, особенно учитывая, что я не поверил Маифу. Мне было неприятно, что он наговаривает на уважаемых людей, чтобы повысить собственную значимость. Хотя я не мог отделаться от странного чувства родства с ним. Противостояние с упрямой элитой Лакчами, состоящей из стариков, монополизировавших истину. С их экспертностью и правом распоряжаться жизнями молодых и более бедных. Всё это было мне знакомо не понаслышке. Но всё же я предпочёл сменить тему.

— Господин Шолла, — сказал я, — Вы сказали, что вы оба грешны в отсутствии оптимизма и энтузиазма. История Маифа мне понятна. Но что у Вас вызывает такое настроение?

Шолла улыбнулся.

— Я сижу здесь не первый день, — сказал он, — и хотя мне приятна компания Маифа или ваша... Но как вы думаете, Ашвар, собирался ли я проделывать такой длинный путь, чтобы сутки напролёт пить в баре?

— Вероятно, нет, — ответил я.

— Вот именно. Но колонии уже долгое время не находят мне лучшего применения.

— Ну, Вы можете почивать на заслуженных лаврах, разве нет? Вы создали это место. Вы построили колонии.

— Я бы предпочёл почивать на заслуженных лаврах в своём поместье на лакчамском берегу. Но, кажется, я сижу здесь.

Он посмотрел на меня с какой-то задорной улыбкой, хотя его взгляд был пропитан печалью.

— Что Вы хотите сказать? — спросил я.

— Мне дали мечту любого архитектора, — продолжал Шолла. — Мне предложили построить город с нуля. Целую сеть станций с нуля. Вот только остановили гораздо раньше, чем этот ноль превратился в то, что я действительно хотел сделать. Они сказали: «Извини, старик, у нас нет на это средств». Я даже не успел закончить электрификацию. Почему, по-вашему, на многих станциях насосы до сих пор работают на бензиновых генераторах? Сколько топлива мы теряем на этом? Руководство можно понять. Не их проблема искать, чем заняться престарелому архитектору. Но поверьте мне, мои юные друзья, ничто так не расстраивает, как незаконченный труд.

Я наклонил кружку и заглянул в неё. Кофе закончился. Инструктаж для экспедиций, наверно, тоже. Эта мысль возвращала мне жизнь, которая словно остановилась здесь. И было что-то ещё, что подталкивало меня уйти.

— Думаю, — сказал я, — это ещё не конец, господа. Может быть, это правда, — я указал кружкой на схему Маифа, — но ведь где-то эти линии совпадают. То, что задумал господин Менаги, станет самым масштабным поиском за всю историю Антарты. Хотя бы несколько групп что-то обнаружат. И тогда колонии будут в порядке, — я кивнул в сторону Маифа, — и у них будут деньги на строительство, — я кивнул в сторону Шоллы.

— А вот это прекрасная логика! — сказал архитектор. — Нам явно есть чему поучиться, господин Маиф!

— Вы сказали, — я обратился к Шолле, — что Вам не хватает оптимизма. Но я не думаю, что Вы остались бы здесь после всего, что произошло, если бы в глубине души не верили, что однажды Вам выдастся шанс закончить своё великое творение, господин Шолла.

Тем более, что господин Менаги грезит о превращении Антарты в лучшее место для жизни не меньше, чем Вы. Для его амбициозных планов рано или поздно потребуется амбициозный градостроитель.

Архитектор с улыбкой кивнул и сказал:

— Вот только сроки исполнения его мечты постоянно переносятся.

— Похоже, всё оказалось несколько сложнее, чем все мы ожидали, — ответил я. — Но это не говорит о том, что мы взвалили на себя непосильную ношу. На воплощение планов Менаги просто требуется больше времени.

Я встал и произнёс:

— А теперь извините, господа, вынужден откланяться. Пора возвращаться к ежедневным заботам.

Я снова чувствовал себя прекрасно. Мне казалось, что эти слова преисполнены мудрости, раз мои собеседники с ними не спорят. Странно было снова говорить на этом высокопарном языке лакчамских дворян. В последние годы он казался мне гадким. Слишком уж сильно напоминал о людях, которых вопрос хороших манер занимал больше, чем вопрос порядочности по отношению к другим. Впрочем, кроме как языком, ни Шолла, ни Маиф ничем не походили на типичных аристократов. Архитектор мне понравился, хоть его настрой и рушил образ всемогущего строителя. А чтобы проникнуться симпатией к горестуденту мне не доставало настоящей мудрости. Понимания того, что меня раздражает не его претенциозность или шепелявость, а то, что его слова сбивали моё воодушевление. Всё это и толкало меня покинуть эту парочку. Они лишали меня чувства, которое я не испытывал очень давно и боялся потерять.

Когда Менаги вернулся с инструктажа, мне не сразу удалось к нему попасть. Я сидел в коридоре администрации и ждал, когда у него закончится новое совещание, проходившее теперь в конференц-зале. В этой части здания стояла тишина. Лишь откуда-то издали доносились шумы кабинетной жизни. Из-за двери зала, в котором собрались чиновники администрации, были слышны голоса, но ни единого слова невозможно было разобрать. Мне пришлось просидеть здесь около получаса. Можно было бы вернуться в клуб, но мне не хотелось погружаться в атмосферу тоски и разочарования, которые царили там. Я надеялся избавиться от этих чувств навсегда.

От нетерпения я постукивал по папке с бланками, которая лежала на коленях. Мне хотелось поскорее вернуться на «Зарю» и рассказать последние новости. Наконец, из конференц-зала донеслись шаги и скрип стульев. Дверь открылась, и я увидел мужчину лет пятидесяти, за которым следовал молодой парень примерно моего возраста, может, чуть постарше. Мужчина был высоким и статным, как и полагается герою — в нём я легко узнал Менаги. Парень был заметно пониже, хотя тоже обладал прекрасной физической формой. Его я не знал. На лице Менаги застыла маска раздражения, смешанного с презрением. Парень был чем-то возмущён. Похоже, они вышли на середине разговора. Парень обращался к главе колоний:

— ...Об этом недопустимо говорить! Это же прямое... — он замешкался, увидев меня и повторил уже тише, — об этом недопустимо говорить!

Менаги обернулся и ответил тоном, исключаящим любые вопросы:

— У нас не осталось выбора. В ваши обязанности, господин Мэнаф, не входят споры со мной. Я дал вам чёткие распоряжения. Ваше дело — сметы и списки рабочих. Вот и

займитесь этим! Немедленно!

Парень дерзко взглянул в глаза Менаги, но ничего не сказав, ушёл по коридору вслед за остальными пятью людьми, покидавшими конференц-зал. Я подошёл к главе колоний и объяснил своё дело. Его настрой резко сменился на заинтересованный, без малейших признаков недавнего раздражения. Менаги отвёл меня в свой кабинет, гораздо более просторный, чем любая комната на «Заре». Здесь почти не было мебели, не считая стола, нескольких стульев и шкафа. В углу стоял пустой флагшток.

Мне хотелось узнать, о чём он спорил с тем парнем в коридоре и о деталях экспедиций, но интересоваться было неуместно. Да и в присутствии ещё одной легенды Антарты я ощущал такую робость, что старался не производить лишнего шума. Странно было видеть его за столом, а не на станции, среди рабочих, которых он призывал бороться за нормальные условия труда и социальные гарантии. Во всяком случае, таким — красноречивым, окружённым толпой соратников, — он мне представлялся по рассказам других.

Менаги принял у меня запрос на взрывчатку и сказал:

— В будущем этим будет заниматься господин Самманч.

— Кто? — спросил я.

— Господин Самманч, — повторил Менаги, — уполномоченный по безопасности в колониях. Вы могли его видеть в коридоре. Я составлю распоряжение для склада, но в следующий раз обращайтесь к нему.

Менаги начал строчить на бумаге. Похоже, он обратил внимание на моё имя в запросе, потому что произнёс, не поднимая головы:

— Лакчи Шел-Тулия не ваш родственник?

— Да, — ответил я, взволнованный его интересом к моей персоне, — он мой отец.

Менаги мельком посмотрел на меня. В его глазах читалось лёгкое удивление. Затем он произнёс с восхищением, продолжая заполнять бланк:

— Человек чести...

— Да, о нём многие так отзываются, — с некоторой неуверенностью ответил я.

На момент воцарилось молчание, в котором я чувствовал себя несколько неудобно и поэтому спросил:

— Вы знакомы с ним?

— К сожалению, нет. Но! Разумеется, весьма наслышан. Настоящий хранитель традиций.

— Это верно... — мне хотелось ёрзать на стуле, но я боялся пошевелиться в присутствии Менаги.

Он закончил с бланком и посмотрел на меня. Его лицо выражало благодушие, но в глазах было что-то пронизывающее. словно он был способен прочесть меня как книгу.

— Когда началась революция, — сказал Менаги, — многие люди из благородных семей предпочли покинуть Антарту. Но не вы, Ашвар... Почему?

Контраст между его мягким тоном и бесстрастными глазами вызывал у меня растерянность. Да и вопрос был внезапным. Я не сразу нашёлся, что ответить. Я никогда всерьёз не задумывался о возможности вернуться домой, хотя где-то на краю сознания она всегда маячила. Впрочем, мысли о родителях в этот момент будили другие воспоминания о Лакчами, которые вернули мне уверенность.

— Я отправился в Антарту, господин Менаги, не для того, чтобы при любых сложностях прятаться за своего отца. Многие товарищи моего детства привыкли пользоваться своим

положением. Но главное, что я могу взять от Лакчи Шел-Тулия, — это не его деньги или влияние. Главное — это его наставления о том, как быть мужчиной, быть человеком чести. И я надеюсь, что смогу стать таким, как он.

В глазах Менаги снова промелькнуло что-то, кроме невероятной сосредоточенности, а на лице появилась еле заметная ухмылка. Я бы предположил, что он был удивлён моим ответом, но это было как тыкать пальцем в небо. Скорее уж я сам удивился своей уверенности. Тем более что эта тирада была только отчасти правдивой.

— Но в Лакчами нас называют предателями, людьми, потерявшими свою честь, — заметил Менаги.

— По-моему, честь имеет мало общего с тем, что о нас говорят, — открывать ему то, что я думаю, было ещё более странно, чем прятать свои мысли.

— Тонкое замечание, Ашвар, — его глаза снова потеряли выражение. — Ваше воспитание говорит о том, что люди не врут о Лакчи Шел-Тулия. Я рад, что у нас есть такие работники, как вы... «Зарёй» управляет Катан Оша, верно?

— Да, — трудно было скрыть улыбку, мне льстили похвалы от Менаги.

— Он человек с характером.

— Это точно! — я усмехнулся, вспоминая, как Катан вскользь отзывался о главе Антарты.

— Он хороший работник, Ашвар. И хороший администратор. Но на местах далеко не всегда видна общая картина. Не все понимают, почему мы принимаем те или иные решения. Сейчас нам нужно сплотиться и работать. Наши ресурсы ограничены. Конечно, мы больше не выплачиваем долю Лакчами, но у нас теперь гораздо меньше людей. Есть и другие проблемы. Если мы не хотим завтра выключивать прощение и билет обратно, нужно примириться с определёнными неудобствами.

У меня было странное ощущение, что он говорит не со мной. Пока он произносил эту речь, его лицо становилось всё более серьёзным. Но как только Менаги закончил, он широко улыбнулся, встал из-за стола и, провожая меня к выходу, положил руку мне на плечо.

— Но с такими людьми, как вы, Ашвар, я думаю, у нас всё получится! Возвращайтесь на станцию. Тяжёлые времена придут и уйдут. Если мы будем работать на совесть, всё будет в порядке!

Мы попрощались, и я вышел. Это был странный разговор, в течение которого я испытал такой клубок чувств, что распутать его не представлялось возможным. Так или иначе, сейчас я чувствовал себя прекрасно.

Я пролетел по коридору и лестнице, по пути натягивая куртку. У выхода со мной чуть не столкнулся тот парень, Менаф, который спорил с Менаги на моих глазах. Он вошёл с улицы без верхней одежды, и я почему-то сразу подумал, что он выходил охладиться. Менаф был угрюм. Зато я находился в приподнятом настроении и пропустил его мимо, не давая ничему омрачить свой дух.

Покинув администрацию, я вернулся на склад, где суматоха только усилилась. Рабочие продолжали разбираться с машинами, но теперь сновали туда-сюда ещё быстрее. Я дал главному механику бумаги от главы колоний. Он сказал мне подождать в вездеходе, который был уже загружен всеми остальными материалами. Несколько минут я провёл в кабине, наблюдая за общим оживлением. Волнение витало в воздухе. После стольких месяцев рутинной жизни колонисты готовили новую волну покорения Антарты. Впервые мы делали это сами, без участия Лакчами. Подошедший механик передал мне взрывчатку, пожелал

удачи, и я выехал со склада.

По пути пришлось сделать остановку у местного магазинчика. Мне нужно было забрать Нанга, и я не хотел нарушать обычай, заходя в чужой дом с пустыми руками. Выбор был невелик, поэтому я смог прикупить только небольшой пирог да несколько конфет. Конечно, стоило принести что-то получше. Но с другой стороны, я должен был заглянуть буквально на минуту.

Добравшись до общежития и войдя внутрь, я был захвачен врасплох местной атмосферой. Она была совсем другой, хоть и не менее оживлённой. Топот ног и детские голоса доносились со всех сторон. Это было женское царство. Из мужчин здесь постоянно появлялись только те, кто сам жил и работал на «Январе». Семьям остальных приходилось ждать своих мужей и отцов неделями и месяцами, пока у тех не появлялось возможности вырваться на выходной или два со своих станций. Кажется, сегодня был день большой стирки, потому что через весь коридор протянулась верёвка с сушившимся на ней бельём. Воздух был влажным от горячего пара, пробивавшегося из-под дверей то тут, то там. Кое-где в узком коридоре попадались выставленные шкафы. Пробираясь между ними, я опустил руку в карман, чтобы вытащить пакет с конфетами, и наткнулся на фигурку лани. Она была тёплой.

Я нашёл комнату шестнадцать, которую семья Нанга делила с другими людьми. До революции здесь так жили все, теперь — чуть больше половины обитателей. На мой стук сначала никто не ответил, но через минуту дверь открылась, и из-за неё показался счастливый отец семейства.

— Уже пора? — спросил Нанг, плохо скрывая своё разочарование. — Проходи, я сейчас соберусь.

Я вошёл внутрь и оказался посреди комнатухи, в которой почти не было свободного пространства. По разные стороны от маленького окна располагались две кровати, между которыми пролегал узкий проход. За дверью стоял шкаф, не позволявший ей открываться нараспашку. По другую сторону от входа, в углу, был стул, перед которым лежал свёрнутый настил. Наверное, на нём спали дети. Они были здесь же, играли с новой мартышкой и другими немногочисленными игрушками, устроившись на одной из кроватей. Дети не обратили ни малейшего внимания на меня. Рядом с другой кроватью стояла женщина. Она заворачивала еду и что-то ещё в кулёк. Сложно было представить, что все они умещаются здесь вместе с ещё одной семьёй.

— Это моя жена Кима, — сказал Нанг. — А это Ашвар — наш инженер.

— Помощник инженера, — поправил его я и поклонился.

— Приятно познакомиться, — почти без интонации сказала Кима, а я передал ей пирог и конфеты.

Она поблагодарила меня и вернулась к свёртку.

— А это мои дети — Шакти и Лиму, — сказал Нанг. — Да оторвитесь вы на минуту! Скажите «здравствуйте» дяде Ашвару!

Дети по команде прыгнули с кровати, подошли ко мне и поздоровались, после чего вернулись к своим баталиям.

— Присядь, — сказал Нанг, — я буду готов через минуту.

Я послушно опустил на стул. Здесь было так странно. Это место было наполнено какой-то суматошной жизнью. Конечно, остальной «Январь» и другие колонии тоже жужжали, как муравейники, но было что-то механическое в нашей ежедневной суете. Сейчас

мне казалось, что мы — мужчины — превратились в Антарте в продолжения насосов, с которыми работали. Особенно с тех пор как все наши развлечения свелись к вечерним посиделкам в столовых.

Нанг собрался, а Кима протянула ему свёрток. Он поцеловал её на прощанье, а она спросила немного встревоженно:

— Когда ты вернёшься?

— Не знаю, — ответил он. — Смены снова увеличивают.

— Скоро запустят экспедиции, — вставил я. — Если всё пойдёт хорошо, то это ненадолго.

Нанг посмотрел на меня. В его взгляде промелькнула печаль. Дети обернулись.

— Папа уезжает? — спросил Лиму.

Он был младший, лет четырёх. По щекам Лиму, которому минуту назад не было никакого дела до папы, побежали слёзы. Нанг поднял его на руки и сказал:

— Папа вернётся! Но надо поработать, чтоб вам было что жрать, тигрята.

Он поставил ребёнка на пол и обнял их обоих.

— Берегите маму и слушайте её!

Нанг ещё раз обнял жену, и мы вышли, оставив его семью внутри. Кима и Шакти махали нам, пока мы пробирались через узкий коридор. Лиму продолжал похныкивать. Выйдя на морозный воздух из натопленного помещения, мы побыстрее забрались в вездеход, продолжавший тарыхтеть, и направились к «Заре».

Путь назад показался мне невероятно коротким, потому что всю дорогу мы с Нангом разговаривали. Мы оба были довольны. Он смог повидать семью, а меня распирало от новостей насчёт новых рабочих. Добравшись до «Зари», я высадил Нанга у входа, а сам завёл вездеход в гараж. Я чуть не вприпрыжку добежал до станции, желая поскорее рассказать о том, насколько большими будут поиски, а главное — что для этого не потребуется отзывать наших людей.

Завалившись на «Зарю», я сразу же наткнулся на нескольких людей в коридоре, среди которых были Катан и Шиму. Я открыл рот, чтобы поделиться радостью, но Шиму меня опередил:

— Ты-то тоже не слышал?!

По их тону я понял, что их новости далеко не такие лучезарные. Тут же стоял Нанг, он был гораздо мрачнее, чем несколько минут назад.

— Что случилось? — спросил я.

— Они нас кинули! — ответил Шиму.

— Полчаса назад с «Января» сообщили, — сказал Катан, — что Лакчами перед уходом скрыли данные по месторождениям.

— Какие данные? — не понял я.

— Какие? — продолжал Катан с возмущением. — Такие, что нас ждёт полное истощение в течение года или около того.

— Но ведь экспедиции...

— Если экспедиции не найдут нам океан топлива, то мы в лучшем случае продержимся ещё пару лет. А потом будем только надеяться, что Лакчами пустят нас обратно. А если мне не изменяет память, они не особо довольны тем, что мы тут устроили.

Новости меня ошарашили. В голове каскадом проносились впечатления от сегодняшнего дня. Я с надеждой вспоминал механиков, которые готовили машины к

большой разведке. Но эту картину оттесняла другая. На ней студент, вылетевший с позором из университета, рисовал две расходящиеся черты.

Глава III. Норвальдец

Я воткнул маленький деревянный столбик в снег, присел рядом с ним и посмотрел на машинное отделение. Поднял лежащую рядом рулетку. От неё к зданию протянулась длинная лента. Я положил рулетку на столбик. Отсюда до машинного было сорок два метра. Я вытащил из кармана планшет и записал расстояние. Вернувшись к зданию, я отцепил закреплённый конец рулетки и начал замерять длину от столбика до места, где рабочие расчистили снег и колотили промёрзшую землю. Они расступились, когда я подошёл, и стали ждать, пока снова смогут вернуться к работе. Пятьдесят шесть метров.

Замеры нужны были для Шиму. Он проектировал новую насосную установку, чтобы мы могли покрыть обновлённые нормативы добычи. В ближайшее время это было нереальной задачей. Пока мы будем ставить ещё один насос, придётся снизить обороты. Хотя бы к этому «Январь» отнёсся с пониманием. Правда, Катан всё равно некоторое время препирался с Менаги по поводу сроков запуска нового насоса. Я уже и не помню, когда начальник станции в последний раз решал вопросы с администрацией без лишнего шума. Мы в это не вмешивались. Во-первых, потому что никто не хотел попасться Катану под горячую руку. Во-вторых, он, в конце концов, действовал в интересах «Зари». Хотя я считал, что иногда ему стоило думать и об общем деле. Неслучайно Менаги в разговоре со мной подметил, что с нашего места не видна картина целиком.

Когда я возвращался в жилой корпус, до меня донеслась ругань. Я оглянулся и увидел рабочих, которые возились с повреждённой трубой. Вентиль сорвал резьбу, и теперь секцию нужно было заменять. А промёрзшие насквозь детали не так-то легко снять. Ремонт стал ещё одной причиной снижения добычи: соседние насосы пришлось отключить, чтобы их давление не вызвало течь на этом месте. Сегодняшние нормативы были заведомо недостижимой целью. Рабочие переругивались, пытаясь снять клапан с трубы. Я вздохнул, глядя на это, и вошёл в жилой корпус.

На станции был оборудован небольшой зал с несколькими столами, которыми пользовались люди вроде меня, лишённые отдельных кабинетов. Я присел за стол и принялся переписывать результаты своей работы ровными цифрами для Шиму. Погрузившись в работу, я даже не заметил, как кто-то подошёл. Над моим ухом раздался голос:

— Это что за говно?

Я поднял голову и увидел Мэката и Маги. Кажется, это они возились со сломанным насосом. Мекат держал в руке трубу, а на его лице застыла гримаса отвращения. Она не была какой-то особенной — он всегда смотрел на людей так, будто хочет их ударить. О его настроении приходилось догадываться лишь по тону голоса. Мекату было двадцать пять, но он вёл себя так, будто уже всякого в жизни навидался и всему знает цену. Маги был младше на пару лет и редко проявлял характер. Вообще, он был довольно замкнутым и больше предпочитал проводить время с машинами, чем с людьми. Он и в Антарту перебрался только потому, что его увлекали новые технологии. Маги был немного не от мира сего. Революция, обрубившая путь назад, вообще не произвела на него никакого впечатления.

— Что? — спросил я, не улавливая суть послания.

— Вот это, — Мекат помахал трубой перед моим носом, — что за говно?

— Труба.

— Без тебя вижу, что труба. Хули она длиннее, чем наши?

— А зачем тебе вообще труба?

Мекат вздохнул и сказал:

— Ну мы, короче, меняли клапан, а он, сука, примёрз нахер. Мы его потянули, и труба под ним крякнула. Ясен хер, пришлось со склада брать другую. А она длиннее. Этот тормоз не поверил, — Мекат ткнул трубой в сторону Маги, — так я ему сказал, чтоб он её присобачил. И он ведь присобачил! А вот клапан уже не влез. А привёз это говно ты.

Маги раздражённо пробурчал что-то под нос, но Мекат не обратил на это внимания. Я даже не удивился новостям. После известий о грядущем истощении, всё стало каким-то далёким от меня. Где-то в глубине души я словно примирился с тем, что теперь всё будет идти не так.

— Привёз то, что Шиму сказал, — заметил я. — Откуда мне знать? Пойдём у него спросим.

Я поднялся из-за стола, и мы втроём прошли в кабинет Шиму, который что-то высчитывал. Мекат подошёл к нему, протянул трубу и спросил тем же тоном, что и меня:

— Это что за говно?

Шиму взял у него из рук трубу, оглядел и спросил:

— А что с ней?

Мекат описал драму со сломанным насосом.

— Косорукие! — прокомментировал Шиму и обратился ко мне, — Ашвар, это что за говно? Ты не смотрел что ли, что они загружают?

— Так никогда никаких проблем не было! — начал защищаться я. — Хотя там нынче такая суматоха!

— Похер! — сказал Шиму и протянул трубу Мекату. — Разрежьте да и всё. Что вы как дети-то?

Мекат хотел что-то ответить, но нас всех отвлекли быстрые тяжёлые шаги в коридоре. Только сейчас я обратил внимание, что снаружи уже несколько минут доносится шум вездехода, хотя никто никуда не собирался ехать. Дверь была открыта, и мы заметили, как по коридору прошли двое людей. Они были не с «Зари». Я выглянул им вслед, когда они скрылись в кабинете Катана.

— Давайте! — сказал Шиму. — За работу!

Вдруг из кабинета начальника станции донеслась ругань. Мы замерли, прислушиваясь. Слов было не разобрать, но они там явно о чём-то спорили. Через минуту наши гости уже прошли обратно, так же быстро и уверенно. Мы все вышли в коридор, как только скрипнула входная дверь, и наткнулись на Катана. Он был очень зол.

— Они забирают вездеходы, — сказал начальник станции.

— Что?! Зачем?! — спросил Маги с таким видом, будто у него забирали детей.

— Нужны для экспедиций! Говорят, что если нам что-то потребуется, свяжемся с «Январём», они привезут сами, когда припрутся за бочками.

— Ну так и хрен с ним, — заметил Шиму. — Нам же лучше. Меньше мотаться самим.

— Это до тех пор, пока всё в порядке, — загадочно ответил Катан.

Он поморщился, почесав переносицу, вздохнул и, заметив в руке Меката трубу, спросил:

— Вы починили насос?

— Не, — ответил Мекат чуть ли не с гордостью, — мы его доломали.

Он в третий раз пересказал историю с клапаном.

— Да вы совсем что ли охренели? — злобно спросил Катан.

Впрочем, его явно не столько злили Мекат с Маги, сколько сам сегодняшней день. Снаружи слышались звуки заводящихся двигателей — наши гости вывозили вездеходы со станции. Катан посмотрел в сторону гаража так, будто мог видеть его сквозь стену, и произнёс:

— Хватит с нас на сегодня. Зовите остальных к ужину. Завтра всё сделаем.

Мы все молча согласились. С момента аварии прошло всего часов двенадцать, но день казался каким-то бесконечным. И с каждой новой вестью он становился только хуже.

Я вернулся за свой стол, быстро закончил переписывать замеры, оставил бумаги у Шиму и присоединился к остальным рабочим в столовой. Всё это время, с момента вторжения гостей с «Января», меня не покидало неясное чувство. Я не мог сосредоточиться на нём, ощущая лишь всё бóльшую отдалённость от происходящего.

Машинально закончив с ужином, я добрался до своей комнаты. Не помню, как умылся и лёг на раскладушку. Снаружи светило солнце. На окне были плотные занавески, но я пользовался ими только в первый год. Потом научился засыпать и так, хотя Вайша рекомендовал закрывать их на ночь. Он всегда давал нам какие-то рекомендации, как вроде и положено врачу, но сам, кажется, не следовал ни одной.

Вайша вообще производил на меня странное впечатление. Он был из какого-то благородного рода, мне, впрочем, неизвестного. Я мог перечислить все основные семьи Лакчами, но с обилием мелких дворян даже не был знаком. Дом Вайши был беден. Сам он смог получить медицинское образование и несколько лет проработал в каких-то богами забытых деревеньках, пока не попал сюда. Здесь же оказался его брат, Чиута, выучившийся на инженера и работающий теперь на «Источнике» — ближайшей к нам колонии. Я пару раз пересекался с ним. Чиута остался здесь, рассчитывая на большое будущее после объявления независимости. Почему Вайша не вернулся домой, было для меня большой загадкой. Эта парочка была самой контрастной из всех, что я видел. Чиута был жизнерадостным и открытым. Он смотрел на путешествие в Антарту как на большое приключение. Вайша был совершенно другим.

Отрешённость и мрачный цинизм странным образом сочетались в нём со стремлением помогать окружающим. Этот человек мог бы иметь стабильную практику в любом городе Лакчами. Вместо этого он отправлялся в отдалённые уголки, где за гроши лечил бедняков. Сначала я думал, что Вайша верит в какие-то идеалы, но быстро выяснил, что он лишён миссионерского пафоса. словно ему было плевать на всё, даже на себя. Он, как машина, делал свою работу, вообще никак не поддерживая мои робкие попытки разузнать, что ведёт его по жизни. Впрочем, главное, что доктор всегда был готов помочь, когда что-то происходило...

Вдруг я вспомнил эту фразу Катана: «до тех пор, пока всё в порядке». То ощущение, что болталось на заднем плане, начало наступать. Почему Катан так резко отреагировал на историю с вездеходами? Хотя это можно было понять. Они должны были оставить нам хотя бы один. Случись на станции пожар, нам придётся идти пешком до «Источника». А это больше десяти километров по морозу. Но было что-то ещё.

Я вспомнил, как Катан всё более угрюмо воспринимал последние распоряжения с «Января». Вездеходы, похоже, стали для него последней каплей в череде урезаний ресурсов и свободного времени рабочих. Он не хотел видеть картину целиком. Катана, казалось, всегда заботила только «Заря», даже если решались вопросы, общие для всей Антарты.

Засыпая, я вспоминал, как начальник станции противился массовому участию рабочих в забастовках и революции. Его вообще мало волновала политика, приносила ли она гнёт или избавление. Он отпускал людей на митинги против Лакчами, но при условии, что работа станции не пострадает слишком сильно. В отличие от других колоний, «Заря» ни на один день не останавливала насосы, хоть в те тревожные дни и выдавала меньшую выработку, чем обычно. Мне казалось забавным, что Катан считал, будто можно вписать революцию в какой-то график. Он даже рабочих, которые рвались в гущу событий на «Январь» или в порт, отпускал посменно.

От всех этих мыслей и воспоминаний в моём сонном воображении всплывали картины борьбы за независимость. Живые цепи рабочих, вставшие на пути у солдат, присланных, чтобы навести порядок в Антарте. Менаги, обращающийся к победителям, стоя на крыше вездехода. Я мог лишь представлять себе, как всё это происходило. Несмотря на то, как сильно мне хотелось увидеть всё своими глазами, наконец-то поучаствовать в чём-то по-настоящему важном, Катан ни разу не отпустил меня. Хотя я никогда не был таким уж важным и незаменимым на станции. Поручения, которыми он мотивировал свой отказ, часто мог бы взять на себя Шиму на несколько дней. Меня раздражало то, что Катан считал меня изнеженным аристократишкой, которому не место на передовой. Конечно, мне было страшно. Порой я ловил мимолётное чувство благодарности к Катану, которое гнал от себя. Те дни были переполнены злостью, иногда мы думали, что вот-вот разразится настоящая гражданская война. Никто не знал, не сдадут ли у солдат нервы и не начнётся ли стрельба.

Именно такой сценарий мелькал у меня в мыслях, когда я думал поехать с другими. Эти картины я тоже пытался прогнать. Мне хотелось участвовать в восстании, но одновременно было страшно встать во весь рост и заявить свой протест угнетателям. Парадокс был в том, что я стыдился своего страха и от этого только больше рвался туда. Сейчас, на пороге сна, я припоминал эти чувства, хотя почти не обращал на них внимания в те дни. И сейчас я мог наблюдать свои переживания, не пытаясь оттолкнуть, пока все они, вперемешку с мыслями и воспоминаниями, не завертелись в какую-то фантазмагорию, за которой я окончательно уснул.

Следующие несколько дней были сплошной суматохой. Разобравшись, наконец, с трубами, Мекат и Маги починили насос, а вместе с ним заработали и соседние установки. Катан расписал смены, и «Заря» перешла на круглосуточную работу. Но мы по-прежнему отставали от графика. «Январь» лишь подгонял нас всё это время. Добыча шла тем более медленно из-за работы на новом месте. Рабочие продолжали колотить землю, которая еле поддавалась. Им приходилось часто сменять друг друга, что не прибавляло скорости и сказывалось на работе всей станции.

В эти дни я был настолько поглощён рутинной, что вспоминал о грядущем истощении лишь при пробуждении и перед сном. Я не верил, что нас ждёт катастрофа. Что-то внутри говорило, что при таких масштабных поисках мы обеспечим себе будущее хотя бы на несколько лет. Я не расспрашивал Катана, не подавал виду, но в действительности постоянно ждал хороших новостей с «Января». Зыбкость нашего положения и неизвестность, ждущая впереди, давили на меня. Хотя я и нечасто думал обо всём этом, последние дни сопровождало какое-то напряжение, незнакомое мне прежде. За моей верой в лучшее, не исчезавшей окончательно даже в самые грозные дни, теперь всегда стояло что-то ещё, что-то тяжёлое. И оно постоянно росло. Я держался за надежду и не переворачивал эту

медаль. Мне казалось разумным отгонять мрачные мысли. На самом же деле я просто боялся, что поиски провалятся.

Многим было ещё хуже. Напряжение на станции нарастало, и любая неуклюжесть или ошибки в работе приводили к громким перепалкам среди рабочих. Катан не слишком строго следил за этим. Думаю, он просто давал людям выпустить пар.

На четвёртый день к раскопкам присоединился Галаш, который гораздо легче перенёс удар вентиляем, чем я ожидал. Он сказал, что ему надоело валяться в постели и ничего не делать. Читать он не умел, поэтому единственным развлечением для него было болтать с другими. А у нас редко выдавалась минутка, чтобы провести его.

Наблюдая, как он размахивает киркой, я окончательно убедился, что Галаш в порядке. Закончив колотить, он отошёл, чтобы другие рабочие выгребли из ямы куски земли и камня. Наконец, все они расступились и помахали мне руками. Я спустился в небольшую яму и аккуратно уложил взрывчатку на каменную площадку. Как и предполагал Катан, одними лопатами и кирками мы не обошлись. Три с половиной дня раскалывания промёрзшей земли закончились тем, что рабочие уткнулись в горную породу, которая была продолжением находящейся рядом с нами скалы. Взрывать в таких местах нужно было с большой осторожностью, рассчитывая глубину залегания топлива. Конечно, маловероятно, что я мог бы вызвать пожар, но случись такое, полыхающая скважина стала бы венцом преследовавших нашу станцию проблем.

Выбравшись из ямы, я пошёл к детонатору, протягивая за собой кабель. Погода за последние два дня начала портиться, небо заволочло тяжёлыми серыми облаками. Под солнцем Антарта выглядела завораживающе, почти сказочно. Но в пасмурную погоду я видел её такой, какой она и была. Белоснежная пустыня, кое-где разорванная мрачными чёрными склонами скал, словно вырвавшимся из-под белого плена. На многих и многих сотнях километров здесь не было ни одного живого существа. Тысячелетиями всё это находилось здесь, равнодушно глядя в такие же равнодушные небеса. Ни одного растения, ни одного насекомого, ни одного свидетеля редкого обрушения утёса или скатывания огромных снопов снега по камням. Почти всё время здесь царило безмолвие. Лишь ветер нарушал зависшую тишину, пока я подсоединял противоположный конец кабеля к детонатору. Мы отстроили здесь целую сеть поселений, доказывая, что способны побороть эту долину вечной мерзлоты, что можем выжить и преобразить это место. Но несмотря на все наши многолетние усилия, стоило немного отойти от «Зари», и взору представала одна только белая гладь, заматавшая следы любого человеческого вмешательства.

Когда я надавил на рукоятку, фонтан снега, земли и камня взмыл к небу. Оглушительный грохот прокатился на километры, перекликаясь эхом сам с собой. Но когда комья почвы улеглись, снова остались лишь серое небо и безбрежная белизна. Ещё одна капля, упавшая в океан. Волны от неё уже утихали.

Я не любил работать в пасмурную погоду.

Рабочие забрались в яму и продолжили колотить камень. Нужно было расчистить образовавшийся завал, а потом снова взрывать. Судя по выкладкам геологов, в основании скалы были полости, предположительно заполненные топливом. Здесь уже видели такое раньше, но определить точное место для раскопок было непросто. Всю площадь месторождения, где можно пробиться к нефти обычным буром, мы уже заняли другими насосами. Было бы разумнее копать в нескольких местах одновременно, но на это не хватало людей.

Наблюдая за работами, я услышал возглас Галаша за спиной:

— О, ну наконец-то, жуликов привезли!

Я обернулся и увидел, что к станции подъезжает синий вездеход — такие использовались только в тюрьме. Во времена Лакчами к работам часто привлекали заключённых, но после революции они бездельничали. Я только успел подумать о том, что Менаги прислушался к словам Катана, как что-то необычное привлекло моё внимание. Машина ехала на предельной скорости и остановилась вплотную ко входу на «Зарю», а не в нескольких десятках метров от него, как это было положено. Перед дверью вездеход резко затормозил, а из кабины, чуть не упав, вывалился водитель и забежал на станцию. На нём даже не было куртки.

Заметив, что рабочие тоже с недоумением наблюдают за этой странной сценой, я отдал им распоряжение продолжать раскопки. Работа в ближайшее время могла продолжаться и без меня. Поэтому, понаблюдав несколько минут за разгребанием завала, я направился на станцию. Проходя мимо вездехода, я заметил на лобовом стекле несколько маленьких отверстий. Ковш на передней части корпуса был усыпан небольшими вмятинами.

В коридоре было пусто — почти все работали снаружи. Я услышал голоса, доносящиеся из столовой, и пошёл на их звук. Там находились Катан и Шиму — инженер подавал горячий кофе нашему гостю, сидящему за столом. Это был мужчина лет тридцати в форме механика. Судя по его белой коже, норвальдец. Катан протянул ему тёплый плед, но тот отказался.

— В машине было жарко, я не замёрз, — сказал гость. Его голос был твёрд, хотя мне показалось, что он ворвался на станцию в панике.

— Где Умак? — спросил Катан у Шиму.

— Сейчас найду, — ответил тот и прошёл мимо меня.

— Что здесь происходит? — спросил я.

Катан бросил на меня быстрый взгляд, а потом снова уставился на норвальдца.

— Как раз пытаюсь узнать, — ответил начальник станции.

Гость не обратил на меня ни малейшего внимания. Он отпил из кружки и продолжил с того места, где, похоже, остановился:

— Они точно готовились. Слишком уж скоординировано. Я почти ничего не видел, только слышал стрельбу с разных сторон.

Я не понимал, о чём идёт речь, но не мог не чувствовать напряжения, наполняющего столовую. Картину лишь подчёркивал Катан, который стоял сбоку от норвальдца, облокотившись на стойку для блюд. Начальник станции не садился и не спускал глаз с нашего гостя.

— Как вас зовут? — спросил Катан почти суровым тоном.

— Виктор Лассон, — ответил норвальдец, не поднимая головы.

— Что вы видели?

Что бы здесь ни происходило, ясно было, что Катан не доверяет этому Лассону. Голос начальника станции был твёрдым, будто он вёл допрос. До меня вдруг дошло, что Катан встал так, чтобы перегородить дорогу норвальдцу, если тот вздумает бежать.

— Почти ничего, — ответил механик и поставил кружку на стол, — я тогда был в гараже. Услышал выстрелы, выглянул в окно — там все носились из стороны в сторону, ничего было не разобрать. Потом вдруг несколько пуль ударили в дверь гаража, и я спрятался в смотровой яме...

— Что было потом? — спросил Катан.

— Я сидел там. Всё утихло, но я решил не вылезать. Видел, как кто-то завалился в гараж и стоял осматривался. Я выглянул в щель между полом и вездеходом, который стоял надо мной. Обратил внимание, что этот парень одет как заключённый, а в руках держит винтовку. Я всё тогда и понял.

В отличие от этого Лассона, мне было ничего непонятно. Я лишь ощущал нарастающую тревогу. В тюрьме что-то произошло, а она находилась всего в десяти-пятнадцати километрах от нас. Позади меня подошёл Шиму, который нашёл телефониста. Они стояли за спиной и слушали.

— Как вам удалось выбраться? — спросил Катан.

Механик впервые поднял глаза на него. Кажется, я начал догадываться, почему Катан так подозрительно относится к нему. Наш гость, конечно, выглядел несколько встревоженным, но он не был похож на человека, который только что побывал в опасной ситуации. Его тревога была какой-то другой, словно бы не страхом за свою жизнь.

— Когда этот бандит ушёл, — продолжил механик, — я подождал несколько минут, пока не уверился, что рядом с гаражом не слышны голоса. Я понял, что им удалось захватить тюрьму, и теперь они попытаются сбежать. Я пробил топливные баки во всех машинах, кроме этой...

— Но для этого вам пришлось пошуметь, разве нет? — перебил его Катан.

— Не так уж сильно, как кажется. В общем, я оставил их без колёс, а потом запрыгнул в оставшийся вездеход и пробился прямо через дверь гаража. Мне повезло — они открыли главные ворота тюрьмы, так что я смог проскочить и добраться сюда.

— Неужели они вас так просто выпустили?

Механик пристально посмотрел на Катана и ответил:

— Не так просто. Кажется, они стреляли со всех сторон. Мне повезло, что я остался жив. Если вы не верите, взгляните на вездеход — он как решето.

Я не выдержал нарастающего напряжения и выпалил:

— Это правда. На машине полно дыр от пуль.

Катан посмотрел на меня так, будто за время разговора с механиком вообще забыл о моём присутствии. Потом он перевёл взгляд на Умака и произнёс:

— Свяжись с «Январём» и сообщи мне, как будет готово.

— Так я уже... — ответил Умак. — Надо ж было отчёт передавать.

— Хорошо, — сказал Катан и двинулся к выходу, но механик остановил его, схватив за руку.

— Вам нужно эвакуироваться, — сказал Лассон.

— Что? — спросил Катан. — Зачем?

— Они придут сюда.

На этой фразе мы все замерли, а Лассон заговорил каким-то гипнотическим тоном:

— Они не брали заложников. Когда охрана была сломлена, до меня доносились одиночные выстрелы время от времени. Они добивали всех, кого находили. Они хотят сбежать из Антарты. Скорее всего, они бросились за мной в погоню, и если это так, они уже знают, что весь транспорт сломан. Сколько времени пройдёт, пока они поймут причину? Даже если они в этом ничего не соображают, то почувствуют запах бензина и найдут утечку. И даже если они потратят час на то, чтобы попытаться найти решение проблемы, после этого они пойдут на ближайшую станцию пешком, чтобы раздобыть себе новый вездеход. И они придут сюда.

— Что мы, по-вашему, должны делать? — спросил Катан.

— Сообщите о случившемся на «Январь», — ответил механик. — Они должны прислать сюда и в тюрьму вооружённые отряды. А сами эвакуируйтесь. У нас есть часа два-три, может, больше, но я бы на это не рассчитывал. Загружайте людей в вездеходы и увозите отсюда. Зэки захватят станцию, но больше им некуда будет идти. Все остальные колонии слишком далеко. Никто не выдержит многочасовой переход на таком морозе.

В моей голове молнией пронеслось то, что вездеход у нас только один — тот, на котором приехал механик. Даже если бы «Январь» не забрал другие, нам пришлось бы сделать две поездки, чтобы целиком вывезти рабочих на другую станцию. Может быть, мы уложились бы в срок. Но точно не на одной машине. Когда я осознал это, я ощутил, как откуда-то из моего живота поднимается страх. Нам никак не успеть. На «Заре» не было никакого оружия, кроме револьвера Катана. А если то, что говорил механик, было правдой, то к нам направлялась толпа хорошо вооружённых головорезов.

Я кое-что знал о них, хоть и немного. Лакчами не отправляли в Антарту воришек или мелких мошенников. Все они были осуждены за тяжкие преступления. Попасть в Антарту в качестве заключённого — жуткая участь. Здесь они жили в тюрьме без окон и работали на морозе. Можно было только предположить, насколько эти люди отчаянные.

Катан освободил свою руку от хватки механика и произнёс:

— Я сделаю всё необходимое.

Он направился в рубку, позвав за собой Умака. Проходя мимо нас с Шиму, Катан сказал вполголоса:

— Не спускайте с него глаз и не дайте отсюда выйти.

Они с телефонистом скрылись в комнате связи, а нам оставалось лишь наблюдать за гостем. Механик продолжал медленно потягивать кофе. Он немного сутулился и выглядел так, словно пытается занять как можно меньше места. При этом он не выказывал никакого страха или неуверенности, что оставляло противоречивое впечатление. Если бы не реакции Катана, я бы чувствовал себя спокойно в присутствии Лассона. Но из-за недоверия начальника станции, он почему-то казался мне опасным. Вид у него был не самый опрятный, но чего можно было ожидать от тюремного механика? Волосы растрёпаны, щетина на щеках, пятна на комбинезоне. В общем-то, так здесь выглядели почти все. Но всё же после разговора от него веяло чем-то загадочным и зловещим. Впрочем, меня несколько успокаивало присутствие Шиму. Даже если этот парень был не тем, за кого себя выдавал, вдвоём мы бы с ним справились.

Мы провели минут десять в полном молчании. За всё это время механик лишь пару раз поглядывал в нашу сторону. Кажется, он допил кофе и теперь просто вертел кружку в руках. Мы с Шиму переминались с ноги на ногу, присматривая за ним и не решаясь что-либо сказать.

Наконец, дверь телефонной открылась, и к нам подошёл Катан. Все присутствующие уставились на него. Начальник станции несколько секунд о чём-то размышлял, а потом сказал:

— Итак, господин... Лассон, верно?

— Верно, — отозвался наш гость.

— Пройдёмте со мной.

Механик встал из-за стола и направился вслед за Катаном по коридору. Мы с Шиму шли позади. Начальник станции остановился у одной из дверей, вытащил ключи из кармана,

выбрал нужный и открыл её.

— Я попрошу вас немного подождать здесь, — сказал Катан.

Механик посмотрел на него с еле заметной ухмылкой. Его оставляли в подсобке без окон — одном из немногих помещений с замком.

— Я надеюсь, — сказал Лассон — вы меня услышали, господин...

— Оша, — ответил Катан. — Начальник станции «Заря». Я вас услышал. И могу гарантировать, что мы не эвакуируемся без вас. Но моё положение обязывает меня прежде всего заботиться о безопасности станции. В том числе и от вас, господин Лассон.

— Я прошу лишь об одном, — произнёс механик, заходя в подсобку, где Катан сразу же зажёл свет, — свяжитесь с тюрьмой, если мне не верите. Проясните ситуацию как можно быстрее. От этого зависят жизни ваших людей.

— Я учитываю это.

С этими словами Катан запер дверь на замок и обратился ко мне:

— Ашвар, останься здесь. Если он попытается выломать дверь, зови на помощь. Шиму пока найдёт тебе смену.

Катан снова направился в телефонную, но я остановил его, спросив шёпотом:

— Что говорят на «Январе»?

— Пока ничего, — ответил Катан. — Сейчас они пытаются связаться с тюрьмой и подтвердить личность этого Лассона.

— Что ты собираешься делать?

— Всё в порядке, — наклонившись ко мне, твёрдо сказал Катан, — просто стой здесь и никуда не уходи, пока не явится смена. Всё под контролем.

Он ушёл к телефонисту, а Шиму пошёл искать кого-нибудь из рабочих. Я остался в коридоре один, не находя себе места. Мне хотелось ходить из стороны в сторону от охватившего меня волнения. Я бы хотел, чтобы подозрения Катана оправдались. Чтобы механик оказался беглым преступником, который пудрит нам мозги, пытаюсь уйти от преследования. Но зачем тогда он прибыл сюда? Он мог бы отправиться в порт, но приехал сюда, где снова оказался заперт. А если прав Лассон, то мы сейчас теряем время, пока к нам приближается отряд вооружённых бандитов. И нам никак не успеть эвакуироваться. От всех этих жутких мыслей, вертевшихся в голове, у меня начало крутить живот. Но нужно было оставаться здесь.

Механик не издавал ни звука, и мне это нравилось. С каким видом он зашёл туда! Если бы меня попытались запереть в такой ситуации, я бы рвался наружу и пытался бы докричаться до Катана. Но этот парень был удивительно собран. Слова начальника станции походили на ленивую попытку заткнуть нашего гостя. Хотя его тон... Может быть, Лассон тоже обратил внимание на этот тон. Катан говорил совершенно серьёзно. Кажется, он действительно учитывал те угрозы, о которых говорил механик. Как они умудрялись сохранять такое спокойствие? Почему у меня это не получалось?

Мне казалось, что прошла вечность, прежде чем на станцию вошёл Шиму в сопровождении Галаша. Инженер оставил моего сменного у двери, а меня позвал с собой в комнату связи. Но я отпросился в туалет.

Умываясь после того, как меня здорово пронесло, я почувствовал себя немного спокойнее. Вытерев лицо, я бросил взгляд на собственное отражение. Каждый мускул на лице, казалось, был напряжён. Я вспомнил, как трудно было изо дня в день прятать своё разочарование. Сейчас это казалось такой глупостью. Всё, что мы переживали в последние

недели и последние дни, вдруг перестало быть проблемой. И мне ничего так не хотелось, как вернуться к той жизни, которая тяготила меня всего полчаса назад.

Я безуспешно попытался расслабиться. От этого только усилилось волнение. Подождав минуту и собравшись с духом, я направился в телефонную, но там уже никого не было. Наугад сунувшись в кабинет Катана, я обнаружил его там вместе с Шиму.

— Где тебя носит? — строго спросил начальник станции и, не дожидаясь ответа, начал вводить меня в курс дела: — На «Январе» пока не могут сказать, есть ли в тюрьме работник с таким именем. У них там бардак с бумажками до сих пор. До самой тюрьмы у них достучаться тоже не получилось — телефон молчит.

— Почему ты ему не веришь? — спросил я.

— Я не говорю, что не верю Лассону. Но я не знаю, что происходит. У нас есть только его слова. Кто он такой — неизвестно. Кто сказал, что он — не беглый преступник? Что если бунт произошёл, но всё это — часть какого-то плана?

— По-моему, эвакуация — в любом случае хорошая идея. Мы могли бы связаться с «Источником», чтобы они привели свой вездеход и помогли...

Я остановился, заметив, как Катан и Шиму странно переглянулись, и последний сказал:

— У них то же, что и у нас, Ашвар. Техники нет.

Новость была предсказуемой, но я об этом как-то не подумал. Хотя сдаваться тоже не собирался.

— А что «Январь»? — спросил я. — У них есть оружие и...

Я снова остановился, поняв, что если слова нашего гостя верны, то отряд оттуда никак не успеет.

— Они будут здесь часа через четыре, учитывая сборы, — словно дополняя мои мысли, сказал Катан.

У меня всё похолодело внутри. Они с Шиму пристально смотрели на меня, будто ждали, сколько ещё я буду искать выход из ситуации, которая для них абсолютно ясна. Я почему-то ощущал себя как на экзамене. Словно они меня проверяли. Вот только я не знал, в чём именно. Наконец, я не выдержал и воскликнул, обращаясь словно даже не к ним:

— Что же нам делать?!

Катан сделал небольшую паузу, продолжая разглядывать меня, и произнёс:

— Мы должны предположить, что Лассон говорит правду. Ты помнишь, где находится Туннель?

Меня не прекращало поражать то, насколько спокойно Катан говорит о возможном нападении, и я прослушал вопрос. Казалось, на всей станции только меня пугает перспектива столкновения с этими бандитами.

— Что? — переспросил я.

— Туннель помнишь?

— Да, конечно... — неуверенно ответил я, сбитый с толку вопросом.

— Хорошо, — сказал Катан, — принеси ящик гаек-«шестёрок» из гаража и приведи десяток рабочих. Они нужны мне на складе. Срочно!

Я окончательно запутался, но пошёл выполнять поручение. Несмотря на то, что в голове царил полный хаос, я обнаружил, что недавняя тревога заметно ослабла. У меня не было никакого плана, но Катан умудрился заразить меня частичкой собственной уверенности. Его устойчивость поддерживала меня и в смутные для Антарты времена, и сейчас. Я не мог выразить это, но ощущал, что Катан точно найдёт выход. Мне казалось, что он всё держит

под контролем.

Глава IV. Туннель

Я ещё раз прошёл под нависающими с двух сторон каменными образованиями, проверяя, всё ли в порядке. Это и был Туннель — сквозная пещера на краю скалы. Её потолок обвалился когда-то давно, оставив лишь округлые стены, тянущиеся друг к другу наверху. Пятьдесят-шестьдесят метров дороги от тюрьмы к «Заре» пролегали через Туннель. Если слова Лассона были правдой, то заключённым предстояло пройти здесь. Трудно себе представить, чтобы кто-то вздумал пробираться по глубоким сугробам, а не по укатанной и более твёрдой дороге. Это было абсурдно, но я не мог отделаться от подобных мыслей. План был надёжным, а мне казалось, что всё пойдёт наперекосяк.

Пробираясь по Туннелю, я заметил какое-то мимолётное ощущение. Полусумасшедшее чувство причастности. Наконец-то мне выпал шанс сделать что-то важнее ежедневной рутины. Но у меня не было времени обращать на это внимание, да и страх, отступивший на момент, снова вернулся и вышиб мысли обо всём остальном.

Перепроверив свою работу, я вышел из Туннеля со стороны «Зари» и забрался по пологому склону. На краю скалы сидел Катан и ещё несколько человек. Они пили горячий чай, разлитый из термоса. Когда я подошёл, Катан протянул мне кружку, от которой клубами поднимался пар. Нам негде было согреться, станция располагалась минутах в двадцати отсюда. Оставалось только заливать в себя больше горячей жидкости и постоянно двигаться.

Снова начался снегопад, но, к счастью, не очень обильный, и видимость была хорошая. Все, кроме Катана, заметно нервничали. Хотя, может быть, им просто было холодно. Я не мог усидеть на месте, и мороз тут точно был ни при чём. Меня удивляла уверенность Катана. Я никак не мог прогнать мысли о том, что он просчитается, и все мы погибнем. Или просто замёрзнем здесь, дожидаясь бандитов. Хотя о последнем вряд ли стоило беспокоиться — в крайнем случае через час нас должны были сменить.

Не знаю, сколько времени прошло, но, когда я нарезал очередной круг над Туннелем еле двигающимися ногами, Катан подозвал меня. Я увидел, как он пригибается, а вместе с ним и остальные. Не знаю почему, но у меня дух захватило в этот момент. Из-за поворота со стороны тюрьмы выехал синий вездеход. Это был Мекат, который оказался у нас за часового. Пока мы готовились, он устроился на возвышении в полукилометре впереди. Я вернулся к своим и присел рядом. Машина миновала Туннель, подняв ковш, проехала ещё сотню метров и свернула с дороги, забираясь к нам. Вездеход было решено оставить подальше, чтобы шум его двигателя не был слышен. Но и не слишком далеко — на случай если придётся быстро убегать.

Мекат выбрался из кабины и, подбегая к нам, крикнул:

— Идут!

— Сколько их? — спросил Катан.

Я сидел немного поодаль, и их голоса доносились приглушенно из-за усиливающегося снегопада.

— Я насчитал пятнадцать человек, — ответил Мекат. — Четверо впереди в синих куртках, остальные — в зелёных. Но у «зелёных» тоже есть оружие.

— Твою-то мать... — совсем уж еле слышно произнёс Катан.

Люди в синем могли быть охраной, но ярко-зелёные куртки были стандартом заключённых, чтобы выделяться на любом фоне. Я почувствовал, как моё сердце забилося

быстрее. Последняя надежда на то, что история Лассона окажется выдумкой, растворилась. Мне хотелось остановить время, чтобы у меня была небольшая передышка на осмысление реальности происходящего. Но Катан и Мекат продолжали говорить, а я пытался не упустить ни одного слова.

— Сильно они растянулись? — спросил начальник станции будничным тоном.

— Да я бы не сказал, — ответил Мекат таким же голосом, будто они обсуждали что-то повседневное вроде работы насоса. — Идут двумя кучками, «зелёные» чуть позади. Метров на десять отстают.

— Ладно, возвращайся в машину, мотор не глуши, — приказал Катан, и Мекат поспешил обратно к вездеходу.

Начальник станции обратился уже к нам:

— Приготовились! Ждём сигнала!

Я сидел позади остальных. Рабочие пристроились вблизи Туннеля, но так, чтобы их не было видно с дороги. Катан занял место у самого края, наблюдая за поворотом. Теперь нам нужно было ждать ещё минут двадцать-тридцать, пока заключённые доберутся до нашей засады. Заняться мне было нечем. Только наблюдать, как тревога и холод всё больше и больше охватывают меня. Я весь дрожал и больше всего на свете хотел, чтобы эта пытка уже закончилась. Неважно чем.

Катан лежал на каменном своде и, казалось, не шелохнулся ни разу за всё это время. Снег продолжал медленно падать нам на головы. Я быстро и глубоко дышал, не в силах замедлиться. У меня было чувство, будто от сердца расходятся волны, сотрясая всё тело. Когда-то давным-давно я сидел в коридоре, ожидая, когда меня вызовет полицейский для допроса. Тогда время так же медленно тянулось до момента, пока у меня (как я думал) не начнутся большие проблемы. Там было пусто и тихо. Я пугал самого себя картинками, что вот-вот меня позовут в кабинет, откуда отправят напрямик в тюрьму. Но никто не выходил, отчего становилось только хуже. Когда же меня наконец позвали, ничего не произошло. Со мной поговорили и отпустили. В этот раз всё было по-другому. Эта мысль резко вернула меня в реальность. Здесь точно что-то произойдёт.

Начальник станции махнул нам рукой. Остальные залегли, как и он. Катан вытащил из-под куртки револьвер и сунул его в карман. Рабочие же достали мелкие динамитные шашки. Взрывчатка была усыпана гайками, которые удерживались липкой лентой. Вслед за динамитом показалась техническая диковинка, не особо известная остальному миру, — бензиновая зажигалка. С моего места дорогу перекрывал свод Туннеля. На таком расстоянии меня и услышать было невозможно, но я машинально затаил дыхание.

Катан немного отполз от края, но продолжал наблюдать. Сейчас время шло ещё медленней, чем до его сигнала. Мне постоянно не хватало воздуха. Я делал вдох и непроизвольно задерживал дыхание, ожидая, что вот-вот Катан подаст мне следующий знак. Но он не двигался, и я начинал задыхаться. Тогда я делал новый вдох и вновь замирал. Я думал, что бандиты уже идут по Туннелю, но ничего не происходило. Мой взгляд упирался то в Катана, то в разрыв скалы, будто оттуда могли показаться заключённые. Моё тело лихорадочно содрогалось, отчего мысли в голове спутывались. Прошло уже достаточно времени. Я несколько раз успел подумать о том, что ну вот сейчас-то они точно в Туннеле, прежде чем что-то изменилось в этой застывшей картине. Катан приподнялся, держа револьвер так, чтобы он не был виден с дороги. Я еле услышал громкий голос начальника станции:

— Отличный день для прогулки, господа!

От неожиданности фразы у меня вырвался тихий нервный смешок, который показался мне настолько громогласным, что я машинально зажал рот рукой. Катану что-то ответили, но ничего было не разобрать. Он вновь обратился к нашим «гостям»:

— Позвольте поинтересоваться: разве заключённым разрешено иметь при себе оружие?

Я не услышал ответа. В первый момент я увидел, как начальник станции резко повалился на землю, а через долю секунды из Туннеля прогремел выстрел. У меня душа ушла в пятки, потому что мне показалось, что Катана ранили. Но я тут же увидел, как он развернулся на снегу ко мне и прокричал: «Дави!»

Я схватился за стоящий рядом детонатор, но внезапно снова застыл. Это было что-то непроизвольное. Я не мог пошевелиться. Руки почему-то обмякли, и я не мог сделать простейшее действие. Снизу донеслось ещё несколько выстрелов, а Катан, уставившись на меня бешеными глазами, заорал что было сил: «АШВАР, ДАВИ!» Этот окрик подействовал и моя рука машинально повернула ручку детонатора.

Никогда раньше взрыв не происходил так близко от меня. Заряды были совсем небольшие, но я много засунул их туда. От грохота у меня заложило уши, и я мог лишь наблюдать, как по всей длине из Туннеля вырываются дым и снег.

Когда нам на головы начали валиться белые комья, Катан вскочил, целясь вниз и резко поворачиваясь из стороны в сторону. При этом его руки двигались синхронно с головой. Казалось, они прикреплены к носу какой-то невидимой палкой. Пока снег осыпал нас, Катан продолжал просматривать Туннель. Никто не произносил ни слова. Я не знал, сколько времени прошло, но дым уже почти рассеялся, а рукотворный снегопад закончился, когда Катан сполз ближе к нам. Начальник станции обратился к Ижу и Нангу:

— Ты и ты — за мной, не отставать! — после этого он обернулся к остальным и добавил: — Будьте наготове! Если я крикну «бросай», вы швырнёте пашки вон туда, — он указал на место немного левее нас и двинулся ко входу в Туннель. Следом побежали Ижу и Нанг.

Я никогда не видел Катана таким. Он был как будто больше, чем обычно. Я еле слышал, что он говорит — в ушах всё ещё стоял пульсирующий шум. Но фразы начальника станции были громкими и резкими. Бывало раньше, что он прикрикивал на рабочих, но сейчас что-то изменилось. Никогда ещё его тон не был настолько повелевающим. Катан с парнями скрылся за склоном, а мы остались их ждать. Меня не прекращало трясти. Я ждал новых выстрелов снизу или того, что люди, оставшиеся со мной, начнут забрасывать Туннель динамитом. Снова началось тягучее ожидание. Снова только падающий снег да рассеивающийся дым нарушали неподвижную картину, казавшуюся вечной.

Когда со стороны входа появились вооружённые люди, я испугался, но быстро понял, что это наши. Рабочие тащили на плечах по несколько винтовок. Нанга под руку вёл Катан, у которого за спиной так же болтались два ружья и ещё что-то большое. Начальник станции усадил рабочего неподалёку от меня. Нанг был бледен.

— Что случилось? — спросил я и удивился, что почти не слышу собственного голоса.

Катан странновато посмотрел на меня, а потом громко спросил:

— Уши заложило?

Я понял, что прокричал свой вопрос, и поэтому лишь кивнул в ответ. Катан подошёл ко мне и отчётливо произнёс:

— Всё в порядке! Нехорошо Нангу стало, — потом он похлопал меня по плечу и сказал

прямо в ухо: — Ты — молодец, парень!

Катан и Ижу сбросили оружие на снег и сняли ружья с Нанга, который сам еле шевелился. Начальник станции вернулся в Туннель вместе с Ижу. Я посмотрел на винтовки и ту большую трубу с прикладом, что принёс Катан. Это был пулемёт. Я видел их в кино. Я и понятия не имел, что такое оружие есть в тюрьме. Винтовки были окровавлены, а приклады у некоторых повреждены. Сначала я не понял, почему они выглядят так плохо. Потом я пригляделся к прикладу ближайшего ко мне ружья и увидел гайку, утопленную глубоко в дереве. Меня стошнило прямо в снег.

Пока меня выворачивало, было омерзительно. Словно через мою плотку проходил весь ужас последних часов. Но сразу после этого вернулся слух. И казалось, что страха больше не осталось. Вместо него пришло онемение. Я прилёг на снег и поймал на себе взгляд Нанга. Он пристально смотрел с неясным выражением на лице.

Катан снова вернулся из Туннеля с очередной порцией ружей. Он приказал нам забирать их и загружаться в вездеход. Ижу спросил, указав вниз:

— А с ними чё?

— С ними потом разберёмся, — бесстрастно ответил начальник станции.

Люди поднялись со снега, подобрали ружья и пошли к машине. Кто-то по пути подхватил Нанга. Катан подошёл ко мне, наклонился, тронув за плечо, и спросил:

— Ты как, Ашвар?

Мне тоже был интересен ответ на этот вопрос. Я даже холода не чувствовал.

— Сейчас уже в порядке, — ответил я.

— Поднимайся, парень, ты сегодня хорошо поработал.

На эту фразу во мне что-то шелохнулось, но я понятия не имел что. Катан взял детонатор, отсоединил от него кабель, а потом помог мне подняться. Взяв меня под руку, начальник станции направился к вездеходу, в который уже грузились остальные рабочие, забрасывая внутрь оружие.

Когда мы ехали к Туннелю, в вездеходе стояла напряжённая тишина, нарушаемая только шумом двигателя. На обратном пути его почти не было слышно. Люди были необычайно оживлены. Они разговаривали, перебивая друг друга, иногда обращаясь ко мне, пожимая руку или хлопая по плечу. Не только меня мучили мрачные мысли, когда мы готовились к столкновению. Но сейчас, когда всё было позади, все вокруг радовались. Я улыбался в ответ, но при этом по-прежнему ничего не чувствовал. У меня не получалось сконцентрироваться на их разговоре. Иногда я улавливал отдельные слова, но потом проваливался куда-то, и их речь сливалась в одно неразборчивое жужжание.

Мне было непонятно это онемение. Я смотрел на проползавшие холмы и непрекращающийся снегопад через узкие зарешёченные окна кузова. Мне почему-то хотелось отстраниться от этой общей радости. Я встречался взглядом с другими рабочими, только когда они обращались ко мне. Мысли в голове превратились в кашу из каких-то обрывков. Передо мной проплывали видения о вырывающемся из Туннеля снеге, перемешанные с образами моего дома в Лакчами.

Между скамьями, на которых мы сидели, грудой было свалено оружие, поверх которого в беспорядке валялись непонятные круглые железные диски и разбросанные как попало патроны. Оглядывая весь этот арсенал, я, впервые с того момента, как сел в вездеход, поймал себя на связной мысли. Катан бросил тела заключённых на дороге, но он собрал всё их

оружие. Зачем? Неужели он ожидает, что к нам придут и другие? Мекат сказал, что видел пятнадцать человек. Сколько осталось в тюрьме? Я никогда понятия не имел, что там происходит и сколько преступников привезли в Антарту. Может быть, сотню, а может, и больше. Сколько из них погибло во время бунта?

Пока я задавался этими вопросами, вездеход добрался до «Зари». Катан вылез из кабины и открыл нам двери. Рабочие спрыгивали на снег и забирали с собой оружие. Ижу остался внутри, чтобы подобрать пули, раскатившиеся по всему полу. Вместе с остальными я вернулся на станцию, где нас в волнении ожидали другие работники. Я зашёл не первым и поэтому смог проскользнуть в комнату, не привлекая много внимания. Мне не хотелось ни с кем разговаривать сейчас. Я сбросил верхнюю одежду и умылся. Я чувствовал себя настолько разбитым, будто отработал очередную долгую смену.

Не успел я присесть на кровать и немного перевести дух, как в дверь постучали. Я поднял глаза и увидел Катана.

— Чего сидишь? — доброжелательно спросил он. — Иди в столовую, там уже сварили кофе. Тебе нужно согреться, сынок.

Я поднялся и вышел вместе с ним. Но Катан не присоединился ко мне, а направился в телефонную. В столовой стоял шум. Не прекращая разговаривать, люди рассаживались за столами, а повар раздавал чашки с кофе. Ужин он ещё не успел приготовить, поэтому мы пока обходились малым. Я занял своё место и сразу же отпил из кружки. Хотя тюремный вездеход на ходу прогревался не хуже, чем обычные, у Туннеля я успел крепко замёрзнуть. Никакое тепло снаружи не согревало. Зато глоток горячей жидкости сразу же начал приводить в порядок моё продрогшее тело.

Люди, которые были с нами у Туннеля, наперебой рассказывали, что там произошло. Я не видел такого воодушевления с тех времён, когда рабочие вернулись из порта с самого большого митинга за всю историю Антарты. Тогда они так же перебивали друг друга, пересказывая, как заблокировали причал вездеходами, не дав высадиться прибывшим из Лакчами военным. Другая группа в тот день стояла на въезде, сцепившись руками и не давая пройти солдатам, присланным с «Января». Тогда всем было страшно. Армия пыталась прорваться, но не применяла оружие. Рабочие выстояли, и солдатам оставалось только отступить. Судно с военными ещё на пару дней задержали в бухте, но потом вернули домой ни с чем. После этого Старейшины Лакчами начали переговоры, закончившиеся признанием независимости Антарты.

Это было одно из тех событий, к которым я должен был быть причастным. Но Катан вновь оставил меня, чтобы решить проблему с прыгающим давлением в насосах. Только вот оно прыгало в пределах нормы в тот день.

То, что происходило сейчас в столовой, очень напоминало те времена. Но в отличие от прежних дней, я не мог присоединиться к этой волне общего подъёма. У меня в голове вертелись вопросы, которые донимали на обратном пути. Поэтому я дождался, пока Ижу привлечёт всеобщее внимание своим экспрессивным рассказом, и незаметно вышел из столовой. Я прихватил с собой кофе и отправился к телефонной. Катан всё ещё был там. Мне казалось неуместным заходить внутрь, поэтому я остался у двери, слушая неразборчивую речь, доносящуюся с обратной стороны. Конечно, мне хотелось узнать, что там происходит, но звук разговора приглушался дверью да ещё и перекрывался шумными возгласами из столовой.

Я потягивал кофе, пока Катан вместе с Умаком не вышли в коридор.

— Что ты тут делаешь? — удивлённо спросил начальник станции.

— Хотел узнать, какие новости, — ответил я.

— Погоди немного, — сказал Катан.

Он направился к подсобке, около которой дежурил один из рабочих, жадно прислушивавшийся к шуму в столовой.

— Спасибо, сынок, — сказал Катан, обращаясь к нему, — дальше мы тут сами.

Рабочий отдал ему ключ и поспешил к остальным. Начальник станции открыл дверь, и мы вновь увидели механика, который всё это время просидел в тесном помещении на принесённом кем-то стуле.

— И вновь здравствуйте, господин Лассон, — сказал Катан. — «Январь» наконец подтвердил вашу личность, а мы — вашу историю. Я прошу прощения за то, что вам пришлось провести здесь несколько часов. Теперь вы свободны. Вас кормили?

— Да, благодарю! — ответил механик, выходя из подсобки. — Ничего страшного. Я понимаю ваше положение, господин Оша. Но почему мы всё ещё здесь?

— Могу вас уверить, что в данный момент станции ничего не угрожает. Пожалуйста, пройдёте со мной, вам всё объяснят.

Начальник станции провёл Лассона в столовую, где представил его рабочим как человека, который спас станцию. Люди приняли его с радостью и сразу же освободили ему место. Катан же позвал меня в свой кабинет. Там уже сидел Шиму. Катан указал мне на стул, а сам пробрался на своё место.

— Итак, — сказал он, — с Лассоном всё понятно. По описанию подходит. Хотя, по мне, белые все на одно лицо. Так или иначе, его история подтвердилась.

Катан вынул из кармана револьвер и забросил его в стол, вытащив оттуда пачку сигарет. Он зажёл одну и закурил, в задумчивости уставившись в потолок и пуская дым через ноздри.

— Что теперь будем делать? — спросил Шиму.

— Всё то же, — ответил Катан, продолжая смотреть вверх, — работаем. «Январь» всё ещё пытается установить связь с тюрьмой. Оказывается, они только сейчас начали собирать отряд, чтобы отправить туда. Пиздец, дурость...

Последнюю фразу он произнёс куда-то в воздух, покачивая головой. После небольшой паузы Катан облокотился руками о стол и, посмотрев на нас, сказал:

— Нам нужно выставить часовых. Шиму, опроси рабочих, узнай, у кого из них есть опыт в обращении с оружием. Пусть посменно дежурят на смотровой башне и входе на станцию. Выдай им самые... хотя нет. Лучше я сам проверю оружие. Пришли мне тех, кто умеет стрелять, я их проинструктирую.

— А нафига нам это всё? — спросил Шиму.

— Пока «Январь» разродится, к нам уже дополнительная порция зэков может приползти. Нам нужно быть готовыми к такому повороту. Остальное пускай Менаги разгребает, но нашу станцию он точно защитить не сможет. Собственно, он так и сказал, узнав, что мы забрали оружие из Туннеля.

— Ну, в общем, как всегда, — с усмешкой сказал Шиму, — руководить они там все молодцы, а как проблемы решать, так это «своими силами». Я всё сделаю, но нам с новыми нормами все люди нужны, а так некоторые будут просто баклуши бить часами.

— Сейчас нормы не главное, — отрезал Катан.

Шиму кивнул и вышел из кабинета. А я произнёс:

— Я тоже умею обращаться с оружием.

— Да ну? — недоверчиво спросил Катан.

— Мы с отцом несколько раз охотились дома, в Лакчами.

— Опять рвёшься в бой? — на лице Катана появилась добродушная ухмылка. — Стрелков мне хватит, а вот помощников инженера у нас тут дефицит. Отдохни пока, а завтра продолжишь копать.

— Хорошо, — ответил я и вышел.

В столовой всё было по-прежнему, но теперь оттуда доносился запах готовящегося ужина. У меня заурчало в животе, и я вспомнил, что давно ничего не ел. Но ещё было рано, поэтому я отправился в свою комнату, завалился на кровать прямо в одежде и почти мгновенно уснул.

Впрочем, не успел я сомкнуть глаз, как Шиму разбудил меня и позвал в столовую. Горячий ужин меня окончательно расслабил. Расправившись с едой, я вернулся в комнату и снова лёг, но спать мне больше не хотелось. Голова была совсем тяжёлая, но в ней потоком проносились вопросы о том, что будет дальше, успеет ли отряд с «Января» до того, как заключённые снова попытаются штурмовать «Зарю», и сможем ли мы отбиться от нового нападения. Почему-то всё это не вызывало тревоги, какую я испытывал, когда норвальдец только рассказал о бунте. Я вообще ничего по-прежнему не чувствовал, но всё ещё не мог остановить бесконечный круговорот мыслей. Я заметил, что, несмотря на растекающееся по телу расслабление, мои плечи и ноги всё ещё очень напряжены. У меня даже не получалось лечь удобнее: всё время казалось, что что-то мешает.

Внезапно меня охватило какое-то необъяснимое волнение. Я начал хлопать по карманам, но в них ничего, кроме часов, не было. Подскочив с кровати, я бросился обыскивать куртку, но и в ней ничего не обнаружил.

В этот момент в дверь постучали. Я машинально произнёс: «Войдите», и лишь через мгновение понял, что кого-то пригласил. Оторвав взгляд от карманов куртки, я увидел в проёме Лассона.

— Не помешал? — спросил он.

— Нет, — ответил я, — вам что-то нужно?

Его голос звучал немного неуверенно. Кажется, норвальдец думал, что отрывает меня от какого-то важного дела.

— Да в общем-то ничего, — сказал он, — просто пытаюсь познакомиться с людьми. Кажется, я внезапно превратился в местную знаменитость, а сам никого здесь не знаю. Ну и, кроме того, я, конечно, привык работать вместе с лакшамами, но рядом всегда был кто-то... из моего народа.

Я улыбнулся и предложил ему складной табурет, засунутый между стеной и кучей моих вещей. Лассон сел, а я сказал ему:

— Могу себе представить. Наверно, мне тоже было бы странно видеть одни белые лица вокруг.

— Что-то вроде того! — усмехнувшись, ответил Лассон. — Кажется, вы были тогда в столовой, когда я представлялся. Да и мне о вас уже много рассказали. Тем не менее, — он протянул мне руку, — Виктор Лассон.

— Ашвар. Ашвар Шел-Тулия, — сказал я, и мы пожали руки.

Повисла тишина, во время которой я не мог придумать, о чём поговорить. Лассон же с интересом оглядел мою комнату и спросил:

— Не тесновато вам здесь?

— Есть немного, — ответил я, — хотя ко всему в итоге привыкаешь. У вас комнаты побольше?

— У нас вообще не было комнат. Мы спали в общем бараке для рабочих.

— Как вы оказались на работе в тюрьме? — полюбопытствовал я. — Я думал, там весь персонал из лакшам.

— Когда-то так и было. Я работал на станции «Полярная», как и многие другие норвальдцы, пока залежи топлива не истощились и её не распустили. Учитывая, сколько здесь платят, я не захотел возвращаться домой, а в тюрьме как раз было место для механика. Это было ещё в те времена, когда наши страны всё здесь делали вместе.

— Кажется, теперь у нас одна страна, — сказал я.

— Точно.

Мы снова замолчали. Лассон производил неоднозначное впечатление. Он был каким-то уютным в своей лёгкой растерянности, хотя она странно контрастировала с его возрастом. Он был лет на семь-восемь старше меня, а держался так, будто всё было наоборот. Вместе с тем его странный взгляд как будто выражал не совсем то, что всё остальное тело. В его глазах всё время сохранялась твёрдость и ещё что-то трудноописуемое. Будто они постоянно впитывали и изучали всё, что видели.

— Кажется, вы что-то искали? — заметил Лассон.

— Да-а... — протянул я. — У меня была маленькая лань. Безделушка, в общем-то.

— Интересное животное.

— Да, я видел его однажды. Мы с отцом тогда ездили на север Лакчами — это земля наших предков. Там водятся лани.

Норвальдец забавно заглянул под табурет, на котором сидел, и пробежал глазами по углам комнаты, спросив:

— А когда вы её видели в последний раз?

Я попытался вспомнить:

— Кажется, перед тем, как мы отправились к Туннелю... Я всё время её ношу с собой. Но это не проблема.

Почему-то это было проблемой. Я никогда не придавал большого значения этому подарку, но его потеря вызывала странную тревогу. Я присел на кровать, пытаясь скрыть своё волнение. Лассон в это время продолжал сканировать комнату, пока его взгляд не остановился на бронзовой фигурке, стоящей у моей кровати. Я понял, на что смотрит Виктор, и сказал:

— Это бог Ракни — покровитель ремесленников.

— А вы разве ремесленник? — спросил Лассон.

— Он покровитель и инженеров тоже. Впрочем, я довольно далёк от религии. Мне кажется, Норвальд в этом отношении гораздо прогрессивнее, чем Лакчами.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, все эти древние предрассудки, которые мы называем своим важнейшим наследием. Я слышал, что Норвальден избавился от диктата религии. Это правда?

Лассон не ответил на мой вопрос, вместо этого задав свой:

— Зачем же вы его держите при себе?

— Его подарил отец перед моей отправкой сюда. Да и часы на него удобно вешать перед сном.

Лассон рассмеялся, а я вспомнил день отъезда. Мы с родителями попали под ливень, а они даже не воспользовались зонтами. Мы стояли на станции, ожидая поезд, и я обратил внимание, как они изменились. Их богатые одежды разбухли и обвисли от воды. Отец был похож на обыкновенного пьянчугу, а не на хранителя традиций Лакчами. Изысканный макияж матери тоже пострадал от дождя, и я видел перед собой печальную старушку, а не благородную женщину, ставшую примером для всего высшего света. Они не хотели меня отпускать и в своём горестном унынии ничем не отличались от бедняков, ежедневно страдавших в Лакчами. Но я не мог оставаться в этом искусственном мире, рассуждавшем о таких понятиях, как честь. Хотя им нужно было её доказывать исключительно соблюдением этикета. Эти люди понятия не имели, что происходит в реальности.

Впервые за сегодняшний вечер я ощутил хоть что-то. Это было сожаление. Тогда я не хотел разочаровывать родителей, но врать каждый день тоже не мог. Мне нужно было уехать. Вдруг, вместо моих родителей, перед внутренним взором снова предстал недавний взрыв. Я почувствовал что-то странное. Что-то неопределённое разрасталось внутри и подкатывало к горлу. Но раньше, чем я успел осознать это чувство, оно улетучилось. Вместо него я ощутил ещё большее волнение. Сердце заколотилось в груди. Я захотел, чтобы Лассон ушёл.

— С вами всё в порядке? — спросил он, вырывая меня из калейдоскопа образов и чувств. — Вы побледнели.

— Да, всё хорошо, — ответил я, переводя дыхание, — просто сегодня я очень устал.

— Тогда я, пожалуй, пойду, — сказал Лассон.

Он встал, сложил табурет и убрал на место. Механик сделал шаг к двери, но остановился. Он посмотрел на меня и произнёс со своим характерным акцентом:

— Люди в столовой говорили о вас. Сегодня вы их спасли, Ашвар.

С этими словами он вышел, а со мной всё ещё что-то происходило. Мои мысли снова спутались, а дыхание оставалось неровным. Я просидел несколько минут, пока не успокоился. Казалось, что внутри снова не было ничего, кроме пустоты. Я лёг на кровать и наконец смог уснуть.

Глава V. Буря

И снова мне не удалось отдохнуть. Меня разбудили топот и голоса в коридоре. Как будто несколько человек носились туда и обратно. Судя по часам, я проспал не больше двадцати минут. Мне было интересно узнать, что происходит, поэтому я встал и приоткрыл дверь. В коридоре собирались рабочие, нацепляя на себя тёплую одежду. Учитывая, что станция перешла на круглосуточную работу, в этом не было ничего особенного. Но тут моё внимание привлекло, что люди вооружены. Я вышел и спросил у проходившего мимо Маги, что происходит.

— Мы едем на «Источник», — ответил он и, не дав мне задать следующий вопрос, поспешил к выходу.

Я протолкался сквозь людей к кабинету начальника станции и увидел перед собой Катана. Он тоже был в куртке и проверял на ходу свой револьвер.

— В чём дело? — спросил я.

Катан удивился, увидев меня, и ответил:

— На «Январе» какая-то заминка. Их отряд всё ещё не выехал. Менаги попросил, чтобы мы поехали на «Источник». На всякий случай.

— На какой случай? — не понял я.

Убирая оружие в карман, Катан ответил:

— Менаги полагает, что после того как зэки не дождутся своего отряда, они могут попытаться атаковать другую станцию. «Источник» ближе всего к тюрьме после нас. Пока ребята с «Января» доберутся, «Источник» может попасть под удар.

— А как же мы? Что если они повторно придут сюда?

— Мы оставили часть оружия. Я думаю, что семь человек будет достаточно, чтобы защитить «Зарю». Всё в порядке, Ашвар. Выпись хорошо — завтра у нас опять много работы.

Я представил, как утром снова проснусь и буду продолжать раскопки для нового насоса. Не знаю почему, но эта перспектива представлялась мне отвратительной. После возвращения из Туннеля станция казалась мне чуждой. Даже от моей комнаты веяло чем-то небезопасным, как в первые дни здесь. Поэтому я сказал:

— Я поеду с вами.

Катан снова был удивлён, но сразу же нашёлся, что ответить:

— Не выдумывай. Мне хватает людей. Иди спать.

Но я уже знал, что сегодня не усну. Я никогда не брезговал своей работой, но сейчас не мог даже думать о ней. Невозможно было вернуться к рутинной жизни, когда кругом происходило такое. Катан пошёл к выходу, но я остановил его, схватив за руку. Он обернулся, и тогда я сказал:

— Послушай, ты всегда защищал меня, я знаю. Во время революции ты под любым предлогом заставлял меня остаться на станции и не ввязываться ни в какие авантюры...

Начальник станции усмехнулся, а я продолжил:

— Я всегда это видел. Когда я только приехал в Антарту, я здесь никого не знал. Ребята, с которыми я учился, попали на другие станции. Как оказалось, работа здесь совсем не похожа на то, чему меня учили. Ты меня шпынял, но и защищал тоже, когда я подводил Шиму. Ты меня со всем здесь познакомил и практически всему научил. Но нельзя всё время

меня оберегать. Ты ведь взял меня в Туннель!

— Я взял тебя в Туннель, потому что никто на станции лучше не работает со взрывчаткой.

— Всё равно! Просто один раз, хорошо? Один раз дай мне не остаться в стороне, самому сделать выбор. Я умею обращаться с оружием, я тебе говорил. Ещё один раз, Катан?

Оша смотрел на меня с какой-то отеческой нежностью, а в правом углу его рта застыла ухмылка. Выслушав мои излияния, он ответил:

— Ну и речь! С такими задатками ты Менаги сместишь однажды! Умеешь ляды точить!

Я чувствовал себя немного оскорблённым и польщённым одновременно, но, сохраняя спокойствие, спросил:

— Так и?..

Катан рассмеялся и ответил:

— Ладно, одевайся! Один раз сделаешь свой выбор! Только быстро!

Я бросился в свою комнату и начал впопыхах надевать тёплую одежду. Хотя мои слова, обращённые к Катану, были правдивы, какое-то смутное ощущение говорило, что есть что-то ещё. Что дело заключалось в чём-то большем, чем в моём нежелании снова остаться в стороне.

Когда я вышел, Катан стоял в коридоре уже в одиночестве. Он сказал мне:

— Поведёшь вездеход.

Из медкабинета вышел Вайша в куртке и, не обращая на нас внимания, направился к выходу. Катан посмотрел на него и спросил:

— А ты куда?

Вайша обернулся и сказал:

— В смысле «куда»? Мы же вроде на «Источник» собрались?

— Мы собрались, но тебя-то я не звал.

— Знаю, что не звал. А надо было. Я Чиуту месяца три не видел. Сяду вам на хвост.

— Мы туда не чай гонять едем. В другой раз съездишь.

Вайша подошёл к Катану и произнёс прежним бесстрастным тоном:

— Знаю. Оружие в руках я держал. Да и при таких раскладах вряд ли врач лишним будет, верно?

Катан смерил взглядом этого мелкого аристократа, который разговаривал как матрос, и сказал:

— Ладно. Садись в машину, я притащу тебе винтовку.

— Спасибо, Катан, — сказал Вайша и пошёл к выходу.

Глядя на него, начальник станции покачал головой и обратился ко мне:

— А ты чего стоишь? Давай, тоже иди.

Я последовал за Вайшей, а Катан направился на склад, ставший временно нашим арсеналом. По пути начальника станции окликнул Шиму, интересуясь, куда это уходит его помощник. Я уже взялся за ручку двери, когда услышал ответ Катана:

— Ищет приключений. Это займёт несколько часов. Мы посидим на «Источнике» и вернёмся. Ничего особенного. Иначе я бы его и не взял.

Я не застал продолжения разговора, потому что уже вышел. Не могу сказать, что последние слова Катана не задели меня. Под его заботой всегда было удобно, но я не мог смириться с тем, что он оберегал меня от того, в чём позволял участвовать другим.

Снаружи снег валил ещё сильнее, чем пару часов назад. Ветер усиливался, а видимость

становилась всё хуже. Вездеход стоял в гараже и тарахтел. Я вновь обратил внимание на отверстия и вмятины от пуль на корпусе машины. Так ли уж безопасно было наше задание, как думал Катан? Может быть, нам всё-таки придётся защищать «Источник» от бандитов? С этими мыслями я забрался в кабину и с удивлением обнаружил Виктора Лассона на пассажирском сидении.

— Привет! — сказал он.

— Что вы здесь делаете? — поинтересовался я.

— Решил помочь. Стрелять-то я тоже умею.

Через несколько минут подошёл Катан и забрался с правой стороны так, что Лассон оказался между нами. Я вывел вездеход из гаража. Мы взяли курс на юг, сквозь кружащийся в воздухе снег.

По странной конструкторской мысли, трёхместная кабина фактически могла вместить только двух с половиной людей. Пассажирские места сузили, чтобы водителю ничего не мешало. Теснота особенно бросалась в глаза, когда спереди сидели два человека такой комплекции, как Оша и Лассон. Виктор был среднего телосложения, но Катан со своими широкими плечами не смог бы удобно расположиться ни с кем. В кузове сидели Галаш, Ижу, Мекат, Маги, Нанг и Вайша.

Пока мы ехали к «Источнику», видимость упала метров до ста. Собиралась буря, и я надеялся, что мы доберёмся до станции вовремя. Конечно, по дорожным столбикам можно было ориентироваться, но они были не везде. Во время урагана легко было потерять их из виду и заплутать.

Первую половину дороги мы провели в тишине, но потом почти всё время Катан и Виктор разговаривали. Как оказалось, Лассон плоховато ориентировался в том, что происходило в колониях в последние месяцы. Даже о революции он знал только в общих чертах.

— Понимаете, там в тюрьме всё было по-другому, — рассказывал Виктор. — Это закрытый мир. Мы никогда особо не контактировали со станциями. Изредка катались на выходные на «Январь», так и этого не происходило после независимости. До того нам спускали распоряжения сверху, на какую станцию отвезти эков, вот и всё. Во время революции мы вообще были отрезаны. Единственное распоряжение, которое поступило от Лакчами, а потом повторилось от Менаги, — не рассказывать зэкам о волнениях, о перевороте.

— Так вы их с тех пор вообще никуда не отправляли? — поинтересовался Катан.

— Нет. Никто не хотел, чтобы они узнали о том, что в Антарте больше нет солдат.

— Это многое объясняет, — с недовольным вздохом произнёс Катан.

Виктор повернулся к нему и сказал:

— Меня вот что интересует: почему тюрьма осталась здесь? Зэки же были проблемой Лакчами, что ж их не забрали?

— Я точно не знаю, — ответил Катан, — никогда не интересовался политикой. Надо было работать, а не трепотнёй заниматься. Но думаю, что Менаги пришлось пойти на определённые уступки во время переговоров.

— Уступки?

— Да. Посмотрите на станции. Всё, что на них есть, — собственность Лакчами. Оборудование, техника. Кое-что принадлежало Норвальду, конечно. Но когда они

спрыгнули, то продали всё своё барахло лакшамам. То есть наши бывшие хозяйева могли дать нам независимость и прихватить всё это с собой. Тогда наша молодая, но перспективная держава рухнула бы на следующий день. Так что, я думаю, тюрьма стала предметом торга. Зачем Лакчами везти домой кучку головорезов, которых они припёрли изо всех своих колоний?

— Неплохой обмен! — усмехнулся Лассон. — Вряд ли зэки идут по той же цене, что и оборудование.

— Кто знает? — ответил на это Катан. — Возможно, они ещё влетят Антарте в копеечку. Уже влетели.

Мне на мгновение показалось, что я слишком увлёкся их разговором и потерял дорогу. Меня охватил испуг, но я тут же увидел маленькие чёрные столбики, которые лишь чуть-чуть возвышались над снегом. Мы пересекали длинную равнину, и ландшафт не давал никаких намёков на то, куда нужно поворачивать. Столбики меня успокоили и вызвали раздражение одновременно. Кто сэкономил на этом? Стоило догадаться, что такие низкие указатели будет заметать!

— Знаете, чего я не понимаю? — внезапно произнёс Лассон.

Мы с Катаном вопросительно посмотрели на него, а Виктор продолжал:

— В колониях — что в наших, что в ваших... — он осёкся, — в смысле, что у Норвальда, что у Лакчами. Так вот, в колониях на Меласе уже давно вспыхивают войны. Там люди так же недовольны и добиваются независимости. Но в отличие от Антарты, там никто не стесняется стрелять ни в демонстрантов, ни в бастующих работяг.

Он сделал небольшую паузу и продолжил:

— Вы мне тут рассказали несколько историй об этих недавних событиях. О том, как рабочие стояли живой цепью, не пуская солдат, и всё такое. Так и почему никто не начал стрелять? Более того, они ещё и пошли на переговоры.

Катан немного подумал и ответил:

— Я в этом всё не очень хорошо разбираюсь, но пару отличий сразу могу назвать. Во-первых, вся эта история с Антартой была изначально международной. А во-вторых, это был образцово-показательный проект, прежде всего, для Лакчами. После Патейской войны они вообще почему-то стали сильно волноваться по поводу того, что о них думает окружающий мир.

— Ну и что? — спросил Виктор.

— Ну собственно в этом всё и дело. На малайские колонии всем плевать. А мечта о светлом будущем, какой вся эта история с Антартой стала, не могла закончиться кровавой баней. Плюс не стоит забывать о том, что в колониях Норвальд и Лакчами стреляют вовсе не в собственных граждан. Да и здесь никогда не было такого уж большого военного контингента. Лакчами прислали подкрепление, когда каша уже заварилось, да вот только оно не смогло высадиться. Единственный порт рабочие блокировали.

Катан замолчал. Снег продолжал врезаться в лобовое стекло. Я вертел дворниками изо всех сил, чтобы успевать стирать его. Нельзя было потерять ориентиры из виду. Мы смотрели в эту почти непроглядную белизну, пока Катан вдруг не сказал:

— Ну и насчёт «международности»... Антарта же никогда не была колонией.

— Что вы имеете в виду?

— Ну там существовал какой-то договор между странами, что никто не будет иметь права провозгласить Антарту своей колонией. Ещё когда континент только открыли. Я

тонкостей не знаю, но такова суть. Колония — это что? Это территория другой страны, которая может делать на этой земле всё, что захочет. Это внутренние дела государства по сути. Но Антарта — не колония и не может ей быть.

— Это называется «не интересуюсь политикой»! — заметил Виктор и хотел вернуться к разговору. — Как же тогда мы?.. — начал было он, но остановился. Кажется, он и сам догадался.

— Создали здесь государство? — закончил за него Катан.

— Никто не может объявить Антарту своей колонией. Именно так это звучало?

— Верно. И мы — не колония.

— А ваш Менаги — не промах! — со смехом заметил Лассон и добавил уже серьёзно, — Но всё же это не препятствие...

Закончить он не успел, потому что его перебил Катан:

— Подъезжаем.

Из снежной пелены впереди показались строения. Мы успели. Вместе с этой мыслью ко мне пришло облегчение. Буря уже начиналась, но мы добрались до места. Теперь можно было размять ноги и расслабиться, наблюдая за бушующей стихией через окно. В общем-то получалось, что мы совершили этот путь напрасно — никому в здравом уме не придёт в голову куда-то идти во время бури. Хотя это означало, что и отряд с «Января» прибудет в тюрьму позже, чем ожидалось. Так или иначе, в ближайшие несколько часов нам ничто не угрожало.

Пока я думал об этом, приближаясь к «Источнику», в кабине что-то стукнуло. Звук был похож на лязг металла, но мы не могли ничего зацепить, да и он был слишком резким для нашей скорости. Через несколько мгновений снова послышался удар, уже где-то у меня над головой.

— Поворачивай! — резко крикнул Катан.

— Что? — не понял я.

— Быстро, поворачивай! — повторил он. — Валим отсюда!

Ещё один еле слышный удар донёлся откуда-то снаружи. Мне вдруг бросилось в глаза отверстие на лобовом стекле. Их здесь было несколько, но этого конкретного я не помнил.

— Ты глухой что ли?! — заревел Катан, как медведь. — Они по нам стреляют!

У меня внутри всё замерло, но я всё равно резко переключил тягу на левом траке, разворачивая машину.

— Охереть просто! Они нас опередили! — продолжал рычать Катан.

Вездеходы не били рекорды скорости и поворачивались медленно. Когда я поставил машину боком к станции, щелчки стали доноситься по всему борту. Звякнуло стекло, и раздался какой-то незнакомый мне звук. Трудно его описать. Что-то среднее между тем, как гвоздь пробивает крышку, и тем, как камень шлёпается в густую грязь. Мы ещё не завершили разворот, но я начал уводить машину от «Источника».

— Бляядь... — протянул Катан как-то странно.

Я не обратил внимания, сосредоточившись на управлении. Потом краем глаза увидел, что Виктор наклонился к Катану.

— Ничего, нормально... — сказал начальник станции.

Я посмотрел на него. Катан разглядывал правый рукав куртки, по которому расползлось тёмное пятно.

— Нормально, — продолжал Катан странным голосом, — сейчас отойдём немного и

перетянем.

Мы проехали несколько десятков метров, пока станция не скрылась за снегопадом, а стук не прекратился. Я остановил вездеход, а Катан открыл дверь непослушной рукой. Он хотел вылезти, но остановился. Как только Катан приподнял руку, он тут же застонал и прижал её к боку.

— Блядь, — снова выругался Катан, — ни хрена не нормально...

Его голос был каким-то булькающим, и начальник станции сразу же закашлялся.

— Что там? — спросил Лассон.

— Прошла, сука, навывлет...

Я ничего не понимал. Виктор сдвинул дверку, которая закрывала зарешёченное окошко между кабиной и кузовом, и крикнул туда:

— Как там сзади? Все целы?

— Да! — ответил Ижу оттуда. — Чё это было?!

Виктор проигнорировал вопрос и попросил меня вылезти. Я выбрался наружу, а Лассон перелез через водительское сидение и выпрыгнул следом. Механик открыл кузов и вернулся с Галашем и Вайшей. Вместе они помогли выбраться Катану. Он еле держался на ногах. Они увели его в кузов, где он мог лечь. Я сидел в кабине один и ждал, пока они закончат. Сердце стучало барабаном, а руки тряслись. Я смотрел на кровавые следы на пассажирском сидении, и меня мутило. В окне справа было новое отверстие.

Через кузовное окошко доносились неразборчивые голоса, шорохи и стоны Катана. Я не знал, что происходит, но не находил в себе сил спросить. Кажется, это было сейчас не вовремя. Я смотрел вперёд на стремительно проносящийся снег и понимал, что видимость уже упала метров до тридцати. В таких условиях никуда нельзя было ехать.

Через несколько минут вернулся Лассон. Он забрался на пассажирское сидение, не придавая значения тому, что сел на кровавые пятна. Виктор повернулся ко мне и начал говорить. Мне казалось, что я впервые вижу этого человека. Он был совсем не похож на того, кем был всё это время. Его сосредоточенный взгляд был абсолютно беспристрастным. Глядя на Лассона, я чувствовал, что сейчас он констатирует непреложные факты, которые не то что не подлежат обсуждению, — абсурдно их обсуждать. Он говорил спокойным твёрдым голосом, каким, наверно, дают инструкции, обучая хирургов:

— У господина Оши сквозное ранение правой руки и ранение в грудь. Возможно, задето лёгкое. Так или иначе, он теряет кровь. Мы перевязали его, но этого недостаточно. Нам нужно срочно доставить его к врачу.

— А как же Вайша?

— Он говорит, что здесь не сможет оказать господину Оше необходимую помощь. Ему нужна операционная.

Я снова глянул вперёд на серую пелену, которая всё плотнее стягивалась вокруг, и ответил:

— Мы не можем передвигаться в буре. Нам нужно подождать, когда видимость хоть немного вернётся. Иначе мы заблудимся.

Виктор продолжал тем же тоном. Моё замечание вообще не имело никакого значения для него.

— Мы будем передвигаться в буре. Он умирает. Ты должен приложить всё своё умение. Мы не сможем спасти господина Ошу здесь, и он вряд ли продержится до хорошей погоды. Дави на газ, Ашвар. Сконцентрируйся и постарайся не сбиться с дороги.

Я повиновался и начал разгоняться. Вот только не с чего было сбиваться. Уезжая от «Источника», я уже вёл машину куда глаза глядят, лишь бы подальше от стрельбы. И мы оказались на ровной снежной площадке.

— Дорога должна быть левее, — нервно заметил я, обращаясь больше к самому себе.

Меня пробирали дрожь. Лассон ничего не ответил. Сзади доносились едва различимые стоны. Мне хотелось давить во весь опор, но нужно было двигаться аккуратно. Я медленно вёл вездеход влево, высматривая эти чёртовы столбики, но ничего не видел. Мы ехали так несколько минут, пока я не остановился.

— В чём дело? — спросил Виктор. Его тон был всё таким же гипнотически ровным.

— Мы не могли так далеко уехать от дороги, — ответил я, испугавшись собственных мыслей.

Лассон открыл бардачок и вытащил оттуда карту с компасом. Развернув её, он нашёл дорогу на «Источник» и начал указывать мне направление. Мы снова тронулись. Вокруг было одно и то же — всё слилось с потоками урагана. Машине он ничем не угрожал. Даже самая жуткая буря не смогла бы поднять многотонный вездеход. А мощный двигатель вместе с гусеничными траками надёжно прокладывал путь вперёд. Вот только проклятые столбики так и не выныривали из снегопада.

— Поднажми! — приказал Виктор. — Будем двигаться вдоль дороги, пока не найдём её.

— Мы можем налететь на камень! — забеспокоился я.

— Тогда двигайся с той скоростью, в которой ты уверен.

Это замечание странным образом подействовало на меня успокаивающе. Я немного ускорился, но до предела было очень далеко. Мы продолжали ехать в пустоте, и я ожидал, что в любой момент из бурана на нас выскочит скала. Но эта пелена казалась бесконечной.

В итоге мы добрались до подъёма, и я всё-таки затормозил, когда перед вездеходом образовался большой чёрный камень.

— Где мы, чёрт подери? — произнёс Виктор, разглядывая карту.

— Может быть, поменяемся? — спросил я, переводя дух. Вездеход было несложно резко остановить, но меня пробирал такой озноб, что я боялся потерять управление.

— Ты разбираешься в картах? — вопросом на вопрос ответил Лассон.

— Нет.

— Тогда...

Договорить он не успел, потому что сзади раздался злобный окрик Вайши:

— Мы поедем, твою мать, или нет?! Он, блядь, умирает здесь!

Лассон повернулся и громко, но по-прежнему спокойно сказал:

— Мы едем. Видимость низкая, нужно двигаться аккуратно. Иначе мы все здесь погибнем.

Вайша еле слышно выругался, но больше ничего не сказал. Лассон снова обратился ко мне:

— Ты будешь за рулём, я буду штурманом. Новый план. Поезжай правее, потом прямо.

Я перевёл дыхание и снова потянул рычаги управления. Двигатель затарахтел громче, и мы тронулись.

— объезжай препятствия, избегай даже малого крена. Если ты сильно уйдёшь с курса, я тебя поправлю.

— Спасибо, — выпалил я. Мне вдруг стало гораздо легче просто от самой мысли, что не приходится всё это делать в одиночку. Кроме того, Лассон был снова на удивление спокоен,

как когда рассказывал о бунте. Это поддерживало и не давало мне самому впасть в панику.

Мы просто двигались на северо-восток в направлении «Зари». Это была практически безнадёжная затея. Лассон следил за временем, скоростью и курсом, пытаясь хотя бы примерно определить, где мы находимся. Мне нужно было полностью сконцентрироваться на дороге и постараться не перевернуть и не ударить вездеход. Мы ехали рывками, останавливаясь, когда мне казалось, что мы забрались на ненадёжную поверхность, или когда на пути выскакивали скалы.

Иногда нам казалось, что мы нашли какие-то ориентиры — наш маршрут порой выгибался так, что был похож на какую-то гряду на карте. Но проблема была в том, что бумага очень примерно описывала ландшафт. Главными там были дороги, а мы никак не могли найти ни одной.

Наконец, мы снова выбрались на ровную поверхность и когда проехали по ней минут десять, а на пути не выскочил ни один валун, Лассон произнёс:

— Кажется, я понимаю, где мы. Поверни налево.

В итоге единственным ориентиром стала смена скал и долин, но даже на неё нельзя было полагаться. Каждый раз, когда мы выезжали на равнину, никто не мог точно сказать, не оказались ли мы в большой ложине. Вполне вероятно, что по сторонам от нас тянулись мрачные чёрные скалы.

У меня здорово потели руки от напряжения. Я представлял себе, как мы забираемся по небольшому наклону, который заканчивается обрывом. Если бы такое произошло, я вряд ли смог бы вовремя заметить, что мы угодили в ловушку. Видимость упала не до нуля, но понять, где заканчивается снег под нами и начинается стена бурана, было почти невозможно.

Я замечал движение лишь по покачиванию вездехода да напряжённому тархтению двигателя. Мы будто плыли, утопая в море молока. Я даже не мог понять, сколько времени проходило между появлявшимися время от времени чёрными стенами гор.

Мы добрались до очередной ровной долины, по которой ехали, как мне показалось, не меньше часа. В конце концов, Лассон произнёс:

— Так не должно быть.

Раньше чем я спросил, что он имеет в виду, он продолжил:

— Мы давно должны были упереться в горы. Кажется, мы совсем сбились.

Я продолжал ехать, не зная, что ещё можно сделать. Но в итоге, как по заказу, мы начали забираться на уклон, а слева из-под снега на глазах выросла очередная чёрная стена.

— Погоди, — сказал Лассон.

Я остановился, а он уставился в карту. Виктор не отрывался от неё пару минут, а потом произнёс:

— Да, кажется, я понял, где мы, — сложно выразить, насколько меня обрадовала эта новость, а он продолжал, — нужно повернуть налево. Мы уже совсем близко.

Повернув вездеход, мы продолжили наше плавание. Я был рад, что эта пытка скоро закончится. Хотя сразу же заметил, что немного по привычке к ней. Меня уже давно перестало трясти, я не воображал, что вездеход перевернётся или упадёт со скалы. Все мысли давным-давно пропали, и были только буря и рычаги управления. Нужно было лишь оставаться предельно внимательным и готовым резко остановиться.

После того как мы повернули, вездеход опять оказался на равнине. Мы ещё долго продолжали ползти, пока Лассон снова не нарушил молчание словами:

— Нет, кажется, опять...

Он прервался, потому что вездеход резко накренился вперёд. У меня захватило дух, я сбросил тягу, но было поздно, и машина проехала вниз по склону. Сзади раздались крики. Когда мне удалось остановить траки, мы уже снова стояли на ровной поверхности. Склон был не таким уж крутым и длинным. Я хотел сдать назад — вполне вероятно, мы смогли бы забраться обратно, но Лассон меня остановил.

— Смотри, — сказал он, указывая вперёд.

Из бури вырисовывались очертания каких-то угловатых объектов. Конечно, это снова могли быть камни, но в их форме что-то казалось рукотворным. Немного проехав вперёд, мы увидели заваленные снегом вездеходы. Я обрадовался и хотел вылезти из машины, но Виктор схватил меня за руку. Он стал шарить под сидениями.

— Что вы ищете? — спросил я.

— Ты же не хочешь заблудиться, — ответил он. — Ты дойдёшь до машины, а потом что? Нам нужна верёвка.

На вездеходы вешали лебёдки с цепью, чтобы они тащили грузы или друг друга. Правда, эта машина была тюремной — немного другой моделью. Я нацепил маску, очки, куртку и выпрыгнул из кабины. Резкий шквал ветра обрушился на меня. Мои недобрые предчувствия оправдались, когда на задней стороне ничего не обнаружилось. Я не терял надежды и посмотрел спереди. Под ковшом было закреплено то, что мы искали. Я забрался в кабину и выкрутил ручку, которая подняла ковш так, чтобы можно было подобраться к цепи. Лебёдка располагалась прямо под двигателем, поэтому она не сильно промерзала.

Лассон помог мне обмотаться и закрепить цепь, и я пошёл к нашей таинственной находке. Только сейчас я подумал о том, насколько странно, что кто-то оставил вездеходы под открытым небом во время бури. Цепь была тяжёлой и тянула меня к земле. Сугробы, доходившие до колен, тоже не облегчали задачу.

Дойдя до ближайшей машины, я не увидел ничего вокруг, поэтому просто продолжал двигаться вдоль неё, пока не увидел ещё одну тень. Я подошёл поближе. Это был ещё один вездеход. Нужно было найти какие-то постройки. Мы точно были не на «Заре», но мы всё же прибыли на какую-то станцию. Я продолжал идти, но нашёл только ещё одну машину. В итоге цепь натянулась и не пустила меня дальше. Под её весом я еле мог идти. Пришлось возвращаться.

Я попросил Лассона сесть за управление и обогнуть первую линию вездеходов справа, чтобы я мог пройти дальше. Он начал потихоньку ехать вперёд, а я шёл рядом. Обогнуть ему не удалось — их там было полно. Мы тыкались взад и вперёд, но находили лишь больше брошенных машин. И ни одного строения.

Когда после очередной неудачи я снова вернулся к Лассону, он открыл дверь и что-то сказал, но я ничего не разобрал из-за урагана. Тогда он спрыгнул на снег и прокричал мне в ухо:

— Господин Оша скончался.

Мне показалось, что всё остановилось. Буря продолжала неистовствовать, но я замер в том положении, в каком стоял. У меня было чувство, что весь мир, кроме этого проклятого снегопада, остолбенел. Снежинки продолжали проноситься мимо нас, закручиваясь в какие-то неведомые кольца и, на секунду выделяясь под светом фар из сплошной свинцовой завесы, тут же исчезали. Я не знал, что сказать. Это было каким-то бредом. Лассон вывел меня из оцепенения, окликнув. Только сейчас я заметил, что он снимает с меня цепь. Я

попытался его остановить, но он снова наклонился и сказал спокойным голосом:
— Нам больше некуда торопиться, Ашвар.

Глава VI. Айсберг

Пока Лассон освобождал меня от цепи, я хотел броситься в кузов. Но как только Виктор закончил, я передумал. Мы забрались в кабину и сидели молча. Сзади тоже стояла тишина. Вездеход заправили перед тем, как мы поехали на «Источник», поэтому у нас была возможность пересидеть бурю здесь. Двигатель давал достаточно тепла, чтобы мы не замёрзли, хотя в кузове было прохладней, чем в кабине. Я опустил ковш, просто чтобы чем-то себя занять. Больше ничто не могло отвлечь меня от произошедшего.

После пережитого в Туннеле я думал, что с нами ничего не может случиться. Нам повезло отбить атаку, а дальше всю работу должен был сделать «Январь». Никто даже не подумал, что зэки отправятся на другую станцию, не дожидаясь вестей от первой группы. До меня только сейчас дошло, что все рабочие на «Источнике», скорее всего, мертвы. В том числе и Чиута. Я понятия не имел, что сейчас переживает Вайша. А ещё мы могли оказаться на их месте, если бы Лассон изначально отправился на «Источник», а не к нам. Но он выбрал ближайшую станцию.

По дороге от «Источника» до «Зари» можно было добраться за сорок-пятьдесят минут. Как оказалось, мы продирались через бурю три часа. Понятно, что мы двигались медленней, чем обычно, но определить, где мы находимся, всё равно не представлялось возможным. «Заря» могла находиться рядом или в десятках километров отсюда.

Стихия понемногу успокаивалась. Это можно было заметить как по просветлению, так и по тому, что всё больше и больше машин вырисовывалось из пелены.

— Они оказались там гораздо раньше нас, — вдруг произнёс Лассон.

— Что? — спросил я, разбуженный от своих мыслей.

— Зэки давно на «Источнике».

— Откуда вы знаете?

— На станциях ведь нет оружия, верно? — в своей манере он снова задал вопрос вместо того, чтобы ответить.

— Нет. Только на «Январе».

— Значит, по нам никто не мог стрелять, кроме бандитов.

— А с чего вы взяли, что они там давно? — не понял я.

— По нам начали стрелять, когда станция только стала видна. Они успели расставить часовых, которые заметили нас издали. Вы связывались с «Источником» перед тем, как отправиться на него?

— Мы не смогли бы с ним связаться. Но распоряжение пришло с «Января». Оттуда уж наверно им звонили.

— Что значит «не смогли бы»?

Вопрос был неожиданный. Хотя, учитывая, в какой обстановке шла жизнь в тюрьме, неудивительно, что механик не знал даже таких простых вещей.

— Никто не может ни с кем напрямую связаться, — ответил я. — Все провода связи проложены от «Января» до станций. Между собой они никак не соединены.

— Почему? — удивился Лассон.

— Думаю, потому что прокладывать многокилометровые кабели на морозе — довольно сложная задача. Если нам нужно что-то передать другой станции, мы оставляем сообщение у диспетчера на «Январе». Это вообще большая редкость, чтобы станциям что-то было нужно

друг от друга.

— Но перед нашей отправкой всё было в порядке?

— Я не знаю. Я вообще в последний момент присоединился к группе. Но думаю, что с «Января» звонили на «Источник».

— А другие средства связи где-то есть?

— Насколько я знаю, есть радиостанции. Но, кажется, они установлены только на «Январе» и в порту, чтобы связываться с кораблями.

Лассон замолчал, о чём-то размышляя. Снаружи снегопад продолжал слабеть. Я надеялся, что буря не разыграется с новой силой, и мы сможем хотя бы примерно понять, где оказались.

— Почему они не уехали оттуда? — вновь заговорил Виктор. — Почему не взяли вездеход и не скрылись?

— Буря начиналась ещё пока мы ехали, — ответил я. — Бандиты добрались до «Источника» где-то в этот промежуток. Может, не рискнули.

Тут я вспомнил разговор с Катаном и Шиму перед нашим столкновением с бандитами и сказал:

— А там и не было машин, как и у нас. Почему мы ездим на тюремном вездеходе?

Я рассказал Лассону о новых экспедициях, для которых, видимо, обчистили гаражи всех станций.

— Неудивительно, что пришлось собирать машины отовсюду, — заметил на это он, — учитывая, как в Антарте распоряжаются техникой!

Он кивнул вперёд. Я посмотрел через изрешечённое лобовое стекло, сквозь которое в кабину постоянно залетал снег. Урагана как такового уже не было, хотя снегопад сохранял силу. Видимость была слишком плохой, чтобы разглядеть ландшафт, но я отчётливо различал, что мы стоим на краю большого кладбища техники. Десятки вездеходов ржавели посреди ложбины. Их занесло снегом, а вокруг не было ни одной постройки. Похоже, сюда сгоняли сломанные машины в течение всего освоения Антарты. Хотя я не представлял, что должно было случиться с вездеходом, чтобы его не могли починить или разобрать на запчасти. Впрочем, это могли быть и пустые корпуса.

— Где-то неподалёку должна быть ремонтная станция, — сказал Лассон.

— Ремонтная станция? — переспросил я. — Я даже не слышал о такой.

— Сам подумай, — продолжал он, — куда неисправная техника попадает перед тем, как отправиться на свалку?

— Туда, где её попытаются починить, — только сейчас я про себя отметил, что с какого-то момента Лассон стал обращаться ко мне на «ты».

— Вот именно! — заключил он. — Я найду её.

Лассон вытащил карту и начал рыскать по ней пальцем.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он через несколько минут, — здесь ничего нет.

— Что? — спросил я.

— Здесь ни станции, ни свалки не отмечено.

— Может быть, мы не там, где вы смотрите.

— Я учитываю это, — сказал он. — Сам посмотри. Мы должны быть где-то здесь.

Он обрисовал мне довольно большой регион, недалеко от центра которого была «Заря», а на краю ещё одна станция — «Айсберг». Но больше здесь не было ни одной отметки.

— Мы ехали три часа, — продолжал он, — примерно с одной и той же скоростью. Да,

где-то мы меняли направление и останавливались. Поэтому радиус такой большой.

— Что мы будем делать? — спросил я, возвращая ему карту.

— Нужно ещё подождать. Если погода начнёт ухудшаться, попробуем поехать хоть куда-нибудь. Если прояснится, попытаемся сориентироваться.

Я согласился. Делать было нечего, поэтому я сел поудобнее и прислонился к двери, подложив под голову шапку. Тогда я наконец заметил, насколько устал. С момента прибытия Лассона мы почти не спали, а часы показывали полночь. Поэтому стоило мне немного расслабиться, как я провалился в сон. Как только мои глаза сомкнулись, я увидел Катана, который пытается выбраться из вездехода, а по его куртке течёт кровь. Мне хотелось отогнать этот образ, но он лишь преобразился. Я по-прежнему видел Катана, который лежал на скале. В руке он держал револьвер. Катан кричал на меня, а я поворачивал ручку детонатора. Снизу бил гигантский снежный фонтан.

Меньше чем через час меня растолкали. Этого времени было недостаточно, чтобы я хоть немного выспался, но вот шея успела затечь. Я открыл слипшиеся глаза и первым делом обратил внимание, что вижу горы вдаль. Снег всё ещё шёл, но всё вокруг просматривалось на пару километров. Разбудил меня Галаш, рядом с которым сидел Маги. Лассона не было видно.

— В чём дело? — спросил я.

— Просыпайся! — сказал Галаш. — Сейчас поедem!

Они с Маги выпрыгнули из кабины и вернулись в кузов. Оказывается, пока я спал, остальные парни попеременно грелись в кабине. Рядом с открытой дверью стоял Лассон.

— Перебирайся на пассажирское, — сказал он, — я поведу.

Он захлопнул дверь и исчез, чтобы закрыть кузов. Я перебрался через рукоятки, торчащие между сидениями, и сел справа. Несмотря на то, что голова почти ничего не соображала, я как-то машинально съёжился, чтобы не сесть на тёмно-красные разводы. Лассон забрался на водительское сиденье и начал выводить вездеход к пологому склону справа от нас.

— Мы с ребятами, — рассказывал он, — выбрались, как только немного просветлело, и глянули на все эти горы, — он ткнул пальцем в сливавшиеся со снегопадом склоны поодаль. — Кажется, дела налаживаются. Похожая картина есть на карте.

— Так и где мы?

— Нужно сначала кое-что проверить. Всё-таки карта неточная.

Я не стал спрашивать, что он имеет в виду. Мы поднялись из ложбины и добрались до одной из соседних скал. Лассон повёл машину вдоль неё. Через пару минут он указал направо, где вырисовывалась ещё одна гора.

— Да, всё верно, — с воодушевлением отметил он.

— Что верно? — спросил я.

— Мы правильно определили, где находимся. Эта гора должна была быть там, судя по карте. Мы в восьми километрах от «Айсберга». Туда и направимся.

То, что мы находились здесь, означало, что в буре мы даже близко не подошли к «Заре». Я хотел предложить вернуться на нашу станцию, но понимал, что нам необходимо как можно быстрее сообщить новости на «Январь». И хорошенько отогреться. Я-то всё время просидел в кабине, а остальные грелись в ней только урывками.

— Кто придумывал названия для колоний? — спросил вдруг Лассон. — «Айсберг»,

«Январь». Как будто здесь и так недостаточно холодно!

Я усмехнулся, но ничего не ответил. Остаток дороги я провёл в полудрёме, но сон как рукой сняло, когда за очередной скалой мы увидели трубы насосных установок. Наше прибытие перебудило и очень удивило рабочих «Айсберга». Как оказалось, они ничего не слышали ни о каком тюремном бунте. Зато они знали про экспедиции — неделю назад их вездеходы также перегнали на «Январь».

Пара наших ребят сбегали на станцию и вернулись с носилками. Сидя в кабине, я видел, как они понесли на «Айсберг» Катана. Сверху он был накрыт своей курткой, запятнанной тёмными разводами. В первый момент, когда я увидел эту картину, мне показалось, что он ещё жив. Но потом я обратил внимание на его руку, выпавшую из-под куртки. В этом посмертном жесте было что-то противоестественное. Она должна была свисать с носилок, но вместо этого торчала, указывая в пустоту. Это была рука манекена, а не человека. А от её невероятной бледности меня мутило.

Тогда до меня окончательно дошло, что Катан действительно мёртв. И эта мысль сама была какой-то безжизненной. Словно она заменяла собой что-то реальное, эхом отдаваясь в пустоте и ничего в сущности не означая. Катан мёртв. Я повторял это в своей голове, чтобы хоть что-нибудь разгоняло эту странную пустоту, открывшуюся внутри меня. Всё это было как-то безумно. Всего день назад не существовало ни одной причины, чтобы вообще задуматься о том, что его может не стать. А теперь это было реальностью. Я поймал себя на странном ощущении, что смотрю фильм или сновидение. Со всех сторон до меня доносились свидетельства того, что эта картина реальна. Но я не мог обнаружить какое-то тонкое внутреннее переживание, которое должно сообщать, что всё это происходит на самом деле. Это чувство настолько слито с повседневностью, что его не замечаешь, пока оно не исчезнет. Так было сейчас. Где-то среди всей этой пустоты витало лишь неясное ощущение, что что-то должно произойти. Может быть, местный врач осмотрит его и скажет, что Катан жив? Может быть, его вылечат? Может быть, я усну и проснусь на «Заре», и окажется, что ничего из этого не происходило?

Это переживание, этот маленький червячок не мог внушить мне ни малейшей уверенности в своей правоте просто потому, что он бился в ужасе от внезапно разверзшейся пустоты. Что-то изменилось в этот момент. Как будто пока Катан был жив, многие вещи вообще не существовали. Всё это было просто большим приключением. Уверенный и надёжный, даже не говоря ни слова, он превращал для меня все эти истории про независимость в остросюжетные сказки, которые могли закончиться только хорошо. Само моё путешествие в Антарту как будто было поездкой в соседний городок, а не на безжизненный континент, способный проглотить тебя, стоит только отойти от станции подальше. Конечно, Катан был всего лишь человеком. Но где-то в глубине мне казалось, что он способен защитить меня от всего. Как только я подумал об этом, что-то во мне щёлкнуло, и все мысли растворились.

Я выпрыгнул из кабины. Рабочие уже занесли Катана внутрь. Нужно было сообщить о произошедшем на «Январь».

«Айсберг» был одной из станций, построенных последними. Он был почти целиком укомплектован норвальдцами. Норвальд некогда был приглашён Лакчами участвовать в Масштабном Освоении, вот только дела у него шли значительно хуже. У этой страны было несколько станций, и некоторые из них истощились первыми на материке. Примерно тогда же нашли десяток богатых месторождений на Мелае. Там у Норвальда были колонии,

поэтому страна вышла из проекта. Многие из её рабочих, тем не менее, остались в Антарте, заключив договоры с правительством Лакчами. Условия были довольно выгодными, а люди уже имели большой опыт работы в этих условиях. Лакчами разбросала норвальдцев по своим станциям, но, открывая новые, старалась подобрать персонал из одной страны. Во время революции, к удивлению норвальдцев, их правительство даже не почесалось вытащить своих граждан из этой истории. Впрочем, для них мало что изменилось. Только новый договор да второе гражданство в придачу. Лакчами не третировала норвальдцев так, как своих граждан. Как результат, они не участвовали в восстании и всегда могли вернуться домой без каких-либо сложностей. Во всяком случае, так мне казалось.

Приняли нас на «Айсберге» достаточно тепло, несмотря на некоторое похолодание в отношениях наших бывших держав. Здесь всем было на это плевать — мы уже оказались повязаны одной нитью и юридически стали согражданами. Внешне их станция не отличалась от нашей: всё было так же минималистично. Но их однотонные одежды, пошитые в Норвальде, заставляли этих людей выглядеть ещё более одинаково. Разумеется, у нас не было особой возможности украшать станции, но одежды лакшам были наполнены орнаментами. Норвальдцы же ценили в рабочей одежде практичность и не считали необходимым сколько-то обогащать унылую серую ткань.

Пока наших рабочих отпаивали горячими напитками и кормили срочно приготовленным поздним ужином (или ранним завтраком), я попросил, чтобы мне дали поговорить с «Январём». Неожиданно для себя после смерти Катана я стал старшим в нашей группе. Это значило, что именно я должен был отчитаться перед руководством и вернуть нас всех обратно на «Зарю».

Пробираясь к телефонной через море одинаковых заспанных белых лиц, я понял, о чём говорил Лассон в моей комнате. Связист дозвонился до «Января» и передал микрофон мне. Я рассказал диспетчеру о ловушке, в которую мы попали, о смерти Катана, о том, как мы продирались через бурю и как в итоге застряли на кладбище техники. Я был ужасно утомлён и хотел пойти к остальным в столовую, но диспетчер попросил меня оставаться на связи. Через несколько минут из хрипящей трубки донёсся знакомый мне голос. Это был Менаги.

— С кем я разговариваю? — спросил он.

— Помощник старшего инженера «Зари», — ответил я, удивляясь, — Ашвар Шел-Тулия.

— Ашвар? — похоже, теперь пришло время удивляться для Менаги. — Мы с вами виделись несколько дней назад, не так ли?

— Всё верно, господин Менаги, это я.

— Приятно снова слышать ваш голос! Мне жаль, что Катан Оша погиб. Мы понятия не имели, что заключённые захватили «Источник»... Больше никто не пострадал?

— Нет, господин Менаги. Кажется, бандиты захватили станцию, пока мы добивались.

— Похоже, что так. Мы проверяли, как дела на «Источнике» перед вашей отправкой. Там всё было в порядке.

— Господин Менаги, нет ли вестей с «Зари»? — спросил я. — Катан Оша опасался повторного нападения.

— Мы искали вас, — донеслось из динамика. — Господин Оша должен был связаться с нами после вашего прибытия на «Источник». Звонка не поступило, и тогда мы звонили на «Зарю» несколько раз. Мы проверяли около часа назад. У них всё в порядке.

— Спасибо. А как дела у вашего отряда, который отправили в тюрьму?

— Есть кое-какие сложности.

— Что Вы хотите сказать, господин Менаги?

Он сделал паузу и ответил:

— Сейчас у нас здесь большая суматоха, Ашвар. Мне нужно попросить вас задержаться на «Айсберге» ненадолго.

Я с той же силой надеялся вернуться на «Зарю», с какой недавно пытался оттуда вырваться, поэтому эта просьба меня не порадовала.

— Мы должны что-то сделать, господин Менаги? — спросил я.

— Мне нужно кое-что выяснить. Я скажу вам чуть позже, Ашвар. Возможно, ничего не потребуется. Просто оставайтесь там и будьте на связи.

— Хорошо, господин Менаги.

Он снова сделал небольшую паузу и спросил:

— Вы и правда ехали в бурю?

— Да, господин Менаги. Мы думали, что успеем... — ком встал у меня в горле, — успеем доставить господина Ошу к врачу... Но мы заблудились и в итоге попали на свалку техники. А оттуда добрались до «Айсберга», как прояснилось.

— Вы — храбрый молодой человек, Ашвар, — произнёс Менаги, — ваш отец может гордиться вами!

— Спасибо, господин Менаги!

На этом разговор был закончен. Похвала от такого человека в другое время польстила бы мне, но сейчас я пропустил её мимо ушей. Я чувствовал себя подавлено и бессильно. Может, я и был храбр тогда, но пользы от этого всё равно не было никакой. Да и вряд ли бы я справился без Лассона. В конце концов, именно он решился на это путешествие сквозь бурю.

После разговора с Менаги я направился в лазарет. Не знаю зачем. Наверно, чтобы услышать то единственное, что мог сказать местный врач. В медпункте я обнаружил Лассона. Сидящий доктор мыл руки в небольшом умывальнике — здесь даже водопровода не было. А посреди тесного кабинета на столе лежал Катан, накрытый с головой жёстким серым одеялом. Врач посмотрел на меня и произнёс:

— У него не было шансов. Соболезную.

Я ничего не ответил, а доктор вышел из кабинета. Я смотрел на тело под покрывалом и не мог произнести ни слова.

— Мы сделали, что смогли, Ашвар, — сказал Лассон, — но это была безнадёжная затея.

Во мне словно всё застыло, когда я вошёл в этот кабинет. Я не мог оторвать глаз от Катана. Меня привёл в чувства вопрос Виктора, который я даже не разобрал.

— Что? — спросил я.

— Я спрашиваю, что сказали на «Январе»? — повторил Лассон.

— А... ничего. Попросили задержаться здесь ненадолго.

— Зачем?

— Понятия не имею. Менаги говорит, что там какие-то сложности. В общем, я ничего не понял.

— Они добрались до тюрьмы?

— Не знаю. Но он сказал, что там не всё гладко.

— Мы поэтому остаёмся здесь?

— Я не знаю. Просто пока остаёмся.

Лассон подошёл к столу, глядя на Катана. Потом он откинул край одеяла и стал что-то распутывать.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Что-то происходит, Ашвар, — ответил он, вытащив револьвер.

Он вернул одеяло на место, а оружие сунул себе под куртку. Мне не понравилось то, что он сделал, и я произнёс:

— Это наградное оружие Катана.

— Это — оружие, Ашвар, — ответил он. — И нам оно ещё может понадобиться. Я верну его, как только Менаги скажет, что бунт подавлен.

Мне казалось это неправильным, но что-то подсказывало, что сейчас нужно поступать именно так.

— Почему ты думаешь, что мы сейчас просто не вернёмся обратно? — спросил я.

Он ответил с некоторым недовольством:

— Менаги не сказал, что они разгромили ээков. Он не знал, что часть из них засела на «Источнике». Он сказал, что есть «какие-то сложности». Он оставил нас здесь. Почему? Думаю, потому что мы вооружены. Мы далеко и от тюрьмы, и от «Источника». Что-то идёт не так, Ашвар.

Он открыл дверь, пропуская меня вперёд, и добавил:

— Но так или иначе, сейчас у нас есть время, чтобы перевести дух. Стоит этим воспользоваться.

Воспользоваться этим нам не удалось. Я не успел положить кусок в рот, когда меня вновь пригласили в телефонную. В последний раз я ел часов восемь назад, и голод меня уже донимал. Но делать было нечего — звонок оказался срочным. Как оказалось, со мной снова хотел поговорить Менаги лично.

— Сколько у вас людей? — донёсся его голос сквозь хрипы аппаратуры.

— Семь человек, — ответил я.

— Все вооружены?

— Да, — от его вопроса меня пробрал какой-то холодок.

— Ашвар, — с расстановкой заговорил Менаги, — ты должен собрать свою группу и немедленно отправиться в порт.

— Зачем-?

Я даже не успел договорить, а он продолжил с напором.

— Я говорил, что у нас возникли сложности, но всё оказалось хуже, чем мы думали. Нескольким бандитам удалось отбиться от нашего отряда и угнать вездеход. Мы знаем, куда они направляются. Они хотят покинуть Антарту. Вы прибудете в порт и остановите их.

— Как? — спросил я. — Да и зачем? Если они хотят сбежать, зачем нам их останавливать?

— Ашвар, — в голосе Менаги появились суровые нотки, — эти люди перебили персонал тюрьмы. Они расстреляли рабочих на «Источнике». наших товарищей, которые вообще не были вооружены. Ты действительно предлагаешь отпустить этих подонков?

Вопрос был задан немного удивлённым тоном, от которого у меня внутри что-то сжалось. В телефонной зависла тишина, нарушаемая лишь шорохами динамиков. Я чувствовал себя так же, как когда-то в Лакчами. Всё это напоминало ситуацию из моего прошлого, которая казалась безнадежно далёкой всё это время, что я провёл в Антарте. Я вновь ощущал бессилие, злобу и стыд. словно мне дали второй шанс, только в этот раз я

точно знал, как нужно поступить.

— Мы будем там, господин Менаги. Вот только...

— Что? — спросил он всё с той же строгостью.

— Мы — всего лишь несколько рабочих. К нам придёт какая-то... помощь?

— Ашвар, у меня здесь тоже не гвардия Старейшин. Мы собрали в отряд таких же работяг, как и вы. Они не солдаты. Но главное — они все уехали на штурм тюрьмы. Мне некого больше послать. Да никто больше и не успеет — вы ближе всех к порту. Вам нужно подготовить засаду и расстрелять их. Тогда у них не будет ни шанса.

Правда была в том, что перспектива реального боя с бандитами меня пугала. Но я плохо всё это себе представлял в тот момент. Я хотел отомстить за Катана. Я думал, что смогу вернуть себе самоуважение, потерянное задолго до того, как я оказался в Антарте. Поэтому я ответил:

— Мы сделаем это, господин Менаги.

— Хорошо, сынок, — его голос внезапно изменился и стал теплее, хотя и оставался твёрдым, — я знал, что могу на тебя положиться. То, что сделали эти люди, не должно остаться безнаказанным.

Я поставил микрофон на стол. Внутри у меня всё кружилось, как в буре. Но я переживал такой прилив решимости, какого, кажется, не испытывал никогда. Я вышел из телефонной и направился в столовую, чтобы объявить своей группе, что мы не возвращаемся. Во всём этом я даже не обратил внимания, что нас было восемь, а не семь.

Глава VII. Сложности

Особое желание свести счёты с бандитами испытывал Вайша. Он всегда был мрачным и немногословным. Но теперь, казалось, Вайша дал обет молчания. Он не произнёс ни слова с момента смерти Катана. Как будто необходимость спасти Ошу была последним, что поддерживало в нём жизнь. Когда я объявил людям, что нам предстоит, он первым вышел из столовой. Всё время, пока мы собирались, Вайша провёл в вездеходе, сжимая в руках ружьё. Мы быстро загрузились и выехали с «Айсберга», оставив позади растревоженных норвальдцев.

До того я бывал в порту только один раз — когда прибыл в Антарту. Тогда это было второе самое суетливое место на материке. Суда приходили и уходили каждый день, а вездеходы между портом и «Январём», казалось, сновали круглосуточно. С того момента, как добыча упала, здесь должно было стать потише, но я совсем не ожидал увидеть это место абсолютно безжизненным.

Порт был мини-городком, бóльшим чем любая станция, но всё же уступавшим размерами «Январю». И постройки здесь, в основном, были из дерева. Порт строился первым и на скорую руку. Шолла так и не реконструировал его. Поселение находилось в небольшой бухте среди расположившихся вокруг скал. Над городком возвышался маяк, ставший своеобразной достопримечательностью — с архитектурными памятниками в Антарте дела обстояли плохо. Но он был первым строением, которое замечали все прибывавшие на материк.

Когда мы начали спускаться по склону, и из тумана, окутавшего берег, появилась башня маяка, на меня нахлынули ностальгические чувства. Не сказать, чтобы они были приятными. Тогда я был доволен, что наконец-то вырвался из Лакчами, из этого круговорота лицемерия и надменности. Но в те дни меня ещё терзали воспоминания о ситуации, из-за которой я покинул родной дом. Я чувствовал себя опозоренным. Подъезжая к порту сегодня, я удивился тому, что мне потребовалось всего около года жизни здесь, чтобы почти позабыть всё, что произошло в Лакчами. Впрочем, в свете последних событий, я всё чаще возвращался к этим воспоминаниям.

В порту нас никто не встретил. Поселение было пусто, а на причале стояло лишь одно небольшое судно. Но вся таинственность этой ситуации быстро улетучилась, как только мы добрались до телефона. Маги поколдовал с коммутатором и смог установить связь. Менаги сообщил, что отдал распоряжение всему персоналу порта эвакуироваться. Они погрузились на два других корабля, принадлежавших Антарте, и вышли в океан, ожидая радиопередачи о том, что угроза миновала. Стоило полностью лишить бандитов транспорта, но после революции у нас осталась полноценная команда вообще только для одного судна. По прикидкам Менаги, эков стоило ожидать в течение двух-трёх часов. Он сказал, что мы должны укрыться в зданиях рядом с въездом и атаковать бандитов, как только они заедут в порт.

«Январь» передал, что бандиты убили всех работников «Источника». Вайша и до этого, похоже, догадывался, что Чиута мёртв. Но, услышав новость от Менаги, он закрыл глаза и, кажется, на минуту просто прекратил дышать.

— Мне жаль... — сказал я, закончив разговор с «Январём» и не зная, как проверить, жив ли Вайша вообще.

Он ничего не ответил, лишь полоснул меня взглядом так, будто это я был виновен в нападении на «Источник». Вайша поднялся, проверил, заряжено ли ружьё, которое он всё это время не выпускал из рук, и впервые за последние часы хоть что-то произнёс:

— Я хочу, чтобы они сдохли. Что для этого нужно делать?

В этот момент я был вынужден признать, что понятия не имею, как устроить засаду. Впрочем, на помощь вновь пришёл Виктор Лассон.

— У кого-нибудь есть опыт в подобных делах? — спросил он.

Как выяснилось, отобранные Катаном люди проходили военную подготовку, но никто из них не участвовал в реальных боях.

— Я могу помочь, — сказал мне Лассон.

— Вы? — удивился я.

Честно говоря, на подходе к порту, я несколько подрастерял свой боевой настрой. Как раз из-за того, что понял свою полную некомпетентность в военном вопросе. Поэтому я был рад возможности поручить командование кому-нибудь другому.

— Мне приходилось участвовать в подавлении мятежей в колониях Норвальда, — отметил Лассон.

— Тогда будет лучше, — сказал я, — если вы возглавите всю эту... — я неуверенно покрутил руками в воздухе.

— Операцию?

— Да, операцию, — ответил я уже в полной растерянности.

— Никто не против? — спросил он, обращаясь к остальным рабочим. Они лишь отрицательно помотали головами, хотя и не все, кажется, были в восторге от того, что ими будет командовать норвальдец. Мы были в одной лодке, но он всё же оставался чужаком.

— Хорошо, — сказал Лассон, — тогда я хочу взглянуть на то, что мы имеем.

Он вышел из здания, и мы гурьбой последовали за ним. Виктор направился к вездеходу и открыл кузов. Внутри стоял сумрак, но даже в нём были видны загустевшие лужи крови на полу. Впрочем, Лассон не обращал на это никакого внимания. Он забрался в кузов, чтобы вытащить снаряжение. Сгрузив нам ружья, он обнаружил пулемёт под одной из скамеек.

— Вот это да! — воскликнул Лассон, — Тот придурок, что тащил его на «Зарю», наверно, считал себя невероятно крутым парнем!

Мы перенесли всё оружие в главное здание порта и разложили на полу вестибюля.

— Итак, — сказал Лассон, — у нас по винтовке на каждого и примерно по двадцать пять патронов. Пара дисков к пулемёту. Надо сказать, мы неплохо укомплектованы. Идём!

Он снова вышел наружу, а мы неотступно следовали за ним, не произнося ни слова. Лассон направился на маяк и начал быстро забираться вверх, а мы еле поспевали. Вытащив нас на верхнюю площадку, он начал описывать нам картину, тыкая пальцем в разные стороны:

— Довольно удобно, всего две дороги, — он указал на склон, по которому мы спускались, — обе с одной стороны. Они сливаются и ведут к въезду с юго-востока. Вряд ли эки прибдут откуда-то ещё, но мне нужен один человек здесь, на маяке, на всякие случаи. Вдруг они захотят нас удивить. Кто-нибудь умеет пользоваться пулемётом?

Он говорил быстро и уверенно, что несколько успокаивало. Хотя его тон был неожиданным. Чувствовалось, что этот человек знает, что делает. Я привык к довольно медленному темпу Катана, а из Лассона слова сыпались просто ливнем. На его вопрос никто не ответил.

— Хорошо, — продолжил он, — тогда я буду здесь. Кое-что в плане господина Менаги придётся изменить.

Я вопросительно посмотрел на Лассона, а он продолжил:

— Если мы окружим их в порту, то можем попасть друг в друга в перестрелке. И дадим им шанс выскочить и укрыться в зданиях. Нужно встретить их на подъезде. Подпустим поближе, чтоб были как на ладони. Видите? — он указал на дорогу. — Перед въездом — сплошная равнина. Подпустим метров на пятьдесят и изрешетим. Идём!

Он начал спускаться обратно. Двигался он так же быстро, как и говорил. Из-за этого мы чуть всей гурьбой не покатались по лестнице, пока старались не отставать. Лассон пробежал через здание, примыкавшее к въезду с западной стороны, а потом вышел из него и завёл нас в строение напротив. Обе постройки оказались складскими. Ближе к выезду в них находились просторные комнаты с конторскими ящиками. Сами склады были забиты бочками с топливом.

— Окна выходят на обе стороны, — сказал Лассон, наконец остановившись. — Здесь расположимся. По двое у каждого окна. Идём!

Он снова вышел и вернул нас в вестибюль администрации, пол которого всё ещё был усеян оружием и патронами.

— Ты, — обратился Виктор к Ижу, — раздавай остальным оружие. По винтовке на человека. Проверь, заряжены ли. Если пусто — давай пять магазинов. К тем, где есть патроны, давай четыре.

Он снова заговорил со всеми:

— Мекат будет со мной. Занимаете свои позиции и не высовываетесь. Когда они объявятся, я отправлю Меката к вам, чтобы он сказал, с какой стороны идут. Если они приедут с запада — в быстром темпе перебегайте в противоположное здание. Если выйдут с юга — делитесь поровну, половина идёт туда. С того момента будьте наготове. По моему сигналу разобьёте стёкла прикладами и откроете огонь по вездеходу.

— По какому сигналу? — спросил Галаш.

— Я начну стрелять, — ответил Лассон.

Больше вопросов ни у кого не возникло.

— Отлично, разбирайте оружие, — приказал Виктор.

Пока люди брали винтовки, я потянул Лассона за рукав и тихо сказал:

— Я не умею этим пользоваться!

— Что? — спросил он. — Разве Оша взял тебя с собой не потому, что ты умеешь обращаться с оружием?

— Да, — ответил я, смутившись, — я ходил на охоту с отцом в Лакчами, но там были совсем другие ружья. Те были двуствольными и открывались сзади. А эти выглядят иначе.

— Хорошо, — сказал Лассон и поднял с пола винтовку. — Во-первых, правильной не называть это ружьём. Это пятизарядная винтовка Илайши, сделана в Лакчами. Вот это, — он показал мне похожую на дверную задвижку рукоять около приклада, — ручка затвора. После каждого выстрела тебе нужно перезаряжать, — Виктор сделал невероятно быстрое движение, крутанув ручку туда-сюда. При этом из под его руки вверх вылетел патрон, который Лассон тут же поймал. Я ничего не понял.

— Можно немного медленнее, — попросил я.

— Ладно, — ответил он и медленно повернул ручку против часовой стрелки, а потом начал отодвигать на себя, — смотри.

Я увидел, как ручка открывает пространство внутри, где была видна тускло-жёлтая пуля.

— После каждого выстрела у тебя будет оставаться пустая гильза, — объяснял Лассон, — чтобы сделать следующий, тебе нужно избавиться от неё и переместить в ствол новый патрон.

Он отодвинул ручку до конца, и пуля выскочила из затвора. Пониже была видна ещё одна, немного утопленная в корпусе. Виктор медленно повёл ручку обратно. Замок, которым она управляла, зацепил следующий патрон и задвинул его в ствол.

— Готов к следующему выстрелу, — объяснил мне Лассон, — схема простая: пальнул, двинул против часовой, потянул на себя, поставил на место.

Виктор сделал это ещё три раза, чтобы очистить магазин, и показал, как заряжать пустую винтовку. Он делал всё очень медленно, а потом заставил меня снова опустошить оружие и зарядить самостоятельно. Всё это выглядело несложно.

— Это несложно, пока в тебя не стреляют, — сказал он. — Но ты не беспокойся. Просто не высовывайся, пока перезаряжаешь, и предупреждай остальных перед этим: нужно, чтобы огонь был непрерывным.

Он рассказывал мне всё это спокойным тоном, будто мы говорили о спортивной игре, а не о предстоящем сражении. Я проговаривал последовательность действий про себя, чтобы надёжно запомнить её. Но на самом деле — чтобы отвлечься от дрожи, которая всё больше меня охватывала, пока я наблюдал, как рабочие забирают оружие и один за другим выходят наружу.

Сам Лассон зарядил свою винтовку молниеносно. Казалось, его движения были отточены до предела. После он закинул оружие на плечо, сунул дополнительные магазины в карман и поднял с пола пулемёт. Виктор попросил меня захватить увесистые диски, которые я заметил во время возвращения из Туннеля. Оказалось, что в них были патроны для пулемёта. Забрав последние вещи, мы вышли из главного здания.

Около пяти утра мы были в порту. Подготовка заняла не больше получаса. Теперь же мы сидели на полу в том здании, которое нам назначил Лассон. Первое время меня ещё потряхивало. Остальные тоже были взволнованы сначала, но довольно быстро успокоились. Лишь спустя два часа напряжение вновь повисло в кабинете. Но когда прошло ещё три, а никто так и не объявился, я поймал себя на том, что больше не волнуюсь. Да и остальные ребята немного расслабились. Только Вайша сидел всё это время на табурете у окна, не отрывая взгляда от дороги и не выпуская из рук винтовки. Мы решили его не трогать.

— Жрать охота, — сказал Галаш.

— Так ты глянь в администрации, — ответил на это Ижу. — Поди что у них тут чё-нибудь заваялось.

Страдая от безделья, он строгал новую игрушку. Даже в это путешествие он умудрился захватить деревяшку и нож.

— А если они подвалят, пока я буду шараться? — спросил Галаш.

— А ты булками шевели побыстрее и успеешь.

— Может, тогда сам и сбегашь?

— А чё бы и нет? — сказал Ижу, откладывая нож и пряча деревяшку в карман. — Хоть не подохну с голоду, пока тебя дождусь.

Он поднялся и спросил:

— Кому-нибудь ещё принести?

Все, кроме Вайши, подняли руки. Ижу нацепил шапку и вышел.

— Может, стоит связаться с «Январём»? — спросил Маги.

— Ну ты хоть погоди, пока Ижу вернётся, — ответил Нанг, который, как и Вайша, сидел у окна, не спуская глаз с вершины склона, — а то разбежимся все, а эти ублюдки как раз заявятся.

В кабинете снова повисла тишина. Минут через пятнадцать я услышал, как заскрипели половицы на складе, и волнение снова окатило меня, будто никуда и не уходило. Все устали на дверь. Но из-за неё вместо Меката вошёл Ижу с довольным выражением. В руках он держал охалку консервов. Раздав нам по одной, он поставил банку рядом с Вайшей. Тот не обратил внимания.

— А хрена ли они холодные? — спросил Галаш.

— Сам же говорил, что надолго отходить нельзя! — оскорблённо заметил Ижу. — Ничё, поди не подавишься.

Я открыл банку. Это были бобы. Не лучший выбор, но я в последний раз успел только перехватить маленький кусок на «Айсберге», так что жаловаться не приходилось. Они и правда были холодными, но я быстро уплёл всю банку целиком. Когда остальные тоже закончили с нашим скромным завтраком, Маги снова завёл речь о «Январе». Никто не оставался дежурить на телефоне, поэтому нам действительно стоило узнать, нет ли каких новостей. Все примерные сроки уже прошли. Говорить должен был я, но только Маги хоть как-то разбирался в этих аппаратах, поэтому мы вместе пошли в администрацию.

Снаружи было пасмурно, но туман немного отступил. Нас окружали безжизненные чёрные постройки. Под ногами хрустел снег, который казался грязным в таком освещении, а над головой ползли серые облака. От всего этого веяло чем-то недобрым. Удаляясь от склада, я мог думать только о том, что сейчас раздастся стрельба. Ожидать столкновения оказалось проще, чем бояться, что я даже не буду видеть, что происходит.

Но ничего не произошло. Мы добрались до телефонной, Маги настроил связь с «Январём» и быстро вернулся на склад. Диспетчер снова позвал Менаги, который сказал, что понятия не имеет, где бандиты. Он лишь распорядился оставаться в порту.

— Они вряд ли здесь хорошо ориентируются, Ашвар, — сказал Менаги. — Их же только за решёткой здесь и возили.

— Что если они наткнутся на какую-нибудь станцию? — спросил я.

— Я не думаю, Ашвар. Они хотят сбежать, а не спрятаться. Да и откуда им знать, что на станции их не встретят стрельбой?

— Может, стоит послать кого-то в погоню, господин Менаги?

— Наши люди их уже разыскивают, Ашвар. Оставайтесь в порту. Держите связь каждые два часа. Всё будет в порядке.

Новость о преследовании порадовала меня. Возможно, нам вообще удастся избежать столкновения. Может быть, они заблудятся, израсходуют топливо и замёрзнут в каком-нибудь ущелье. Эта мысль была жуткой. Живя здесь, все мы иногда задумывались о том, как легко потеряться в Антарте. И какой смертью это грозит. Разумеется, это был не самый мучительный конец. Но меня всегда пробирало до мурашек, когда я представлял себя заблудившимся.

Пропать среди этой пустоты. Выбиться из сил, перестать чувствовать своё тело и наблюдать засыпающим сознанием, как эти заснеженные скалы высасывают из тебя тепло. Высасывают саму твою жизнь.

Я встряхнул головой, выбрасывая из головы эту картину. Это было омерзительно. И вместе с тем, всем нам было бы лучше, постигни такая участь бандитов.

Вернувшись на склад, я обнаружил, что Маги раздобыл где-то доминошки и уже раскладывал цветные плиточки на полу. Ижу сидел рядом с ним. Нанг и Вайша оставались на своих местах, а Галаш привалился к стене и тоже игнорировал игру.

— Ашвар, — позвал Ижу, — давай с нами!

Я подумал, что это не очень уместно. Не столько из-за предстоящего сражения, сколько из-за Катана. Он умер меньше суток назад, и раскладывать игру было как-то неловко сейчас. С другой стороны, это был способ выбраться из онемения, в котором мы все оказались. Ижу и Маги, похоже, были того же мнения, поэтому я подсел к ребятам и поглядел на остальных. Вайша всё-таки поел и теперь продолжал сверлить глазами дорогу. Нанг тоже не собирался присоединяться. Я позвал Галаша, но он лишь ответил:

— Я с этим завязал.

— Завязал? — спросил я.

— Не играю больше. Доигрался уже. Мне она чуть шкуры не стоила в Лакчами.

Эти доминошки сами по себе были вполне легальны, но я слышал, что кое-где в них играли на крупные суммы. Некоторые люди теряли всякий разум, увлекаясь игрой и влезая в невыносимые долги. Существовали закрытые подпольные клубы, где можно было заработать целое состояние. А в случае проигрыша оказаться в долгах у людей, не знающих пощады.

Мои мысли резонировали с общим настроением, которое произвёл на меня порт сегодня. Когда я был назначен на «Зарю», меня быстро увлекли ежедневные обязанности. Когда я выехал из порта в первый раз, Антарта словно смыла все воспоминания о моей родине. Но теперь это место снова и снова возвращало мои мысли к тёмным сторонам Лакчами. Порт был пропитан призраками. Будто здесь оставалось прошлое всех людей, кто искал спасения в этом суровом краю. В том числе и моё.

Я постарался выбросить эти мысли из головы и увлечься игрой. Мы делали маленькие ставки, но Ижу хватило проиграть три раза подряд, чтобы он отказался продолжать.

— Ну на этом не заработаю! — беззаботно сказал он и отодвинулся. — Когда экспедиции попрут, тогда все разбогатеет!

Маги собрал сорванный им банк и укладывал доминошки обратно в коробку, а Ижу продолжал:

— Вот мой батя всю жизнь в земле ковырялся. А мне это всё тоской смертной было. Он мне всё время говорил, мол, дурак, ты, Ижу! Сади-расти-копай, горя не знай! А мне всё время чё-то хотелось. Жизнь посмотреть. Да и видел я, как батя мой живёт, как дед жил. Полжизни в одних штанах проходили! Ну я оттуда и свалил, а батя-то вдогонку говорил, мол, приползёшь ещё, когда жизнь научит, раз уж у отца родного учиться не хочешь!

Я чувствовал себя уставшим, поэтому привалился к стене, подложив шапку под голову, а Ижу рассказывал:

— Ну он, конечно, что-то правильно говорил: бывало где-то, что и надавали мне и чуть ли не побираться приходилось. Да только вот попал же я сюда, да? А тут всё совсем другое! И при Лакчами-то денег столько платили, сколько батя в жизни не видел! А сейчас-то как пойдёт, ребята! Эх! Вот тогда я куплю себе расшитый балахон, как у ваших, — Ижу кивнул в мою сторону, — и автомобиль себе куплю. И как приеду к батю, у него челюсть до земли отвалится. Прямо на картошку его, ага. Посмотрим тогда, какое там будет «приползёшь»!..

Я начал дремать. История Ижу превратилась в неразборчивое бормотание, которое в

моём воображение вызывало фантастические картины. Кажется, он вовлёл в свои мечтания и других, потому что лица сменяли друг друга перед глазами. Ижу разъезжал прямо по Антарте на нелепо большом ярко-красном автомобиле, утопая в дорогах синих накидках лакчамской аристократии. Следом за ним откуда-то выехал Маги на совсем уж гигантском механизме, состоящем из кучи переплетающихся труб и шестерёнок, дымящем, как завод. Галаш сидел на станции, на глазах превращавшейся в белоснежный город. Крыши высотных зданий терялись в пасмурном небе Антарты, но стены сверкали, будто были из стекла, по которому бьёт яркое солнце. В одном из таких домов жил Нанг в роскошной просторной квартире. Его дети бегали по неисчислимым комнатам, пока не попали в объятия к матери — Киме. Взвзвизывая из ниоткуда Нанг тут же подхватил свою жену и закружил по огромному залу.

Как только он поставил её на пол и обнял, небо за окном почернело. Откуда-то снизу поднялась снежная буря и ворвалась прямо в дом. Нанг и Кима не обращали на неё никакого внимания, пока она не сорвала их обоих с места и не скрыла в своих волнах. Снег ударил мне в лицо, и я проснулся от того, что Мекат тряс меня за плечо.

Сначала я испугался, подумав, что проспал нападение, но, как оказалось, мне лишь нужно было сменить Меката на маяке. Часы показывали полдень. Я проспал около часа и снова ничуть не выспался. Ребята уже прекратили разговоры и занимались своими делами. Нанг и Вайша были всё там же, Галаш дремал, Маги что-то напевал себе под нос, а Ижу снова строгал игрушку.

Я протёр глаза, поднялся, захватил свою винтовку и вышел со склада. Туман совсем растворился. Вместо него начался лёгкий снегопад. Забравшись на маяк, я обнаружил, что Лассон недвижно сидит возле выключенной лампы и смотрит на восток. Я присел спиной к спине к Виктору. Он попросил меня не спускать глаз с запада. Сам Лассон всё это время просидел здесь. Меня удивляло, что он не замёрз. Впрочем, насколько я знал, норвальдцы жили в суровом климате. Наверно, ему было не привыкать.

Я смотрел в окно, уже не ожидая, что из серой завесы проступит силуэт вездехода. Там не было ничего, кроме снега и береговой линии. Почти чёрные волны океана медленно набегали на ещё более тёмный берег. В памяти то и дело возникали картины моего прибытия, когда стояла такая же погода.

— Ты спал? — спросил Виктор. Его голос эхом отдавался в башне маяка.

— Немного вздремнул внизу, — признался я.

— Слушай, нам нельзя упустить момент, если они всё-таки явятся. Поэтому сейчас ты должен быть бодрым.

— Я вполне бодр, — сказал я и непроизвольно зевнул.

Лассон рассмеялся и сказал:

— Я слышу! Давай поговорим о чём-нибудь, чтобы не отключиться.

— Хорошо. А о чём?

— Ну, расскажи, например, как ты оказался здесь, Ашвар, — предложил Виктор.

— Так же, как и все, — ответил я.

— Ну это вряд ли! — с усмешкой заметил Лассон.

— Что вы хотите сказать?

— Ты молод и образован, — заметил он, — даже по твоему говору понятно, что ты не из простой семьи, хоть и пытаешься не выделяться среди остальных. Скажем прямо: получается у тебя плохо! Золотые часы на цепочке, статуэтка в твоей комнате. Да, даже твоя

фамилия, парень! Хотя я и не из Лакчами, но всё равно понимаю, что ты из аристократов.

Слово «аристократы» из его уст звучало почти как насмешка. Работая среди простых людей, я постоянно натыкался на этот тон. Мне он никогда не казался оскорбительным, потому что я считал такое отношение к лакчамскому дворянству заслуженным. Да я и не причислял себя больше к членам благородных семей.

— Здесь много людей из дворян, — уклончиво ответил я.

— Но не твоего возраста, Ашвар, — продолжал подкапываться Виктор, — должностные лица — и то не все — да. Люди от тридцати и старше. Те, кому эта работа когда-то казалась золотой жилой. Кто-то слишком многое вложил, чтобы оказаться здесь. Но тебе вряд ли было что терять в Антарте, когда началась революция и всё такое.

Со мной иногда говорили здесь в снисходительном тоне, потому что в Антарте твоё происхождение не производило на людей никакого впечатления. Голос Лассона был немного другим, хоть подобные слова я уже слышал. Кажется, ему было действительно любопытно, но последнее замечание задело меня за живое.

— Откуда вам знать? — спросил я.

— Ну кое-что нетрудно заметить, — ответил Лассон, — если бы ты был очередным изнеженным ребёнком, который захотел приключений, ты бы смотал удочки, как только правительство Лакчами бросило проект...

— Бросило?! — что-то в этом слове удивило меня и вызвало неприязнь.

— Хорошо. Как только мы избавились от Лакчами. Ты остался. Вряд ли у тебя здесь завязался роман с чьей-нибудь женой. Деньги, учитывая твою фамилию, тоже не могли стать проблемой. Даже если бы тебя сюда отправил собственный отец, чтобы ты увидел «реальную жизнь», вся заваруха с независимостью — достаточно уважительная причина, чтобы вернуться. Я бы сделал ставку на то, что это было твоё решение и что ты, скорее всего, не в лучших отношениях со своей семьёй.

Он был грубоват, но пронизателен. Никого здесь особо не интересовала моя история, и порой мне было одиноко. С момента нашего путешествия через бурю, Лассон вызывал у меня всё больше уважения, но я не был уверен, что готов откровенничать с ним.

— Возможно, — сказал я, — но тогда, может быть, вы мне сначала расскажете, как оказались здесь?

— Справедливо, — заметил он. — У меня ничего никогда не было. Норвальд взрастил меня, записал в армию и отправил участвовать в том бардаке, который начался в колониях после Патейской войны, как вы её называете. Когда мне надоело прибирать чужой мусор, я уволился и постарался оказаться как можно дальше от своей заботливой родины. А в Антарте неплохо платили. Мне повезло ухватить какое-никакое образование, поэтому я могу разговаривать с тобой на одном языке, если ты понимаешь, о чём я.

Вообще-то, я не понимал. Это было несколько двусмысленно, но я не стал уточнять.

— И вы не жалеете о том, что сейчас сидите здесь и готовитесь к бою? — спросил вместо этого я.

— Ничуть, — ответил он. — Это мне знакомо. А альтернатива в виде возвращения, скорее всего, сулит бедность и неусыпный контроль со стороны моей родины. Вряд ли Норвальд сильно рад тем, кто не вернулся, как только началась вся эта каша. Граждане, не взывавшие к помощи Норвальда, а молча строившие собственное общество, не очень похожи на ярых патриотов.

— Вы не любите свою страну?

— Я бы сказал, что мне нет до неё дела. Они дали мне образование и накормили, когда я голодал. Но после этого затащили на бойню в незнакомые мне края. Мы не особенно понимали, за что там воюем. А вот местные понимали. Они не хотели, чтобы кучка бледнолицых выжала их страну досуха. Я думаю, что после всего этого мы с Норвальдом в расчёте, вот и всё. Я расплатился за то, что мне дали.

Я смотрел в окно на падающий снег. Похоже, везде происходит одно и то же. Когда-то Норвальд представлялся мне государством, в котором всё наоборот. Местом, где царит справедливость, где народ сбросил со своей шеи нахлебников, короля и дворян. Но с тех пор я собирал только больше не таких уж светлых историй. Впрочем, Норвальд всё ещё выглядел гораздо более прогрессивной страной, чем Лакчами.

— Мы чем-то с вами похожи, — сказал я.

— Да? — спросил Лассон. Трудно было понять его интонацию. Он сидел за моей спиной, а эхо немного изменяло его голос.

— Не происхождением, конечно. Скорее отношением к... дому.

— Что ты имеешь в виду?

— Перед тем как вы попали на войну в колониях, вы верили в то, за что Норвальд сражается там?

После небольшой паузы Лассон ответил:

— Я не помню, чтобы сильно задумывался об этом всём. Но, пожалуй, да. Я верил в свою страну, в то, чему меня учили в детстве.

— Вот и у меня та же история, — сказал я. — Верил в то, чему учили. Скорее даже я верил в своего отца и то, чему он меня учил. Я вырос в благородной семье. Мой отец — довольно известная личность. Многие считают его одним из лучших людей Лакчами. Я тоже так думал в детстве... Кто думает иначе? Но всё же у меня всё было немного по-другому...

— В чём?

— Я постоянно видел это восхищение со стороны других людей. Где бы я ни оказался, люди начинали относиться ко мне по-особенному, как только узнавали, кто мой отец. «Человек чести», «хранитель традиций» — так его называют.

Что-то во мне дрогнуло от этих воспоминаний, но я продолжил:

— Он особенный для всех. Безупречные манеры, изысканная речь, превосходный вкус. Кладезь мудрости для богачей. Он пытался воспитать меня как ещё одного рафинированного дворянина, который плетёт очередные пустые речи...

Я перевёл дух и продолжил:

— Я всегда жил в этой атмосфере, где форма довлеет над содержанием. Такие, как мы, были примером для остальных. Примером благородства и чести. Но потом, практически случайно, я понял, чего всё это стоит. Вы знаете, когда я заканчивал школу — разумеется элитную, в которой учились такие же выходцы из благородных семей, — когда я заканчивал школу, вышло так, что я вплотную увидел, как живут люди в бедном квартале.

— Разве тебя не должны были держать подальше от подобных мест? — спросил Лассон.

— Так и было. Я же говорил, что моя семья была особенной даже по меркам лакчамского дворянства. А вот мои сверстники были другими. Они могли быть напыщенными, когда на них смотрели старшие, но в их душах было столько же изящества, сколько в сыне шахтёра. Обычные такие сорванцы. Так вот, они хотели сделать выпуск по-настоящему запоминающимся. Не сводить всё к той великосветской нудятине, которую устраивала школа.

Лассон усмехнулся, и я тоже, а перед моими глазами всплыли старые товарищи.

— Понимаете, меня держали всё время взаперти. Чтобы я не поддавался «тлетворному влиянию» внешнего мира. Все, кто меня окружал, были сплошь образцами высокой морали. Ну я так думал тогда. А вот эти ребята из школы знали о мире гораздо больше, чем я. И они знали про ашартру...

— Это ещё что? — поинтересовался Лассон.

— Это наркотик, галлюциноген. Собственно, ребята хотели его достать, чтобы устроить свой праздник на выпускной.

— Кажется, я тоже немножечко аристократ, раз не слышал о нём, — пошутил Лассон.

— Его добывают из цветка аша, который можно найти только в Лакчами. Наркотики — запретная тема в благородных кругах. Считается, что их используют только безвольные и опустившиеся люди. Которые нам не ровня. Если бы это было так!

Я злобно усмехнулся и продолжил:

— Ребята в школе вообще любили надо мной подшутить. Не сильно. Но их забавляло, что я — такой пай-мальчик, который вообще мало что знает о реальном мире. Меня это всегда немного раздражало. И вот перед выпускным они меня, как говорят, «взяли на слабо». Мы все были немного взвинчены перед выпуском. Завтра мы получим билет во взрослую жизнь... В общем, всё это, похоже, подействовало на меня, и я поддался их уговорам.

Лассон молча слушал, а я продолжал:

— Я пошёл с ними. Но из-за её статуса, достать ашартру можно было только в одном из бедных районов города. Я тогда впервые побывал где-то за пределами центра или богатых поместий. И там я увидел, в какой грязи и нищете живёт народ Лакчами. А самое мерзкое — туда вполне себе наведывались «образцы высокой морали». Под покровом ночи они искали всё те же наркотики или проституток. Разумеется, они прятались под плащами с капюшонами, но достаточно одного взгляда на крой, чтобы понять, что это не одежда работяги. Да и видел я все эти плащи на своих многочисленных дядюшках и тётушках в пасмурную погоду. Мы сами шли в таких же.

Меня охватили волнение и злость, когда я вспомнил о той ночи.

— Всё это было таким лицемерием. Я глядел на своих товарищей и понимал, что такими же были их родители. Как только эти ребята подрастут, именно они будут прятаться под капюшонами по ночам, а днём — разглагольствовать об этикете. Все эти люди прекрасно знали, как живут те, кто обеспечивает их процветание.

— Разве это было безопасно? — спросил Виктор. — Шарахаться среди ночи по злачным местам, не скрывая своего богатства?

— О, там было ничуть не опаснее, чем в центре, набитом полицией! Потом уже я интересовался тем, что происходит на окраинах, и узнал, что были «инциденты» с членами благородных семей. Вот только после таких инцидентов в бедных районах начинались рейды. Полиция хватала всех, кто под руку попадался. Расследования проводили тщательно. Скорее всего, не всегда удавалось поймать реальных преступников, но обвиняемые были, и их было много. Так что, я думаю, если кто-то нападал на очередного человека в капюшоне, преступника тут же распинали его же соседи.

Скудный пейзаж за окном только ярче оттенял воспоминания, пронесившиеся в моём сознании.

— Я тогда лишь замечал всё это и удивлялся, даже не размышляя над тем, что происходит. Да и некогда было размышлять — ребята шли очень быстро, нужно было

поспевать следом. Да и я весь трясся. Тогда я впервые делал что-то непозволительное для человека моего происхождения. Мне казалось, что нас вот-вот поймают. Но моё сознание, оно было как губка — впитывало каждый образ, попадавшийся на пути. Нечистоты, пьяницы, невероятной бедности трущобы. Там даже тротуары не везде были, иногда приходилось идти просто по грязи. Мне словно открылся новый мир, который целиком состоял из чего-то мерзкого, жалкого, за гранью нищеты.

Я сделал паузу, почувствовав, как в моей памяти всплывает ещё одна картина. Она запомнилась мне очень расплывчатой. Но ужас, который наполнял её, до сих пор сковывал меня.

— И вот, когда мы пришли на место, — с трудом продолжал я, — у меня уже голова шла кругом. Не только от того, что всё моё мировосприятие переворачивалось. Чем дальше вглубь, тем крепче был смрад, который стоял над этим районом. Мы остановились. Один из ребят зашёл в какую-то хибару, где он должен был купить ашартру, а остальные остались снаружи. У меня всё плыло перед глазами. Я привалился к столбу и пытался сдерживать тошноту. И тогда я заметил ребёнка, сидевшего в темноте. Это было так странно. Я пытался сосредоточиться на чём угодно, лишь бы отвлечься от того, насколько мне плохо. Поэтому я приковал всё своё внимание к этому ребёнку. Луна еле освещала его. Я думал о том, почему в настолько поздний час он сидит на улице в темноте. И ещё у него блестело лицо. И мне было любопытно, почему оно блестит. Я подошёл ближе, хотя разглядеть ничего толком невозможно было. Я наклонился почти вплотную, но он не обращал на меня никакого внимания. И тогда я увидел, что там блестело. Это были мухи. Они ползали по его лицу, по глазам и губам. Я понял, что он мёртв.

Лассон не издавал ни звука. Сделав глубокий вдох, я продолжил:

— Тогда мне совсем сплехело, и я даже не помню, как ребята дотащили меня обратно... Позже я столько раз возвращался к этой ночи. У меня с глаз тогда словно пелена спала... Вот на чём стояли благородные семьи... на чём стояла моя семья. На таких вот районах, где нечистоты льются прямо по улицам, а дети умирают на обочинах. И никому до этого нет дела.

Я даже сам не заметил, как выложил всю историю, хотя несколько минут назад не собирался ничего рассказывать этому человеку. Лассон, между тем, спросил:

— Так ты хотел сбежать оттуда?

— Да, — ответил я, — но это было гораздо позже. Сначала я хотел что-то поменять. Собственно, тогда я заинтересовался Норвальдом, который пережил революцию и упразднил все сословия. Это то, что нужно было повторить в Лакчами. Убрать Совет Старейшин, убрать благородные семьи, ввести прямую демократию. В университете я столкнулся с ребятами, которые придерживались того же мнения.

— Они тоже были из высшего общества?

— Да, в Лакчами довольно трудно получить хорошее образование кому-то ещё. У них был подпольный кружок, в который я вступил. Мы распространяли листовки, дискредитирующие сложившуюся систему. Некоторые бумаги максимально просто описывали, на чём стоит вся эта нескончаемая эксплуатация, как Старейшины используют традиции, чтобы манипулировать народом. Городские жители в большинстве своём умеют читать, поэтому идея казалась хорошей. Но из всего этого ничего не вышло... Я понял, что мы ничего не добьёмся, и перевёлся в академию, которую открыли, чтобы готовить специалистов в Антарту. Мне хотелось убраться подальше от Лакчами и найти место, где я

смогу приносить пользу другим.

Я замолчал. Лассон тоже не произносил ни звука, будто ждал продолжения. Я споткнулся, рассказывая об этом тайном обществе. Сейчас мне не хотелось делиться этой историей. К моему удивлению, она всё ещё была слишком обжигающей.

— А ты, действительно, не так прост, Ашвар Шел-Тулия! — сказал Лассон. — Но я так понимаю, Антарта тоже преподнесла тебе пару сюрпризов?

— Да уж, это...

Но договорить я не успел, потому что Виктор меня прервал:

— Хватай винтовку! — его голос внезапно наполнился сталью. — Идут с востока. Беги вниз, скажи, чтобы ждали моего сигнала! Не высовывайтесь!

Я подскочил и развернулся. На вершине склона вырисовывался вездеход. Лассон уже держал в руках пулемёт и распахнул дверь на внешнюю площадку. Он остановился в проходе и крикнул:

— Быстро!

Я бросился вниз, стараясь не упасть на ступенях, но мне всё равно казалось, что я скольжу по ним, а не ступаю. На выходе меня занесло, и я повалился в снег, но тут же поднялся и побежал к зданию, где сидели остальные. Ворвавшись внутрь, я крикнул:

— Идут с востока! Ждите сигнала!

Рабочие обступили окна, как показывал Лассон. Я тоже занял место около одного. Моя куртка вся была в снегу, мне хотелось отряхнуться, но я замер на месте. Сердце колотилось в груди. Я смотрел на винтовку в своих руках и не шевелился. Это было похоже на тот момент около Туннеля: время еле ползло, а я не мог выглянуть, чтобы узнать, насколько близко подобрался вездеход. Впрочем, в этот раз наших врагов можно было заметить по еле различимому тарахтению машины. Я пытался успокоиться, но у меня не получалось. Всё происходящее было настолько непривычно мне, что я мог лишь понимать, что сейчас что-то произойдёт. Что-то, чего я не хочу и о чём не имею ни малейшего понятия. Было лишь желание остановить время, удержать весь мир. Лишь бы только сейчас не произошло то единственное, что должно было. Недавняя жажда мести вылетела, пока я бежал сюда. Снаружи шум медленно приближался, а внутри всё, наоборот, будто остановилось. Казалось, что все застыли так же, как и я. Чтобы взять себя в руки, я начал отсчитывать секунды, но ментально сбился из-за нараставшего волнения и испугавшей меня мысли: «Что если это не они?!» Она выбила всё остальное из моей головы. Тут я заметил Вайшу у соседнего окна. На его лице была яростная гримаса. Он перебирал пальцами по винтовке, словно не мог дождаться сигнала.

И сигнал прозвучал.

Снаружи раздался грохот, который ментально заглушил звук двигателя. Это были стрекочущие разрывы от пулемёта Лассона. В первый момент мне показалось, что оружие стреляет не так уж и громко, как я запомнил. Тем не менее я весь трясся от этого грозного звука, который разлетался над портом с короткими перерывами, а потом возвращался новой очередью. Вайша разбил окно с такой быстротой, что мне показалось, будто он даже опередил стрельбу Лассона. Другие рабочие тоже выбили стёкла прикладами и выставили винтовки в окна. Вот теперь здание наполнилось настоящим громом. Когда стоявший напротив меня Ижу сделал первый выстрел, у меня снова заложило уши. Несколько мгновений я стоял, застыв, лишь вздрагивая от пальбы, но потом разбил свою половину окна и вскинул винтовку.

Я не мог разобрать, стоит вездеход или движется. Он был метрах в пятидесяти от нас. Я прижался щекой к холодному прикладу, на котором ещё таял снег, и попытался прицелиться. Но, к моему удивлению, прицел водило из стороны в сторону, ни о какой точности и говорить не приходилось. Я пытался наставить ружьё на центр машины, но ствол сразу же уводило то вправо, то влево. Наконец, мне по плечу хлопнул Ижу и крикнул прямо в ухо, чтобы я стрелял.

Я резко дёрнул спуск и почувствовал сильный толчок в плечо. Отдача у этих винтовок была слабее, чем у отцовского ружья, но всё равно ощутимая. Ствол вскинуло вверх и влево. Я попытался разглядеть, куда я попал, но ничего было не различить. Вокруг машины кое-где вихрем взлетал снег. Я ожидал, что от попаданий будут разлетаться искры, но их не было. Казалось, что все пули мажут и оказываются в снегу.

Зато наконец стало понятно, что вездеход остановился. Я снова вскинул винтовку и выстрелил, уже не целясь. Точнее, я хотел выстрелить, но ничего от нажатия на спуск не произошло. До меня дошло, что я не перезарядил ружьё. Под продолжающийся грохот, который сейчас больше походил на бульканье в моих ничего не слышащих ушах, я потянул ручку затвора на себя и обнаружил, что она не поддаётся. Меня охватила паника несмотря на то, что вокруг было полно людей, продолжавших вести огонь. Да и пулемёт Лассона не прекращал совсем уж еле различимо стрекотать. Я снова с силой дёрнул за ручку, но затвор так и не открылся. Я посмотрел в окно, как будто опасаясь, что, пока я не могу выстрелить, на меня кто-то нападёт снаружи.

Вездеход стоял всё там же. Вдруг из его кузова выпрыгнул человек и бросился бежать в сторону. Я, как замороженный, следил за ним, держа своё оружие стволом вверх. Человек был в зелёной куртке и в одной руке держал ружьё. Он не пытался отстреливаться, просто бежал. Но тут снег вокруг него начал разлетаться в стороны, а в моей голове глухо отдалась барабанная дробь пулемёта. Человек свалился наземь. И в этом заключался какой-то неведомый мне до того ужас.

Я никогда не видел, как умирают люди. В кино, конечно, крутили фильмы про войну и про то, как полицейские борются с преступниками. Но там герои, сражённые пулей, всегда замирали на несколько секунд, хватались за рану и, взглянув в последний раз на небо, живописно падали. Я вроде бы понимал, что всё это театр и в жизни как-то по-другому, но никогда не думал, что происходит вот так. Он просто бежал и упал, как могла бы упасть кукла. Он лежал и не пытался подняться. Он был мёртв до того, как его тело коснулось снега.

Я смотрел на эту картину, позабыв о том, что должен продолжать стрелять. Я смотрел, когда пулемётные очереди прекратились. Лишь когда огонь рабочих поредел и заглох, последний выстрел, прозвучавший уже в полной тишине, вырвал меня из оцепенения. Я перевёл взгляд на вездеход, который всё так же стоял на одном месте и казался невредимым. Всё, что произошло с первых выстрелов Лассона, заняло не больше пары минут. Я посмотрел на остальных — они продолжали стоять у окон, держа машину на прицеле.

Вдруг дверь к нам распахнулась, а на пороге оказался Лассон с винтовкой в руке. Он что-то крикнул нам, но я не мог ничего понять. Он ткнул пальцем в Меката и Галаша. Они поднялись и вместе с ним выбежали за дверь. Ижу что-то прокричал, но я снова ничего не понял. Когда мой взгляд остановился на нём, он показал мне на свои глаза и ткнул в сторону вездехода. Я вскинул винтовку и посмотрел на машину через прицел. С точностью всё было ещё хуже, чем вначале. Я опёр ствол ружья на остатки стекла в раме, и это помогло. Прицел

всё ещё прыгал, но заметно меньше. Я непроизвольно глубоко вдохнул и обратил внимание, что у меня в голове отдаётся собственное дикое сердцебиение.

Снаружи появился Лассон вместе с парнями. Они двигались к вездеходу быстрым шагом, держа машину на прицеле. Лассон махнул Галашу рукой, и тот перевёл ружьё в сторону кузова. Вместе с Мекатом, Виктор, пригнувшись, подошёл к кабине. Они встали по разные стороны от двери водителя. Лассон закинул винтовку на плечо и вытащил из кармана револьвер Катана. Виктор что-то показывал Мекату руками. Галаш оставался поодаль, держа кузов под прицелом. Мекат распахнул дверь кабины, а Лассон отскочил от корпуса, встав по линии с сиденьями и целясь внутрь. У меня сердце подпрыгивало от каждого их резкого движения. Мне казалось, что вот-вот что-то произойдёт. Лассон подошёл вплотную к кабине, и его стало не видно из-за двери. Повозившись внутри, он появился снова и захлопнул дверь. Вместе с Мекатом они проскользнули вдоль корпуса и скрылись из виду. Их не было видно несколько минут. Ничего не происходило, и я уже начал беспокоиться. Но вот Лассон показался снова. Он вышел из-за кузова, держа револьвер в опущенной правой руке, а левую поднял в воздух, подавая нам какой-то сигнал. Люди в комнате опустили оружие. Всё закончилось.

Через минуту за Лассоном вышел Мекат, еле ковыляя и закрывая лицо руками. Я подумал, что он ранен, потому что он облокотился спиной на вездеход и медленно сполз на снег. Лассон присел напротив него и что-то говорил. Мекат не отрывал рук от лица. Кажется, он рыдал. Он точно был цел, потому что Лассон не пытался оказать ему помощь. Норвальдец махнул нам, подзывая. Я непроизвольно зевнул, широко открыв трясущийся рот, и слух вернулся ко мне. Люди вокруг спешили наружу. Переведя дух, я последним вышел из здания.

Непослушные ноги еле шли. Мне казалось, будто за эти несколько минут я отработал ещё одну полную смену на станции и прошёл пешком километров двадцать. Добравшись до остальных, я увидел, что они окружили Лассона и Меката на снегу полукругом. Последний действительно был невредим, но всё ещё сидел, опустив лицо. Подходя к ним, я бросил быстрый взгляд на кабину, через изрешечённое стекло которой трудно было что-то различить, хотя внутри и угадывались фигуры. Я старался не смотреть туда так же, как до этого мгновенно отвёл взгляд, проходя мимо лежащего в снегу тела.

Оказавшись рядом с остальными, я услышал вопрос Нанга:

— Что случилось?

Лассон молча оглядел всех нас со странным выражением лица и произнёс:

— У них были заложники.

Глава VIII. Револьвер

Я пытался совладать со странным чувством. У меня не хватило духу взглянуть ни на одного мертвеца. Тем более я не стал заглядывать в кузов, где вместе с тремя мёртвыми бандитами всё ещё находились три тела рабочих с «Источника». Ещё один, как оказалось, был за рулём. В кузове же Вайша обнаружил своего родного брата. Когда до меня дошло, что сказал Виктор Лассон, мне показалось, в моей душе что-то произошло. Я чуть не задохнулся от нахлынувшего гигантской волной кошмара. Это были несколько секунд самого жуткого чувства в моей жизни. Словно где-то в глубине разверзалась бездна, быстро поглощавшая всё моё естество. Мне казалось, что даже в глазах потемнело, потому что я не мог сконцентрироваться на том, что происходит вокруг. Всё выглядело невероятно далёким.

Я даже никак не отреагировал, когда увидел, что Вайша вдруг подскочил и набросился на Лассона с криком: «Это всё ты! Это ты виноват!» Другим ребятам пришлось схватить врача, чтобы он не убил норвальдца в припадке ярости. Вайша сделал всего одну попытку вырваться, но тут же обмяк и в голос разрыдался. Всю эту сцену обволакивала тьма, словно разливавшаяся из меня повсюду.

Я не мог дышать, наблюдая это ужасающее наступление черноты, пока вдруг не ухватился за странную мысль, что за всё время я выпустил только одну пулю, которая, скорее всего, даже не попала по машине. Я начал повторять эту мысль про себя как заклинание или молитву, пока не перестал проваливаться в темноту. Но вместо тьмы пришёл стыд. В нём было что-то нелепо детское. Как будто я снова был маленьким и при мне другие дети расколотили дорогую вазу, а пришедшим на этот шум взрослым я первым делом кричу: «Я не виноват!»

Но я в любой день предпочту стыд, страх, позор, нелепость и что угодно тому бездонному кошмару, который за несколько секунд чуть не поглотил меня целиком. Осознанию, что я убил нескольких невиновных людей, убил наших же товарищей. Именно с этим кошмаром сейчас приходилось иметь дело всем остальным. Потому что их руки были тверды, они не путались, дёргая ручки затворов, они не прекращали стрелять, пока не решили, что все в этой машине мертвы.

В какой-то момент я даже почувствовал внезапное презрение и ненависть к остальным. Недавняя ярость Вайши словно наполнила и меня. Эмоции сменяли друг друга молниеносно. Одно стотонное чувство обрушивалось на меня, придавливало, пока его не вытесняло другое, такое же монументальное.

Снова взглянув на Вайшу, я уже не обнаружил и следа его недавней ненависти. Задыхаясь, он до краёв был переполнен горем. Никто здесь не был виновен в том, что произошло. Я сам оказался бы на месте других, если бы чуть лучше был подготовлен к сражению... Или правильной было сказать «к расстрелу»? Путанные чувства и мысли накатывали на меня волнами. Словно, спасаясь от бездны, я бежал по тёмному лесу, сталкиваясь то с одним огромным страшным уродливым деревом, то с другим. Каждое из них было моим чувством, и каждое вызывало свои вопросы. Мне нужно было подобрать правильные ответы, чтобы не прийти обратно и не упасть в эту черноту. И всё это время меня не отпускало странное чувство дежа вю.

Лакшамы верят в то, что наши жизни — это гигантский круг. Есть видимые и невидимые миры. Мы видим лишь тот мир, в котором живём сейчас. Умирая, мы перейдём в

другой, который станет видимым, а прежний ускользнёт от нашего взора. Мы живём разные жизни в этих мирах, занимаемся абсолютно разным ремеслом, думаем и чувствуем по-разному. Являемся разными людьми. Но иногда в этом круговороте мы повторяем события прошлой жизни до каждой мельчайшей детали. Обстановка, окружающие люди, мысли и чувства изредка повторяются целиком и полностью, потому что мы уже прожили бесчисленное количество жизней. В эти моменты человек и испытывает это ощущение.

Конечно, в последние годы я стал считать всё это нелепыми суевериями, попыткой объяснить сбой в нашем восприятии реальности. Наука Норвальда уже пару десятилетий как дала гораздо более трезвую оценку этого состояния. Но всё же размышлять об этом отвлечённо было куда проще, чем переживать само чувство настолько ярко. Я отчётливо ощущал, что всё это со мной уже происходило. «Светлейшие» учили, что от жизни к жизни в нас меняется всё. Память обнуляется, внешность стирается, мы исчезаем полностью. Остаются лишь некие точки, самое естество человека, которое не может быть выражено простыми словами. Естество человека неизменно, а потому рано или поздно приводит его в ту же ситуацию, в которой он уже был. Универсального ответа на то, что это естество собой представляет, — ответа, который можно было бы воспринять, почувствовать или понять, — не существует. У каждого оно своё, поэтому и чувство дежа вю у каждого уникально. Светлейшие становились таковыми потому, что глубоко открывались этому опыту, отказывались от чужих объяснений и искали ответы в себе.

С одной стороны, я знал, что дежа вю — не более, чем сбой в работе головного мозга, с другой — на меня как из ведра лились воспоминания об этом учении. Я чувствовал себя застрявшим между этими картинками мира. Застрявшим в лесу между ужасом и покоем. И я понятия не имел, какая дорога ведёт к одному, а какая — к другому. Цепляясь за идею о нарушении восприятия, я не знал, дарует ли она истинный покой. Я лишь продолжал искать ответы на конкретные или самые отвлечённые вопросы, которые каким-то образом имели непосредственное отношение к тому, виновен ли я в убийстве этих людей.

Я не знаю, сколько времени прошло и как мы оказались в вестибюле администрации. Рассевшись где попало, мы пытались осмыслить произошедшее. Откуда-то появился Лассон. Он о чём-то перешёптывался с некоторыми из рабочих, пока Галаш, Мекат и Ижу не пошли за ним наружу. Я выглянул в окно, через которое были видны ворота. С неба опять сыпал снег. Люди вышли за пределы порта, а через несколько минут вернулись. Они занесли тело в здание напротив того, из которого мы стреляли, и снова отправились наружу.

Мне послышался какой-то шум из глубины администрации. Прислушавшись, я понял, что это звонок телефона. Сначала я удивился и подумал, почему Умак не отвечает. Потом заметил, что мы не на «Заре», машинально поднялся и пошёл на звук. Добравшись до аппарата, я снял микрофон. Из динамиков донёсся взволнованный голос:

— «Январь» вызывает порт, — это был не диспетчер.

— Порт на связи, — ответил я.

— Кто говорит?

— Помощник главного инженера «Зари», Ашвар Шел-Тулия...

Прежде чем я успел задать вопрос, голос затараторил:

— Я пытался дозвониться до вас несколько раз. Почему вы не отзывались? — и, не дав мне ответить, он продолжил: — Слушайте внимательно. У меня мало времени. В колониях что-то происходит, и ответственен за это Менаги. Я не знаю, кто ещё с ним заодно, но дежурный диспетчер на «Январе» — точно один из них...

— Что? — спросил я, ничего не понимая.

— Слушайте! — настойчиво повторил голос. — Никаких экспедиций нет! Менаги...

— Подождите! — сказал я, пытаюсь прорваться к тому, что он говорит, сквозь пелену, обвалившуюся на меня после стрельбы.

Но он продолжал, не обращая внимания на мою просьбу:

— Менаги вместе с группой других чиновников «Января» всё подтасовал. Они присвоили бюджет экспедиций. Они не пытаются ничего искать. Их нужно остановить! Я должен бежать. Передайте остальным!

— Откуда вы знаете? — только и успел спросить я, но никто не ответил. — Алло! Алло! Ответьте!

Я продолжал кричать в микрофон, пока не обратил внимания, что из динамиков идёт только обычный шорох. Говоривший со мной уже повесил микрофон. Я не мог сконцентрироваться на том, что произошло. Весь разговор отдавался какой-то кашей в моей голове. Голос казался странно знакомым, не увязываясь при этом ни с одним лицом. Я положил микрофон и на еле двигающихся ногах вернулся в вестибюль в полной растерянности.

Лассон с остальными уже был там. Они складывали оружие заключённых в кучу в одном из углов зала. Я молча наблюдал за ними. Несмотря на то, что Лассон проработал весь этот план и был одним из главных исполнителей, он держался гораздо лучше других. Его голос стал более глухим и жёстким, а на лице застыло какое-то каменное выражение. Но на этом, в общем-то, было всё. Его поступь была твёрдой, и он единственный что-то предпринимал, а не сидел у стены, пытаюсь осознать произошедшее. В этом было что-то поддерживающее и отталкивающее. Словно он просто шагнул дальше. Мне не казалось, что ему всё равно, но, похоже, для него это событие не имело того грандиозно ужасающего значения, как для нас. Из-за этого мне хотелось его обвинять в том, что произошло. Но меня останавливала мысль, насколько такие обвинения нелепы. Тем более что мы выполнили приказ, поступивший с «Января». Я присел у стены и обнаружил, что всё ещё сжимаю винтовку в руке.

Когда парни закончили с оружием, Лассон подошёл ко мне и тихо сказал, что мы должны сообщить о произошедшем. Я снова поднялся, и мы прошли в телефонную. Там я, наконец, прислонил ружьё к стене и, прежде чем взяться за аппарат, вспомнил о разговоре, состоявшемся всего несколько минут назад. Я рассказал об этом норвальдцу. Он кивал чему-то, пока я говорил, но не выглядел хоть сколько-то удивлённым.

— Кто этот парень, который звонил? — спросил Виктор, когда я закончил.

— Понятия не имею, — ответил я. — Он не назвался.

— Всё это кое-что проясняет...

— Что?

— Помнишь свалку машин, на которую мы наткнулись? Почему она не была отмечена на карте? Да и ремонтной станции мы никакой не обнаружили.

Эта история казалось чем-то, что произошло очень давно. Я уже успел напрочь позабыть об этой свалке, хотя мы просидели там несколько часов. Лассон между тем продолжал:

— Что если Менаги нанял иностранных рабочих не для того, чтобы проводить экспедиции, а чтобы они просто перегнали все машины в ту лощину? А потом посадил их на корабль и увёз обратно. Тогда никто ни о чём бы не узнал.

У меня голова еле соображала, и вся эта теория казалась каким-то бредом.

— Зачем? — только и мог спросить я.

— Ну если этот таинственный незнакомец не врёт, то на этом можно было убить всех зайцев сразу, — ответил Лассон. — Ты сам говорил, что единственное средство связи в Антарте — телефоны, которые замыкаются на «Январе». Кроме этого остаются только вездеходы. Невозможно контролировать передвижение машин между станциями. Но если их забрать? Тогда каждой станции можно скармливать нужную информацию — всё равно никто не сможет проверить. А экспедиции были идеальным поводом для того, чтобы позабирать машины у колоний. Менаги может не только разворовать бюджет разведки, но и давить на вас, чтобы вы добывали больше топлива. Чтобы спонсировать им эти несуществующие экспедиции. Остаётся только продавать излишки нефти и совать выручку в свой карман.

Всё, что рассказывал мне Лассон, было складным, но я ни на минуту ему не поверил. Менаги, обворовывающий Антарту? Освободитель нашей страны? Мы все воспринимали его не иначе, как героя. Он вдохновлял нас на бунт. Лакчами в любой момент могла арестовать его. И я прекрасно знал, что его ждало в такой ситуации. Что-то во мне дрогнуло от этого знания. Петля на городской площади. Но Менаги не испугался тогда. Он рисковал своей жизнью, чтобы Антарта стала независимой. И тут у меня что-то щёлкнуло в голове. После всего, что Менаги сделал для колоний, мы безоговорочно доверяли ему. Окончательное решение по всем вопросам принадлежало ему. Кто-то где-то ворчал, но никто никогда всерьёз не оспаривал его права на власть в Антарте. Тем более, покуда мы преодолевали тяжёлые времена, некогда было заниматься политическим устройством страны. Прежде всего нам нужна была эффективная система на ближайшее время. Потом уже можно было думать о демократии и чём угодно ещё. И это была идея, которую поддерживал сам Менаги.

Пока не будет возмещён ущерб, нанесённый колониям за последние годы правления Лакчами, пока у нас не появится уверенность в завтрашнем дне, Антарта должна была работать не как государство, а как огромное предприятие. Это то, во что мы все верили. Работай, пока не обеспечишь стабильное процветание.

— Что тебе сказали на «Айсберге»? — прервал мои размышления Лассон.

— Что ты имеешь в виду?

Я вдруг обратил внимание, что обращаюсь к нему на «ты», а он совершенно не замечает этого. Мне почему-то казалось это уместным.

— Когда ты вышел на связь с «Январём» с «Айсберга», что они тебе сказали?

Ответить на этот вопрос оказалось не так-то просто. Всё, что произошло до сегодняшней стрельбы, казалось историями из далёкого прошлого. С трудом вспоминая, я начал рассказывать:

— Они что-то говорили о том, что пытались связаться с нами на «Источнике» и на «Заре», но...

— С кем именно ты говорил? — перебил меня Лассон.

— С Менаги... Хотя нет, сначала с диспетчером, а потом уже с Менаги.

— Что он тебе сказал про этих заключённых?

— Я не помню... Он говорил, что там какие-то сложности с тем отрядом, что отправился в тюрьму...

— «Сложности» — это то, что зэки захватили вездеход? — Лассон продолжал допрашивать меня тем же тоном, какой я когда-то слышал у полицейского в Лакчами.

Голова была совсем деревянной. Казалось, между мной и всем, что я вижу или вспоминаю, пролегает длиннющий туннель. Я не помнил, когда нормально спал в последний раз.

— Да-а... — неуверенно протянул я.

— Он тебе так и сказал? — спросил Лассон, пристально глядя мне в глаза.

Его взгляд был каким-то пронизывающим и угрожающим. Я не мог понять, адресована ли эта угроза мне и в чём она состоит. От этого становилось не по себе.

— Я не помню... Я не понимаю, к чему ты клонишь? — с раздражением спросил я.

— Погибли люди, Ашвар. Люди, которых вообще не должно было здесь быть, — его голос снова приобрёл те странные интонации, с какими он рассказывал о бунте в тюрьме.

Этот тон был каким-то завораживающим. Когда Лассон говорил так, весь остальной мир растворялся. Оставались только его слова. Сейчас я чувствовал это ещё более остро. Может быть, на то влияли последние потрясения или мой недосып, но у меня было чувство, что из головы вылетает всё, чтобы остался только голос этого человека.

— Я просто пытаюсь разобраться, Ашвар, — продолжал между тем Виктор, — почему никто не знал о том, что они находятся в этом вездеходе, почему нас не предупредили. Поэтому я пытаюсь узнать, что тебе передали с «Января».

— Тогда, может быть, мы, наконец, свяжемся с ними? — спросил я. — Я тоже хочу знать, как это произошло!

— Хорошо, — ответил Лассон тем же тоном. — Но я хочу попросить тебя об одной услуге.

Его взгляд по-прежнему сверлил меня, словно пытался ухватить каждое мельчайшее движение мышц на моём лице.

— Какой услуге?

— Я буду здесь с тобой.

Не сказать чтобы в этой просьбе было что-то удивительное или странное. Скорее странным было именно то, что он вообще спрашивает. Если бы Лассон сам об этом не заговорил, я бы не обратил внимания, что он остался в телефонной во время разговора.

— Хорошо, — ответил я.

— И не говори им про недавний звонок.

Ото всего этого мне становилось не по себе. Тем не менее я взял в руки микрофон и нашёл тумблер, который посылал звонок на «Январь». Динамики привычно захрипели. Я произнёс:

— Порт вызывает «Январь».

Диспетчер, который оказался уже на месте, откликнулся почти мгновенно:

— «Январь» на связи, кто говорит?

— Ашвар Шел-Тулия. У меня срочное донесение для главы Антарты.

— Оставайтесь на связи, — ответил диспетчер, и на некоторое время мы погрузились в тишину.

Я бросил взгляд на Лассона и заметил, что он не спускает с меня глаз. Через несколько минут из динамиков донеслось:

— Ашвар? — это был голос Менаги. — Как ваши дела?

Я ощутил ком в горле, когда оказался вынужден говорить о том, что недавно произошло.

— Бандиты заявили к нам, как вы и предполагали... — ответил я.

— Вы отбились? — быстро спросил он. — Потери есть?

— Да, мы сделали, как Вы и приказывали, — говорить становилось всё труднее, — подготовили засаду и начали стрелять...

— У вас все целы?

— Да, у нас все целы...

— А заключённые?

— Мертвы...

В воздухе зависла тишина, и я обратил внимание, как трясётся микрофон в моих руках.

— У них были... — я запнулся.

— Что? — спросил Менаги. — Я не расслышал.

— У них были заложники.

— Что? — на этот раз вопрос прозвучал с удивлением.

— У них были заложники, господин Менаги...

— Что с ними?

Мне пришлось крепко взять себя в руки, чтобы продолжать:

— Погибли при обстреле, господин Менаги.

— Проклятье! — произнёс он.

— Почему никто не предупредил?! — спросил я срывающимся голосом.

— Ашвар, я не знал... Я же говорил, что зэки захватили вездеход. Там была большая суматоха, когда наши ребята отправились на «Источник»... Всё пошло не по плану.

Лассон наклонился ко мне и что-то прошептал, но я ничего не разобрал, а Менаги продолжал:

— Наш отряд ввязался в перестрелку. Они подобрались совсем близко к станции и, казалось, что там никого нет. Тогда-то на них и напали.

Когда он сделал паузу, Лассон снова наклонился ко мне и прошептал:

— Спроси, он это имел в виду, когда говорил, что там возникли сложности?

Я с удивлением посмотрел на Виктора, а он лишь кивнул головой на микрофон. Меня здорово трясло, и хотелось поскорей всё это закончить, но я спросил:

— Так это и есть те сложности, о которых... Вы упоминали?

— Что? — спросил Менаги.

Лассон снова быстро наклонился ко мне и прошептал: «Мы должны быть уверены, что больше нечего ожидать».

— Ашвар, повтори, пожалуйста, — донеслось из динамиков.

— Я спросил: это и есть те сложности, о которых Вы упоминали, когда мы звонили с «Айсберга»? Больше ничего не произойдёт?

Менаги молчал несколько мгновений, а потом произнёс:

— Да, об этом я и говорил. С бандитами покончено. К вам прорвалась последняя группа. Но мы понятия не имели, что они захватили заложников.

Я посмотрел на Лассона, но он никак не отреагировал на слова Менаги. Поэтому я продолжил разговор:

— Что нам теперь делать, господин Менаги?

— Оставайтесь там, — ответил он, — нам нужно разобраться со всем, что у вас произошло. Я пришлю к вам людей.

— Хорошо, господин Менаги, — сказал я.

— Вы — молодец, Ашвар. Вы всё сделали правильно. Вы слышите?

— Да?

— Гибель этих людей не на вашей совести. Мы не всегда можем контролировать то, что происходит, Ашвар.

— Спасибо, господин Менаги.

Он сказал «конец связи» и отключился. А я словно бы вернулся в тот лабиринт, из которого ненадолго вынырнул. Он вроде бы был прав, но быть невиновным всё равно оказалось недостаточно. Нужно было не принимать в этом участия. Впрочем, я не успел глубоко впасть в эти размышления, потому что Лассон вырвал меня из них, произнеся:

— Он лжёт.

Эти слова прозвучали как выстрел. После последних размышлений Лассона они не были такими уж неожиданными, но я всё равно вздрогнул.

— Что? — спросил я. — Почему?

— Ты помнишь свой разговор с ним на «Айсберге»?

— Кое-что... А как это связано?

— Ты поговорил с «Январём», тогда тебе и сказали, что там возникли «сложности». Собственно, с этими новостями ты пришёл в лазарет. Потом мы отправились в столовую, и тебя сразу же выдернули из-за стола новым звонком.

Меня поражало то, насколько точно Виктор Лассон всё это запомнил. После всего произошедшего мне было непросто восстановить в памяти даже тот факт, что я дважды выходил на связь с «Айсберга».

— И что? — спросил я.

— В лазарете ты мне говорил о том, что возникли «сложности». А меньше чем через полчаса мы уже грузились, чтобы отправиться в порт устраивать засаду, потому что эки захватили вездеход.

— Получаса вполне достаточно, чтобы добраться из тюрьмы до «Источника».

— Это неважно, Ашвар, — Лассон смотрел на меня широко раскрытыми глазами, словно его озаряла какая-то догадка, которая была мне неизвестна, — откуда Менаги мог знать, что «сложности» с вездеходом возникли, если он в тот момент только от тебя и узнал, что «Источник» вообще захвачен?

Я был взволнован и не нашёл слов для ответа.

— Мы отправились на «Источник» и попали под обстрел, хотя за час до того нам сказали, что там всё в порядке. Менаги заявил, что узнал о захвате станции от тебя. При этом его отряд уже штурмовал «Источник», так получается? А теперь у нас тут четыре мёртвых работника оттуда, у которых не было шанса, потому что нам сказали устроить засаду и расстрелять вездеход.

Я окончательно был сбит с толку и спросил:

— И что это означает? Что он знал о заложниках и хотел... Что он хотел? Убить их нашими руками?

— Я не знаю, Ашвар. Но что-то здесь точно не так. Что если тот парень говорил правду о заговоре? Может быть, рабочие с «Источника» узнали о том, что никаких экспедиций нет. Их подставили под эков, а потом под наши ружья.

— Ты хочешь сказать, что и бунт — дело рук Менаги? — спросил я.

— Я не знаю. Это как раз вряд ли. Слишком много пробелов было бы в таком плане. Но, вероятно, Менаги воспользовался ситуацией по-своему... Хотя это всё равно странно...

— Почему? — спросил я.

Но вместо того чтобы ответить на мой вопрос, Лассон задал свой:

— Менаги знает, сколько нас здесь?

— Да-а... Когда мы были на «Айсберге», я говорил ему, что нас осталось семеро. А что?

— Семеро? — переспросил Лассон, внимательно глядя на меня.

Я вдруг вспомнил тот разговор.

— Я забыл тебя упомянуть. Извини. Просто я был... расстроен... и вспомнил только о наших ребятах.

Лассон почему-то усмехнулся и сказал:

— Ничего, Ашвар, я не гордый. И кстати, насчёт этого. Я хотел бы попросить тебя и всех остальных ещё об одной услуге...

Снег снова перестал сыпать. Но небо всё ещё было затянуто облаками, когда я увидел на вершине склона обещанный вездеход с «Января». Виктор Лассон окончательно меня запутал, особенно своей таинственной последней просьбой. Поэтому я взирал на приближающихся гостей со смешанными чувствами. Из-за всех этих обвинений в сторону Менаги мне теперь все чужаки казались подозрительными. И вместе с тем во мне жила отчаянная надежда, что всё это — какое-то гигантское недоразумение. Что наши гости осмотрят здесь всё, и мы сможем наконец-то отправиться обратно на «Зарю». Я хотел, чтобы весь этот кошмар закончился.

С Маги и Мекатом мы наблюдали, как вездеход не спеша приближался. Когда он подъехал близко, мы вышли, чтобы открыть ворота. Миновав въезд, машина остановилась. Водитель открыл дверь и крикнул мне:

— Нам нужен Ашвар Шел-Тулия!

— Это я.

С пассажирского сидения на снег спрыгнул другой человек, а водитель захлопнул дверь и направил вездеход в гараж. Его спутник подошёл ко мне и произнёс:

— Здравствуйте! Я — Анж Самманч. Господин Менаги прислал нас, чтобы разобраться.

Я ответил на его приветствие и с любопытством взглянул на нашего гостя. Кажется, его упоминал Менаги на «Январе». «Уполномоченный по безопасности» — вроде так называлась его должность. Наше молодое государство всё ещё не обзавелось полноценной полицией. Да и до недавних событий в ней не было надобности. Самманч был высоким, крепким мужчиной в возрасте около сорока.

— Где ваши люди? — спросил он.

— Двое здесь, — ответил я, — остальные в главном здании.

— Соберите их, пожалуйста, вместе.

Я подал сигнал Мекату и Маги, которые закрывали ворота, и мы отправились в администрацию. По пути к нам присоединились ещё двое людей, прибывших вместе с Самманчем. Вместе мы вошли в вестибюль главного здания, где всё ещё сидели остальные лакшамы.

— Добрый день, — бросил им Самманч и оглядел помещение. Он не представил своих спутников, а сами они не проронили ни слова.

Самманч несколько секунд изучал вестибюль и людей, сидевших по всей комнате, а потом спросил:

— Это все?

— Да, господин Самманч, — ответил я.

— Где тела погибших?

— Мы оставили их на складе, рядом с воротами.

— Покажите мне.

Я подчинился и повёл троицу на склад. Мне ещё не довелось там побывать после того, как Лассон с рабочими перетащил тела внутрь, но искать долго не пришлось. Все убитые нами лежали в проходе между плотными рядами бочек с топливом, стоящими друг на друге. Тела были накрыты брезентом.

Самманч поочерёдно подошёл к каждому, откидывая край брезента с головы, разглядывая лица и скрывая их снова. Я старался не смотреть на них. Склеп, в который превратилось это помещение, и так вызывал у меня головокружение. Ожидая, пока Самманч закончит осмотр, я разглядывал бочки, дивясь такому количеству топлива здесь, в порту. Если экспедиции действительно шли, то мы должны были отгружать на продажу не так уж и много. Впрочем, я не имел представления о том, сколько топлива проходило через порт в более благополучные времена.

Наконец, Самманч оглядел последнего, повернулся ко мне и сказал:

— Так, то есть у нас здесь шесть заключённых и четыре рабочих с «Источника», верно?

Его голос был твёрдым, но каким-то будничным. Как будто, он наблюдал такие картины ежедневно. Я же, наоборот, с трудом мог говорить об этом.

— Да... Всё верно, господин Самманч, — ответил я.

— Поня-ятно... — протянул он и, посмотрев на меня, добавил, — Вы можете показать нам, где и как всё произошло?

— Хорошо.

Я вывел их обратно на улицу. Ноги еле держали меня. Пока Самманч заставлял меня снова погружаться в то, что произошло, мои ощущения становились всё острее. Каждый шаг отдавался где-то в голове, а тело слабело. Движения давались мне всё с бóльшим трудом.

Мы вышли за ворота, и я повёл наших гостей к тому месту, где недавно стоял вездеход, на котором приехали бандиты. По пути я рассказывал Самманчу то, что он хотел от меня услышать:

— Господин Менаги посчитал, что лучшим способом остановить беглых заключённых будет засада. Я оставил своих людей на этом складе, — я указал на здание, из которого мы стреляли, — а сам отправился на маяк, чтобы не упустить бандитов, если они приедут с другой стороны...

— У вас есть опыт в подобных вещах? — вдруг спросил Самманч.

— Нет... — неуверенно ответил я, внезапно ощутив волнение. — Я просто пытался... всё предусмотреть. На самом деле, я сильно испугался, когда господин Менаги вообще поручил нам это задание. Мне казалось, я что-то могу упустить.

Кажется, это объяснение вполне подошло, потому что Самманч сказал:

— Прощу, продолжайте.

Тем временем мы подошли к месту, где стоял вездеход. Его было несложно найти по колее от гусениц.

— Когда я увидел, что вездеход приближается с востока, — рассказывал я, — то бросился вниз и забежал на склад... Мы подготовились, оставив одного из рабочих наблюдать за вездеходом... Когда машина была почти на этом месте... мы начали стрелять.

Мой голос дрожал не только от воспоминаний, которые вновь проносились в голове. Но Самманч и его спутники, кажется, не обратили на это внимания. Да это было и неудивительно. Перед ними стоял юнец, который в первый раз попал в какую-то жуткую

историю. Неудивительно, что он так волновался.

— Один из заключённых выскочил из вездехода... но в него попали... вон там... — сказал я и махнул рукой в направлении, где недавно лежало тело.

— Как вы определили, что это заключённый? — вдруг спросил Самманч.

— Зелёная куртка. Оружие в руках.

— Там? — он ткнул пальцем туда, куда только что указывал я.

Мне не хотелось подходить к этому месту, да я и не был уверен, где точно это произошло. Я попытался отыскать следы в снегу, которые вели в сторону, но здесь кругом всё было истоптано. Наконец, один из людей Самманча крикнул:

— Кажется, это здесь.

Мы подошли ближе, и я увидел тёмно-красное пятно, припорошённое снегом. От этого меня мутило, но я держался. Самманч осмотрел пятно, потом вернулся к тому месту, где стоял вездеход, и, наконец, сказал:

— Давайте зайдём на склад.

Я провёл их в помещение, откуда мы недавно вели огонь. Здесь дрожь пробрала меня ещё сильнее. Стёкла были разбиты, и за то время, пока не прекратился снегопад, в комнату намело немного снега. Пол около окон был усыпан осколками и гильзами. Самманч осмотрелся здесь и спросил:

— Как вы думаете, господин Шел-Тулия, почему заключённые не выскочили из машины разом, как только вы начали стрелять?

— Это грузовой вездеход, он закрывается снаружи... — я продолжал сдерживать дрожь в голосе, но получалось не особенно хорошо. — Они придумали, как закрыть его изнутри... с помощью проволоки... И кажется, у них не сразу получилось открыть дверь... поэтому выбрался только... один...

— А как насчёт водителя и пассажиров?

— Я не знаю... Мы стреляли по лобовому стеклу... Наверно... они сразу погибли...

Дыхание у меня было совсем беспорядочным. Приходилось прилагать усилия, чтобы выталкивать нужные слова наружу. Голова шла кругом. Я хотел, чтобы эта попытка допросом закончилась и мы вернулись в главное здание.

— С вами всё в порядке? — спросил Самманч, и в его голосе впервые появились хоть какие-то тёплые нотки.

— Да... — ответил я, — просто... всё это...

Я не знал, как закончить, поэтому Самманч сказал:

— Я понимаю, господин Шел-Тулия. Вам сегодня многое пришлось пережить. Только ещё один момент. Мы бы хотели взглянуть на этот вездеход. Вы сможете нас к нему отвести?

Я согласился, лишь бы поскорее убраться с этого склада. Мы вошли в гараж, где рядом с нашими вездеходами стояла изрешечённая пулями машина бандитов. Самманч и его спутники обошли её и заглянули внутрь. Я всё это время стоял поодаль. Они осмотрели салон и кузов, после чего захлопнули дверцы. Здесь было мало света, и никому, похоже, не бросились в глаза отверстия в крыше кузова.

— Что ж, — вежливым тоном произнёс Самманч, — я думаю, мы можем вернуться в администрацию.

Как только мы вошли в вестибюль, я первым делом нашёл себе стул, чтобы присесть и расслабить подгибающиеся колени. Рабочие уставились на нас. Самманч снова окинул взглядом помещение и спросил у меня:

— А где оружие, с которым приехали заключённые?

Я указал в угол, где Лассон вместе с рабочими грудой свалили винтовки бандитов. Самманч бросил взгляд на неё, а после этого громко обратился к рабочим:

— Господа, пожалуйста, сложите своё оружие у той стены, — он указал на место чуть поодаль.

Рабочие недоверчиво посмотрели на него, а потом на меня. Я кивнул им, и они начали перетаскивать винтовки к стене. Ни у кого из них никакого оружия уже, в общем-то, и не было. Оно беспорядочно валялось по всему вестибюлю. Пока рабочие выполняли указание, Самманч проверил прилегающие комнаты, а потом остановился у одной из дверей. Когда все ружья оказались у стены, он произнёс:

— А теперь, пожалуйста, пройдите в это помещение, мне нужно задать вам несколько вопросов.

Рабочие послушно прошли в соседнюю комнату, а Самманч всё это время стоял у двери. Когда все зашли, он жестом пригласил и меня. Я зашёл внутрь. Это был какой-то большой кабинет, уставленный стульями. На стене у двери висела меловая доска, а рядом стоял небольшой столик. Следом за нами вошёл Самманч и его спутники, остановившись у выхода. Других дверей здесь не было. Самманч включил свет, потому что пасмурная погода за окнами оставляла зал в полумраке, и сказал:

— Займите места.

Мы расселись по стульям, стоявшим в нескольких метрах от доски. Сам Самманч остался около неё. Я вдруг почувствовал себя как в университете в Лакчами. Вся эта картина оживляла во мне воспоминание о том, как к нам приходила полиция. Тогда мы так же сидели в аудитории, а инспектор с двумя полицейскими пониже рангом так же стоял у доски. В тот день двое тоже остались у выхода, и все студенты были напуганы. Хотя, скорее всего, никто из них не испытывал тогда того же страха, что и я. Может быть поэтому, а может, от общей атмосферы сейчас я ощущал невероятное напряжение. Мне почему-то казалось, что Самманч подозревает нас в преднамеренном убийстве заложников. Я понимал, что обвинение абсурдно, но эта мысль всё равно пугала.

Самманч расстегнул куртку. Я обратил внимание, что его люди также стояли в распахнутой одежде, застыв с опущенными руками. Хотя вся эта картина сильно напоминала мне события прошлого, в этот раз я не испытывал чувства дежа вю. Рабочие смотрели на своих посетителей, ожидая вопросов.

Самманч окинул зал взглядом, кажется, пересчитывая нас, переглянулся со своими спутниками и произнёс:

— Хорошо...

Продолжения фразы не последовало. Вместо этого он вдруг выхватил из-под куртки револьвер. Чуть позже среагировав, оружие начали доставать и его люди. У меня всё внутри обледенело за долю секунды, когда я увидел, как Самманч направляет револьвер на меня. Грохнул выстрел, от которого я, кажется, подпрыгнул прямо на стуле. И прежде чем я успел хоть что-то осознать, раздался ещё один. Следом, с минимальной задержкой, прозвучали ещё три. Я оцепенел и не мог пошевелиться от неожиданности и тусклой мысли, где-то на краю сознания, что в меня стреляли. Что сейчас я повалюсь со стула и умру раньше, чем коснусь пола. Совсем как тот бандит, выскочивший из вездехода. Я безвольно наблюдал за происходящим несколько мгновений, пока не заметил, как один из спутников Самманча выпрыгнул из зала, а другой сполз по дверному косяку, оставив на стене тёмно-красную

кляксу. Мне казалось, что моё сердце остановилось, а голова совершенно пуста. Есть лишь звон в ушах от прогремевших выстрелов. Всё происходило с невероятной скоростью, и я не мог это осмыслить. Мог лишь продолжать наблюдать, как Самманч неуклюже заваливается набок, а на светло-сером свитере с лакшамскими узорами, под его курткой, прямо у меня на глазах вырисовывается тёмный рисунок. Это выглядело невозможным и каким-то магическим. Пятно проявлялось из ниоткуда, а сверху к нему спускались такие же тёмные линии.

Лишь когда он упал, я заметил бьющую из его шеи кровь. Когда до меня начало доходить, что произошло, мне показалось, я наблюдаю всё это на экране, который находится в конце длинного-длинного туннеля. Всё это вдруг стало невероятно далёким от меня, даже мои собственные действия. У меня было такое ощущение, что я не произвожу их, а лишь вижу. Это было похоже на тот день, когда друзья затащили меня в кинотеатр, чтобы хотя бы ненадолго оторвать от подготовки к экзамену. Тогда я не спал целую ночь, а днём мы пошли в кино. Там я начал засыпать прямо в середине фильма. Я ловил себя на происходящем время от времени, понимая, что сижу в кресле и всё это время передо мной что-то происходит. Иногда мне казалось, что кроме экрана ничего нет, а иногда его оттесняли бессвязные образы сновидения. Моментами я возвращался обратно в реальность и словно припоминал, что на самом деле я сижу в кинотеатре, а не нахожусь внутри фильма. Это повторялось и повторялось по кругу, пока сеанс неожиданно не закончился.

Сейчас было что-то подобное, только фильмом была реальность. Я поймал себя на том, как поднялся со стула, а суматоха вокруг и крики рабочих ворвались в моё сознание, чтобы полностью раствориться в абсолютно спокойной и бесстрастной мысли о том, что я, кажется, падаю в обморок. Эта мысль заполнила собой весь мир, а потом появилось что-то, что словно бы пыталось перекричать её. Я мог лишь наблюдать, что здесь есть что-то ещё, пока не понял, что это всё те же крики рабочих. Тогда я увидел, что уже иду через вестибюль и вижу свои ноги всё через тот же невероятно длинный туннель. Мой взор поднялся как бы сам собой. Я чувствовал, что одновременно владею своим телом и нет. Как будто здесь был кто-то ещё, кто постоянно перехватывал управление. Я увидел окно рядом с входом в здание, около которого кто-то сидел. У него в руках была винтовка. Снаружи удалялся какой-то силуэт. Что-то сверкнуло там за окном, но я будто бы не увидел это, а лишь вспомнил, что только что видел. Как будто моё сознание отставало от настоящего момента. Оно бороздило память, чтобы восстановить, что произошло секунду назад. И в памяти пронёсся хлопок, долетевший снаружи. «Это тот человек!» — вспыхнуло в моей голове, и, кроме этой мысли, снова ничего не было. Она затмила собой всё происходящее. Следом за ней пришло осознание, что что-то происходит, а я даже не вижу, не чувствую себя. И это осознание было снова абсолютно равнодушным, будто Ашвар Шел-Тулия — это какой-то другой человек, который не имеет никакого значения. Не было вообще никого. Не было ничего, только мысль: «Нужно прийти в себя!» Кому она была адресована и кем — невозможно было разобрать. Вдруг новый страшный грохот выбросил эту мысль вон, вернув туннель, в конце которого человек сидел у окна. И вновь была память, картинка, как он стреляет по силуэту снаружи. В стекле образовалась маленькая дырка, а человек за окном упал на снег. Совсем как тот бандит. И я уже не видел ни вестибюля, ни человека с ружьём, а только бандита, который летит на снег совсем не как в кино. А потом была снежная лавина, вырывающаяся из Туннеля. И лабиринт. Он перекрыл все видения и висел среди черноты, горя своими жёлтыми стенами. Он был передо мной целиком. Я знал, что где-то здесь выход, но он

сильно размышлялся. Когда я пытался присмотреться к отдельным частям лабиринта, остальные растворялись и исчезали. А когда прекращал сосредоточиваться, он всплывал весь, но я не мог понять, каким маршрутом нужно пройти, чтобы выбраться из него к свету, а не в черноту, которая вдруг превращалась в снежную лавину. Из которой вдруг проявилась фотография нескольких висельников, напечатанная в газете. Что-то было на моём плече. Память сказала, что это там уже давно. Это была рука. И вновь явился туннель, в конце которого я видел свои ноги и чьи-то ещё, шагающие рядом. Я не видел, что у меня на плече, но знал, что это чья-то рука. Она поворачивала меня, она управляла моим телом, пока я снова не оказался на стуле. Я поднял голову, или она поднялась сама. В конце туннеля было лицо. А потом была чернота, в которой раздавались какие-то звуки. Это был чей-то голос. И что-то странное. Как будто резкий запах под носом, но его нельзя было описать. Не было никакого запаха, но что-то ударило в нос, и туннель вдруг стал быстро сокращаться. Я снова увидел чьё-то лицо, но уже другое, хотя всего мгновение назад его не было. Оно резко приближалось, одновременно оставаясь на месте. Экран так и не пропал, я всё ещё был не там, где был он, но расстояние до этого экрана стало коротким, и мне больше не нужно было вспоминать. Всё происходило сейчас. Я мог уместить больше, чем только видение или только мысль. Я начал замечать всё одновременно.

Я сидел на стуле в зале, в самом углу. Здесь находились рабочие, они осматривали тела, лежащие на полу. Здесь был Лассон, который недавно попросил всех нас не говорить людям с «Января», что он находится с нами. Он придумал историю о том, что произошло в порту. Она не слишком отличалась от реальных событий, и поэтому её было несложно рассказать. Я передал всё Самманчу, который лежал здесь же, в большой луже крови. Я всё вспомнил. Я не был ранен. Никто из них не успел сделать ни одного выстрела здесь. Лассон с момента их появления следовал по пятам. Он следил из-за угла склада, как Самманч и его люди заезжали в порт. Прятался за бочками, наблюдая, как я рассказывал историю столкновения. Он стоял за окном, когда нас вводили в этот зал. Всё это время он держал оружие наготове. Виктор не сказал, чего именно он ожидал от людей с «Января». Но Лассон был готов ко всему и опередил их. А последнего подстрелил Вайша, когда тот пытался убежать. Всё это я узнал немного позже, когда окончательно пришёл в себя. А пока что я сидел и наблюдал за Лассоном, который что-то оживлённо обсуждал с Мекатом. В опущенной правой руке Виктора покоился револьвер Катана Оши.

Глава IX. Кодовый замок

— Как ты, Ашвар? — спросил Лассон, тронув меня за плечо.

Мы снова сидели в вестибюле администрации, пытаюсь разобраться в том, что сейчас произошло. Рабочие занесли тело с улицы на склад, положив к остальным погибшим в этот день. Самманч и другой его спутник так и остались лежать в кабинете. Первые несколько минут после стрельбы здесь стоял неразборчивый гомон, но сейчас все поутихло.

— Я в порядке.

— Ты не похож на человека, который в порядке, — заметил Лассон, всё ещё растирая руки.

Почти всё время с момента прибытия Самманча норвальдец провёл снаружи. Мне не очень хотелось говорить о своём состоянии. Я сейчас и правда чувствовал себя не так уж и плохо.

— Я видел такое раньше, — сказал Лассон.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Когда я был на войне в колониях, — продолжал он, — некоторые парни вели себя... странно.

— Ну, это уже закончилось... — неуверенно ответил я.

Мне было как-то неуютно от этого разговора. Лассон внимательно посмотрел мне в глаза, но больше ничего не произнёс. Вместо этого он встал, прошёл по залу и обратился ко всем присутствующим:

— Я хочу кое-что сказать.

Рабочие подняли на него глаза, а Виктор продолжил:

— Нам нужно определить, что делать дальше. Я не до конца понимаю, что здесь произошло. Но эти люди, — он указал на дверь, за которой всё ещё лежали два тела, — приехали сюда по указанию Менаги. Ашвар сказал, что главный из них — уполномоченный по безопасности в колониях. И он пытался нас убить.

Рабочие молчали, а Лассон продолжал:

— Есть ещё кое-что. Пока мы занимались телами, Ашвар принял звонок с «Января». Это был не диспетчер и не Менаги. Расскажи им, что тебе сказали, Ашвар.

Меньше всего я сейчас был готов к выступлению перед публикой. Тем не менее я медленно поднялся со стула и сбивчиво пересказал то, что услышал от звонившего. Эта история шокировала остальных, казалось, не меньше, чем перестрелка с людьми Самманча.

Лассон напомнил им о свалке техники. Он подчеркнул, что вездеходы выглядели так, будто простояли в лощине всего несколько дней. Слишком уж мало снега на них намело. Норвальдец рассказал и о своих соображениях, которые я уже слышал.

Люди разделяли моё восхищение Менаги, даже несмотря на ужесточения в последние недели. Он оставался героем для жителей Антарты. Но мысли Лассона сломали первые протесты среди наших ребят, а потом погрузили всех в растерянность. Конечно, у нас не было прямых улик против Менаги, но в Антарте точно что-то прогнило. И, в конце концов, Лассон поймал его на лжи.

Я слушал всё это вполуха. У меня раскалывалась голова, и я был измождён всеми недавними событиями. Норвальдец продолжал:

— Мы должны принять решение. Нас уже пытались убить и, скорее всего, попытаются

снова. Я не знаю, можем ли мы доверять этому стукачу с «Января», — слово «стукач» почему-то резануло мне ухо, но у меня не было сил как-то на это реагировать или осмыслять. — Может быть, это правда, может быть, нет. Так или иначе, Менаги в чём-то замешан и не собирается отпускать нас живьём. Отсюда у нас два пути. Мы можем прямо сейчас сесть на корабль, что стоит у причала, — Лассон ткнул пальцем за наши спины. — Не ввязываться и уплыть из Антарты...

— А как же всё это? — злобно перебил его Вайша. — Мы просто плюнем на всё и уплывём? На то, за что мы здесь вкалывали? На то, что люди погибли, как ты сам сказал? Я должен просто закрыть глаза на то, что мой брат убит?

— Поверь мне, — ответил Лассон, — если мы останемся, погибших точно будет больше.

— А как же моя жена? — спросил Нанг. — Дети? Не знаю, как вы, а я никуда отсюда не поеду без своей семьи.

— Если я ничё не путаю, — вставил Ижу, — здесь моряков нет. Кто-то вообще знает, как управлять этой посудинкой? — ответом было молчание. — Да и куда плыть? Нас не пустят в Лакчами, а больше мне лично и некуда.

— Мы всё ещё можем связаться с кораблями в бухте, — ответил Лассон. — Мы можем убедить или, в крайнем случае, заставить их вывезти нас отсюда.

Он сделал паузу и спросил:

— Но я так понимаю, для вас это не вариант?

Рабочие промолчали.

— Хорошо, — сказал норвальдец. — Я вовсе не считаю бегство единственным выходом. Но вы должны представлять себе альтернативы и угрозы.

— Какие угрозы? — спросил Маги.

— Менаги пытался убить нас. Он попытается снова, — Лассон повторил ключевую мысль. — Нам придётся сражаться. Он прислал троих, считая, что нас тут семеро. Возможно, он плохо оценивает ситуацию. Но я думаю, что у него не так много людей, которые участвуют в этом заговоре или в чём бы там ни было. С другой стороны, неизвестно, что он наплёл остальным. Вся связь, какая есть, контролируется Менаги. Что ему стоит объявить станциям, что мы — горстка оставшихся бандитов? Тогда против нас пойдут не только подонки вроде Самманча. Это будут обычные рабочие — такие же, как вы.

Воцарилась гробовая тишина, которую прервал Нанг:

— Ну и что нам теперь делать? Бежать я точно не собираюсь. Я не оставлю своих детей с этими ублюдками.

— Мы можем захватить его, — ответил Лассон. — Самого Менаги. И выбить из него ответы на наши вопросы.

Это предложение вызвало волнение у рабочих. Ситуация перестала выглядеть настолько безнадёжной.

— У нас есть вездеход Самманча, — продолжал Лассон. — Вряд ли они что-то заподозрят, если мы приедем на нём. Подгоним машину к входу в администрацию и быстро атакуем. Они будут застигнуты врасплох. Обезоружим охрану, сгоним всех внутри в одно помещение, и пусть Менаги публично признается, что пытался нас убить.

— А если он не расколется?

Я наблюдал за происходящим как за спортивной игрой, далеко не всегда улавливая смысл слов. Но каждая фраза Лассона возрождала во мне надежду на то, что изо всего этого

можно выбраться. Каждый вопрос рабочих снова внушал неуверенность. Я мог лишь наблюдать за схваткой, не имея понятия, чем всё это закончится.

— Пригрозим, что пристрелим его, — сказал Лассон. — С того момента терять нам будет нечего. Если у нас ничего не выйдет, вполне вероятно, что нас живьём оттуда всё равно не выпустят. А что бы он там ни замышлял, мы должны убедить Менаги, что это он живым не выберется, если не расскажет, что происходит.

— Может, нам проще вернуться на «Зарю»? Там-то никто не примет нас за зэков. И нас будет больше.

— Связь по-прежнему у Менаги. Что если он объявит, что зэки захватили «Зарю»? Станцию будут штурмовать. Вот тогда невинных точно погибнет гораздо больше.

— Мы можем использовать портовую рацию, чтобы связаться с кораблём. Они нам помогут.

— И что мы им скажем? Как доказать, что мы — рабочие, а мертвецы вокруг — бандиты? Не-ет, мы здесь сами по себе. Мы можем попытаться поехать куда угодно, но шансов, что это будет иметь успех, немного. А вот что мы подставим под удар других людей — вполне вероятно. Может быть, станции уже получили указание, что любой вездеход, который к ним пожалует, забит зэками. Может быть, даже «Заря» его получила. Там вас знают, но там же Оша оставил вооружённую охрану.

В вестибюле снова повисла тишина. Лассон оглядел нас и подытожил:

— Я вижу только два пути: бежать или захватить Менаги. Это рискованно, но всё остальное ещё рискованней. Времени, пока он поймёт, что его троица оплошала, у нас немного. Поэтому... кто за?

Некоторые подняли руки сразу, другие задержались в нерешительности. Но в итоге согласились все. Я не голосовал. Мой мозг отчаянно пытался сообразить, что вообще происходит. Я лишь улавливал, что нельзя здесь оставаться и нельзя бежать. Голос Лассона был убедительным, и это действовало на остальных. Но я слышал только неопределённую угрозу. Я не хотел умирать. Кажется, с того момента, как Самманч направил на меня револьвер, я хотел жить настолько, насколько никогда не хотел прежде. Несмотря ни на что. И я не хотел ни в кого стрелять больше. Разве что в того, кто стоял за всем этим.

Картина у меня в голове никак не собиралась воедино. Я поверить не мог, что Менаги — тот самый Менаги, который привёл Антарту к независимости, — пытался убить нас. Я ненавидел кого-то за произошедшее, но эта ненависть никак не связывалась с Менаги. Словно это были два разных человека.

— Решено, — сказал Лассон. — Давайте посмотрим, что у нас с экипировкой.

Я вспомнил, что оставил свою винтовку в телефонной, и, подчиняясь этой мысли, пошёл туда. Оставшись наедине с собой, я обратил внимание, что в голове всё ещё шумит. Ружьё стояло всё там же. Последние полчаса я не ощущал никакой устойчивости. Просто плавал в пустоте. Деревянное ложе в руке возвращало меня к действительности. За него можно было уцепиться как за якорь.

Ощувив это, я глубоко вдохнул и вернулся в вестибюль. Там все уже снова были вооружены. Лассон увидел меня, подошёл и положил мне в руку пару магазинов для винтовки.

— Надеюсь, это тебе не пригодится, Ашвар, — сказал норвальдец.

После этого он повернулся к остальным и произнёс:

— Теперь нужно хорошо всё спланировать...

По пути на «Январь» машину вёл Лассон. Я сидел рядом с ним. Голова немного прояснилась, но меня снова охватывала дрожь. Весь этот бесконечный день мы путешествовали от одного кошмара к другому. Я не надеялся, что дальше будет лучше.

Лассон бросил на меня взгляд и спросил:

— Как ты себя чувствуешь, Ашвар? Ты совсем бледный.

— Нормально, — ответил я.

— Поддай мне карту и компас.

Я протянул Виктору то, что он просил. Но он их не взял, лишь посмотрел.

— Вездеход, конечно, трясёт на ходу, — сказал Лассон, — но тебя трясёт не меньше.

Я ничего не ответил, лишь положил карту и компас обратно себе на колени.

— Сделай глубокий вдох и сосчитай до четырёх, — продолжал Виктор.

Я сделал то, что он сказал.

— Теперь выдохни, сосчитай до четырёх и снова глубоко вдохни.

Он повторил это несколько раз, а я исполнил. Кажется, мне стало немного лучше. Я не пришёл в норму, но дрожь несколько унялась. Лассон продолжал говорить, не отрывая взгляда от дороги:

— Волнение заставляет тебя дышать чаще. Сердце бьётся чаще. Тело трясёт. Но если ты усилием воли приведёшь дыхание в порядок, то и всё остальное придёт в порядок. Тело, Ашвар — это необъезженная лошадь. Разум — наездник. Лошадь без наездника способна в панике со скалы прыгнуть. Тело нужно дрессировать и держать под контролем. Тогда оно тебя не подведёт. Нам сейчас нужно быть собранными и спокойными, чтобы всё сделать правильно.

То, что он говорил, было совсем не похоже на знакомую мне лакшамскую философию. Но я не мог отрицать, что его подход действует.

— Так тебе удаётся сохранять спокойствие? — спросил я.

— Не только, — уклончиво ответил он.

Остаток пути мы провели в молчании. Через полчаса перед нами наконец предстал «Январь». Лассон открыл окошко, которое сообщалось с пассажирским отделением, и крикнул туда: «Приготовились!» Я снова ощутил лёгкую дрожь. С виду всё было как обычно. Никаких пропускных пунктов, которых я, впрочем, и не ожидал. Здесь не выставишь часовых. «Январь» выглядел вполне буднично, и мы заехали на его единственную улицу.

— Это оно? — спросил Лассон, указывая на здание администрации.

— Да, — ответил я.

По мере того как наш вездеход приближался к администрации, моё волнение усиливалось. Снаружи не было ни души. Может быть, кто-то заметил нас из окна — вполне вероятно, Менаги оставил наблюдателей в зданиях. Вполне вероятно, Самманч должен был связаться с «Январём» после того, как разделается с нами. Но вряд ли хоть кому-то могла прийти в голову мысль, что сейчас внутри вездехода сидит не он.

Когда мы были почти на углу администрации, Лассон снова крикнул в окошко:

— Ижу, Нанг, Галаш, Маги — приготовились!

Он сделал короткую остановку прямо на углу и приказал:

— Пошли!

Я услышал, как открылись двери в пассажирском отделении, и возню позади. Через несколько секунд двери вновь захлопнулись, по корпусу постучали, и Лассон двинулся

дальше. Повернув голову, я увидел, как четыре человека с ружьями через плечо быстрым шагом направились к запасному ходу администрации. «Только бы всё получилось!» — пронеслось в моей голове. Они скрылись за удаляющимся углом, а вездеход снова остановился, теперь уже у главного входа.

— Ты готов? — спросил Лассон, вытаскивая мою винтовку из-за сидения, и, не дожидаясь ответа, крикнул назад: — Пошли!

Я взял ружьё у него из рук, сделал глубокий вдох и вылез из машины. Спрыгнув на снег, я увидел, как подходили Вайша и Мекат. Лассон обошёл машину и сказал мне:

— Пойдёшь впереди.

Я снова глубоко вдохнул, пытаюсь унять дрожь, и взялся за ручку двери. Моё воображение рисовало коридор, полный нацеленных на нас ружей. Но внутри всё было очень буднично — только дежурный, склонившийся над своим столом и не обращающий на нас никакого внимания.

— Помнишь, что говорить? — шепнул мне Лассон из-за плеча.

— Да, — тихо ответил я.

Мы шли по коридору быстрым шагом. Виктор держался за нашими спинами, чтобы его белое лицо не смутило дежурного. Как будто его не могла смутить толпа вооружённых людей! Впрочем, вооружённых людей он сегодня уже видел. Внутри стоял полумрак, а из-за угла доносилось эхо шагов второй группы. Когда мы приблизились к дежурному, он поднял голову. Я только было открыл рот, чтобы заговорить с ним, как вдруг вперёд выскочил Лассон и наставил револьвер на бедного парня. Дежурный замер с широко открытыми глазами. Норвальдец приложил палец левой руки к губам, а потом тихо сказал:

— Руки держи на столе.

Дежурный испуганно посмотрел на свои ладони, будто был не уверен в том, где они находятся, а потом снова поднял глаза на Виктора.

— Слушай, мы не бандиты, — своим гипнотизирующим тоном произнёс Лассон, не опуская, впрочем, револьвер, — мы здесь работаем. Но у нас кое-что произошло. Мы не собираемся причинять вред ни тебе, ни кому-либо ещё. Нам просто нужно кое-что выяснить. Ты понимаешь?

Дежурный нерешительно кивнул.

— Хорошо, — продолжил Лассон, — просто веди себя тихо, и скоро всё закончится. Если ты будешь делать, что мы говорим, никто не пострадает. Ты будешь вести себя тихо?

Дежурный снова кивнул, уже с бóльшим энтузиазмом.

— В здании есть охрана?

Дежурный покачал головой.

— Хорошо. Тогда скажи, где Менаги?

— Должен быть у себя, — испуганно прошептал в ответ дежурный.

— «Должен быть»? — прищурился Лассон, переспросил.

— Я не знаю, я отходил, — торопливо начал оправдываться дежурный, — меня просили забрать формы со склада. Они их всё ещё не заполнили, а формы были нужны...

— Успокойся, — перебил его норвальдец. — Я понял. Сиди тихо, — он повернулся к Мекату и сказал, — следи за этим парнем.

Лассон дал распоряжение, чтобы Ижу и Галаш присматривали за входами и никого не впускали. Ижу сказал:

— Там арсенал недалеко от чёрного хода.

— Хорошо, — ответил Лассон, — тогда встань возле него.

— А что нам говорить, если кто-то сунется? — спросил Галаш.

— Скажи, что администрация временно закрыта из-за чрезвычайной ситуации.

Ижу и Галаш кивнули и разошлись по своим местам. Лассон взял с собой Вайшу и Маги и отправился наверх, в кабинет Менаги. Нам оставалось лишь ждать, пока они вернутся. Я опасался, что кто-нибудь войдёт в здание или выпрыгнет из кабинета, но всё было спокойно. Дежурный продолжал сидеть как истукан. И это неудивительно — у Меката и в повседневных делах было такое лицо, будто он хочет кого-то убить, а сейчас он выглядел ещё более угрожающе.

Через несколько минут Лассон и остальные парни вернулись. Норвальдец тихо объявил нам:

— Менаги нет в кабинете. Нам придётся обыскать здание. Ашвар, Мекат — встаньте на втором этаже у лестницы. Следите, чтобы там все сидели по кабинетам. Нанг, Маги, начинайте с главного входа, кабинет за кабинетом, вытаскивайте всех и гоните в конференц-зал на втором этаже. Он в конце бокового коридора. Вайша и я сделаем то же самое от чёрного хода. Следите, чтоб никого не упустить. Нам нужно взять здание под контроль и найти Менаги. Держите оружие наготове, но не вздумайте стрелять. Они должны думать, что всё это всерьёз. Но мы никому не собираемся причинять вреда.

Мы отправились наверх. Лассон предупреждал, что всё может пойти так, если Менаги не будет в своём кабинете, но я надеялся, что нам не придётся искать его по всей администрации. Снизу начал доноситься шум и топот. В этом гомоне было трудно что-либо разобрать, кроме отрывистых выкриков наших парней, которые приказывали людям выходить из кабинетов.

Я увидел, как приоткрылась одна из дверей на нашем этаже. Оттуда с любопытством выглянул какой-то человек. Мекат сделал шаг к нему, не поднимая оружия, и произнёс:

— Оставайтесь внутри!

— Что происходит? — напуганным тоном спросил тот.

— Оставайтесь внутри! У нас здесь... ээ... чрезвычайная ситуация!

Человек послушно исчез за дверь. Наконец, снизу начали подниматься люди. Их было человек пятнадцать, но они создавали столько шума, будто Лассон вёл перед собой не меньше сотни. Виктор с Нангом и Маги завели их в конференц-зал. Через минуту норвальдец вышел один и обратился к нам с Мекатом:

— Вернитесь вниз, следите за входами, — затем повернулся к находящемуся рядом Вайше. — Теперь здесь то же самое, пока все не окажутся в одном месте.

— Вы нашли Менаги? — спросил я.

— Ещё нет, — ответил Виктор, — идите вниз! Никого не впускать, только если это не Менаги. Следите через окна.

Мы с Мекатом послушно спустились. Наверху ещё шумели, но через некоторое время последние люди вошли в конференц-зал, и оттуда стали доноситься только еле слышимые голоса. Мной всё больше овладевала тревога. Когда мы ехали сюда, я был уверен, что Менаги окажется в своём кабинете. А теперь всё шло наперекосяк.

Со второго этажа спустились Лассон и Вайша. Виктор был как всегда собран, но на его лице читалось, что что-то не так. Норвальдец подошёл к нам и сказал:

— Менаги здесь нет.

— Чё-о-о? — спросил Ижу.

— Нам нужно успокоить людей, — это было обращено уже ко мне.

— Как? — спросил я.

— Они начнут нам доверять, только если мы подтвердим свои личности. Мы найдём наши личные дела, — ответил Лассон. — Но сначала нужно с ними поговорить. Мало ли кому придёт в голову что-то выкинуть, пока мы их держим в полном неведении.

Я отправился за норвальдцем на второй этаж. Вайша остался, чтобы заменить меня у входа. Рядом с конференц-залом Виктор остановил меня и сказал шёпотом:

— Мне нужно, чтобы ты обратился к ним. Тут одни лакшамы. Лучше будет, если с ними поговорит свой.

Я согласился, и он нашептал мне нужный текст, после чего мы вошли в конференц-зал, где люди толклись кучей, сидя на полу. У входа стояли Нанг и Маги с оружием в руках. Один из людей на полу был в куртке. Его лицо показалось мне особенно знакомым, но я не придавал этому значения. Я посмотрел на перепуганных работников администрации и еле подавил нервный смешок от осознания того, что они понятия не имеют, насколько напуган я сам. Но их неуверенность придавала мне сил. Я собрался с мыслями и обратился к ним:

— Меня зовут Ашвар Шел-Тулия. Я — помощник главного инженера станции «Заря»...

Закончить мне не удалось, потому что меня прервал голос из толпы:

— Ашвар?!

Один из сидевших на полу поднялся, и в нём я узнал Маифа — студента, которого я повстречал во время предыдущего визита на «Январь». Взгляды всех присутствующих устремились на него.

— Что происходит, Ашвар? — спросил он.

— Пожалуйста, сядь, Маиф. Сейчас всё объясню... — сказал я.

— Я, кажется, нашёл разгадку, как искать топливо! — вдруг начал рассказывать Маиф, словно ничего особенного не происходило. — Только вот они даже слушать не хотят!

— Маиф, сядь, пожалуйста! — снова сказал я уже твёрже. — Нам нужно сначала кое-что прояснить.

Он послушался, а я продолжил, обращаясь к работникам администрации:

— Скорее всего, вы подумали, что мы — беглые заключённые. Но мы в ближайшие минуты докажем, что это не так, — я пытался говорить спокойным тоном, но голос предательски подрагивал. — Маиф уже сейчас может подтвердить мою личность. Если этого недостаточно, мы найдём наши документы в архиве и предъявим их вам.

У меня было ощущение, что эти слова с трудом доходят до присутствующих, но выражения на их лицах понемногу менялись. Страх медленно уступал место замешательству.

— Что происходит? — спросил кто-то, уже не Маиф. Его голос тоже немного дрожал, но в нём чувствовалось и возмущение.

— Нас направили, чтобы перехватить беглых заключённых в порту. Мы устроили для них ловушку... — на момент я ощутил, что теряю равновесие, но каким-то чудом мне удалось не выдать тех бурных чувств, что клокотали в груди. — Но нас не предупредили, что у бандитов были заложники с «Источника». Когда же мы сообщили о произошедшем, с «Января» прибыл Самманч ещё с двумя людьми. Они попытались нас убить, зная, что мы не преступники. У нас есть основания полагать, что всё случившееся произошло с ведома Менаги.

Когда я договорил, мне показалось, что все в зале замерли. Они ловили каждое моё слово, но будто всё меньше понимали, что именно я говорю. На последних словах я ощутил

такую уверенность, что прекратил испытывать страх. Ничего не осталось, кроме ненависти.

— Что? — наконец, кто-то нарушил тишину.

— Так, — сказал я, — давайте мы сначала найдём и предъявим вам свои документы. А пока... — я посмотрел на Нанга и добавил, — господин Нанг — работник «Зари» и участник этих событий, — расскажет вам всё более подробно.

— Почему вы держите нас здесь?! — с возмущением спросил тот же голос. — На каком основании?

— На том основании, — жёстко произнёс Нанг, — что среди вас есть корешки Менаги, которые прекрасно понимают, что происходит. Где он сейчас?

Никто не ответил. Маиф поднял руку и сказал:

— Я видел, как он выходил из администрации совсем недавно, но я понятия не имею, куда он пошёл.

— «Недавно» — это когда? — спросил Лассон.

— Не знаю, — замялся Маиф, — может, минут двадцать назад.

— Кто-нибудь знает, куда он направился? — спросил Лассон.

Ответом снова было молчание.

— Хорошо, — сказал норвальдец, — где здесь архив?

— На первом этаже, — откликнулся кто-то из зала, — там табличка на двери.

— Пойдём, — обратился ко мне Виктор.

Мы спустились на первый этаж. Парни у входов не отрывали взглядов от окон и не обратили на нас никакого внимания. Все были очень напряжены. Но меня радовало, что я больше не трясусь от страха. Мы добрались до архива и оказались перед лесом конторских ящиков.

— И что будем делать? — спросил Лассон.

— Здесь есть какая-то система, — ответил я. — Смотри: вон там висит табличка «Кадры».

Мы подошли к тумбам под знаком и обнаружили, что все ящики помечены по названиям станций. Я быстро нашёл «Зарю», но тюрьмы там, где она должна была быть по алфавиту, не оказалось. Хорошенько всё оглядев, мы обнаружили отдельную тумбу, где были собраны документы по другим объектам. Там оказалась и тюрьма. Я взялся за ящик «Зари» и довольно быстро вытащил бумаги на всех, кто был с нами. Пролистывая папки, я наткнулся на личное дело Катана. На минуту я задержался на нём, чувствуя, как хочу вытащить его вместе с остальными. Во всём этом хаосе я совсем забыл о его смерти. Это произошло вчера, но сейчас казалось, будто мы выехали с «Зари» неделю назад. Я вспомнил, насколько потерянным чувствовал себя, когда увидел, как Катана заносят на «Айсберг». Странно, но сейчас я больше не испытывал этого. Мне столько всего пришлось пережить с момента его гибели. Столько такого, от чего он пытался меня защитить, но я больше не чувствовал себя беззащитным.

Усилием воли я отпустил его папку, закрыл ящик и обнаружил, что Лассон всё ещё перебирает дела из тюрьмы.

— В чём дело? — спросил я.

— Его здесь нет, — ответил норвальдец, — моего дела здесь нет.

Он захлопнул ящик и задумался на минуту, уставившись в потолок.

— Так, — сказал Лассон, размышляя, — когда я прибыл на «Зарю», Оша связывался с «Январём», чтобы подтвердить мою личность, — он перевёл взгляд на меня, — значит,

папка должна быть в кабинете Менаги или в переговорной!

Он бросился из архива, но на пороге остановился и сказал:

— Возвращайся в конференц-зал, покажи им ваши документы, а я найду свои.

Когда я вышел, его уже не было видно. В конференц-зале Нанг пересказывал наше столкновение с заключёнными в порту. Я вошёл с кучей папок, вытащил из них дела нас троих — меня, Нанга и Маги — и представил их людям, сидевшим на полу. Они сравнивали фотографии в делах с нашими лицами и передавали папки друг другу.

— Я могу привести остальных, чтобы вы могли убедиться, что они тоже не выдают себя за других, — сказал я.

— Я думаю, — сказал парень в куртке, — что этого вполне достаточно. Теперь вы нас отпустите?

— Боюсь, мы не можем, — ответил я.

Когда он заговорил, я посмотрел на него и уловил какое-то смутное ощущение угрозы. Что-то в нём было очень знакомым, но я никак не мог вспомнить, где видел его раньше.

— Мы вынуждены остаться здесь, — сказал Нанг, — куда не объявится Менаги, не расскажет при всех, что происходит и не назовёт своих сообщников.

— И сколько мы будем здесь сидеть?! — спросил чей-то голос.

— Я не знаю, — ответил Нанг. — Но вы можете всё упростить, если те, кого эта история не удивляет, признаются, что они всё знают.

Ответом вновь было молчание.

— С чего вы взяли, что такие здесь вообще есть? — спросил тот же голос.

— А где им ещё быть? — ответил Нанг.

Мы оказались в тупике, и все просто застыли в нерешительности, не зная, что делать дальше. В отсутствие Лассона я почему-то и сам начинал чувствовать себя неуверенно. Я вышел, желая его найти. Второй этаж был пуст, здесь не было никого из наших. Я направился в кабинет Менаги и увидел Лассона внутри. Он стоял над столом спиной к входу, ковыряясь во внутренних карманах куртки. Когда я вошёл, он застегнул её и повернулся ко мне.

— Нашёл? — спросил я.

Он лишь отрицательно покачал головой.

— Ты смотрел в переговорной?

— Да, — ответил он задумчиво, — пойдём.

Когда мы вышли из кабинета, он наклонился ко мне и тихо произнёс:

— Диспетчеры должны быть в курсе.

— Почему?

— Ну а ты как думаешь? Кто в центре любых переговоров? Как бы Менаги объяснил диспетчеру, что люди, расправившиеся с зэками, почему-то сами оказались мертвы?..

Мы вернулись в конференц-зал, где Лассон попросил всех присутствующих по очереди назвать свои имена и должности. Когда дошла очередь до парня в куртке, я вспомнил его. И всё вдруг встало на свои места. Пока другие продолжали называть имена, я подошёл к Лассону и прошептал, что мне нужно поговорить с ним. Он кивнул, остановил очередного служащего, и мы вышли в коридор. Когда дверь закрылась, он спросил вполголоса:

— Что такое?

— Думаю, это Менаф, — тихо ответил я. — Думаю, это он звонил в порт.

Лассон внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Уполномоченный по экспедициям? Ты уверен?

В его глазах было что-то, от чего я ощутил растерянность. Они стали совершенно холодными.

— Трудно точно сказать... — неуверенно ответил я. — Голос через телефон искажается. Но думаю, это он. А ещё я видел, как он спорил с Менаги, когда я был здесь в прошлый раз.

— О чём спорил?

— Я не помню. Но это был тот день, когда Менаги проводил инструктаж для разведчиков. Там было несколько человек в этом же зале.

— Кто именно?

— Менаги, Самманч, Менаф. Остальных я не знаю. Я видел их только мельком.

Мои чувства совершенно смешались. Менаф настораживал меня только потому, что я связывал этот голос с тем, что произошло в порту. Но когда я понял, почему чувствую угрозу, она растворилась. Он казался союзником. Я думал, Лассон обрадуется, что мы нашли этого человека. Но вместо этого норвальдец стал каким-то угрожающим.

— Хорошо, — бесстрастно произнёс он и открыл дверь в конференц-зал.

Все взгляды внутри приковались к Лассону, а он громко сказал:

— Ёжи Менаф, подойдите сюда.

Когда норвальдец обращался в зал, его голос был гораздо теплее, чем только что в разговоре со мной. И он был немного взволнованным. Менаф неуверенно поднялся и пошёл к нам, сопровождаемый тревожными взглядами остальных. Может быть, мы и убедили их в том, что мы не преступники, но они точно не понимали, что происходит сейчас. Да и я, на самом деле, тоже. Было очевидным, что нам нужно поговорить с Менафом, но реакции Лассона сбивали меня с толку.

Когда дверь в зал снова закрылась, Виктор повёл нас по пустому второму этажу. Шаги эхом отдавались в коридоре. Поглотившая администрацию тишина жутко контрастировала с той жужжащей суматохой, которая царила здесь в мой прошлый приезд. Сейчас эти недавние времена казались абсолютно безоблачными.

Мы вошли в кабинет уполномоченного по экспедициям. Это было обычное административное помещение — шкаф, несколько ящиков, стол и пара стульев. Только окно почему-то было разбито. Лассон жестом остановил меня у входа, а сам поставил два стула друг напротив друга и сказал, обращаясь к Менафу:

— Присядьте, пожалуйста.

Менаф всё ещё был растерян, но сел на стул. Лассон опустил на другой и заговорил. Его голос был непривычно взволнованным и даже радостным, отчего мне вдруг стало не по себе:

— Вы не представляете, через что нам сегодня пришлось пройти!

— Что? — ещё более неуверенно спросил Менаф.

Лассон словно запнулся, но продолжил:

— Мы вас узнали! Точнее, господин Шел-Тулия вас узнал! Вы звонили нам, пока мы были в порту!

Менаф бросил взгляд на меня, потом снова посмотрел на Лассона. Его глаза бегали из стороны в сторону, а по лицу быстро проходили, сменяя друг друга, самые разные эмоции. Он явно пытался скрыть, что на самом деле испытывает. Норвальдец продолжал выдавать волнение, которое выглядело бы вполне естественным, если бы он хотя бы минуту вёл себя

так до того. Его реакции пугали меня.

— Мы надеялись найти вас, — продолжал Лассон. — Мы совершенно запутались в этом всём. Ещё Самманч! Он пытался убить нас буквально через пару часов после вашего звонка! Я понимаю, что вы напуганы своими открытиями. Но мы уже здесь.

Лассон смотрел на Менафа с теплотой, которой я не замечал в этом человеке раньше. Откуда всё это взялось? Менаф снова посмотрел на меня и перевёл взгляд на Лассона. Он по-прежнему был очень растерян.

— Мы, должно быть, вас здорово напугали! — продолжал норвальдец, отпустив нервный смешок. — Неудивительно, что вы пытались сбежать. Простите за грубость, но мы пытались никого не упустить, чтобы поймать тех, кто заварил эту кашу.

Мы были в кабинете Менафа. Вот почему он был в куртке — он пытался сбежать через окно, пока Лассон с остальными обыскивал здание. Хоть что-то прояснилось.

— Мы надеялись застать Менаги здесь. — сокрушался норвальдец. — Всё бы уже закончилось, будь оно так. Но теперь мы понятия не имеем, что делать дальше. Слава богу, мы нашли вас, господин Менаф! Мы в полном тупике!

Менаф снова взглянул на меня, а потом перевёл взгляд на Лассона. Наконец, на его лице появилась неуверенная улыбка, и он начал говорить:

— О, боги! Наконец-то вы здесь! Я был так напуган! Я не знаю, кто с Менаги заодно, поэтому не понимал, кому довериться. Вы не представляете, каково это!

Он вздохнул и продолжил. Теперь его голос дрожал:

— Сначала я не придавал этому никакого значения, но бюджет на экспедиции точно был завышен. Это казалось естественным — всё-таки настолько масштабной разведки не проводили с самого начала проекта. Потом мне на глаза попала карта экспедиций. В ней было что-то странное, но я не занимался такими вещами и снова не обратил большого внимания. Но в день старта разведки мне пришлось поехать в порт, и там я увидел этих рабочих...

— Каких рабочих? — спросил Лассон.

— Тех самых, что Менаги нанял на Меласе. Я случайно увидел, как они загружаются на корабль. Их было так много! И тогда я сообразил, что здесь что-то не так. Могли бы быть какие-то изменения, и часть из них отправилась бы обратно. Но не так много. Конечно, я не видел всех, но я видел десятки! Да и любые изменения должны были проходить через меня.

Он перевёл дух и продолжил:

— Тогда я вернулся на «Январь» и уже внимательно изучил карты. На них отмечены места предполагаемого залегания топлива. Я сопоставил их со старыми картами, которые составляли ещё при Лакчами, и обнаружил, что эти места выбраны случайно! То есть в старых документах отмечено, что все эти зоны уже исследованы, и там ничего не найдено. Тогда я и догадался, что Менаги не проводит никакой разведки! Он использовал иностранных рабочих только для того, чтобы они никому не рассказали, что на самом деле происходит.

Менаф замолчал, а норвальдец спросил:

— Вам удалось узнать что-то ещё? Кто к этому причастен?

— Нет, — ответил Менаф. — Может быть, уполномоченный по финансам. Трудно проверить такую аферу без его помощи. Может быть, уполномоченный по внешним отношениям. Один из диспетчеров точно. Скорее всего, кто-то в порту — там-то точно знают, какое количество людей прибыло в Антарту и какое покинуло. Но это всё догадки. Я

не могу ничего утверждать точно.

Он замолчал, глубоко и быстро дыша. Менаф выпалил всю информацию почти на одном дыхании.

— Почему вы позвонили нам? — спросил норвальдец.

— Я же говорю, я не знал, кому довериться! — ответил Менаф. — Потом услышал про этот бунт и про то, что отряд с «Зари» оказался в порту. У вас было оружие, и я подумал, что вы сможете арестовать Менаги.

Он вновь замолчал.

— Нам повезло, что мы вас застали. Кажется, ещё немного, и мы бы вас никогда не нашли, — сказал Лассон.

Его голос как-то изменился. Пропало то самое наигранное волнение. Пропало тепло. Хотя нотки радости ещё присутствовали. Менаф тоже это заметил. Он вдруг затаил дыхание и удивлённо посмотрел на норвальдца.

— Ещё немного, — продолжал Лассон, — и ты бы, сука, удрал, оставив на нас всё ваше дерьмо.

— Что? — испуганно спросил Менаф.

Вместо ответа, Лассон вдруг с размаху ударил его по лицу так, что Менаф повалился со стула.

— Что ты делаешь?! — в ужасе закричал я.

Норвальдец не обратил на меня ни малейшего внимания. Он выхватил из кармана револьвер и приставил к голове Менафа. Я остолбенело смотрел на эту безобразную сцену, не зная, что делать.

— Что вы?.. — начал было Менаф.

Лассон ударил его по голове ручкой оружия и прошипел:

— Заткнись!

Не убирая ствола от головы Менафа, который весь сжался, Лассон расстегнул на нём куртку и начал стаскивать её.

— На живот! — крикнул норвальдец.

Менаф послушно перевернулся.

— Помоги мне! — обратился Лассон ко мне.

Трясаясь от страха и омерзения, я безмолвно подошёл и помог Лассону снять с Менафа куртку. Когда она полетела в угол, Виктор приказал:

— Руки за голову!

Менаф молча подчинился. Лассон обыскал его штаны, после чего поставил пленника на колени и проверил нагрудные карманы. В одном из них оказался паспорт. Больше ничего не обнаружилось.

— Обыщи его куртку! — приказал мне норвальдец.

Дрожащими руками я принялся лазить по карманам куртки. Там тоже ничего особенного не было, только пачка денег.

— Что, собирался прогуляться за покупками? — спросил Лассон.

— Я не понимаю, что происходит! — закричал Менаф.

Норвальдец вздёрнул его на ноги, развернул и прижал к стене, снова приставив револьвер к голове.

— Решил кинуть своих корешей, да? — спросил Лассон. — Лучше выкладывай всё по-хорошему!

Менаф сглотнул и начал говорить, пытаясь звучать спокойно, но получалось у него плохо:

— Послушайте, я не за одно с ними...

Закончить он не успел, потому что Лассон снова несколько раз ударил его по лицу револьвером, отчего Менаф сполз по стене.

— Зачем ты его бьёшь? — крикнул я, пытаясь побороть накатывающую тошноту.

Я не мог больше этого выносить. Это было отвратительно. Всё, что здесь происходило, и без того было отвратительно. А теперь ещё норвальдец избивал этого человека ни за что. Лассон ответил, не спуская глаз с Менафа, который сидел на полу, держась за свой кровоточащий нос:

— Ты не понимаешь, что это один из них? Это один из тех, кто хотел нас убить, Ашвар.

— С чего ты взял? — с вызовом спросил я.

— С того, что он вешает нам лапшу на уши! У него были доказательства, и он их никому не предъявил, потому что боялся? Да достаточно под любым предлогом собрать людей и показать им, что он нашёл. Не могут же все быть в сговоре? Мы остановили его, когда этот ублюдок разбивал окно. Он пытался сбежать. Уже и документы приготовил, и деньги. Он куртку-то держал не в гардеробе, а здесь. Ждал, пока Менаги выйдет за дверь!

— Может быть и так! Но... зачем ты его бьёшь? — спросил я.

— Они всё сделают, чтобы от нас избавиться, Ашвар. Они возьмут штурмом это здание. Рано или поздно Менаги приведёт сюда этот отряд, который нас всех перебьёт. И Менаф, — он ткнул рукой в сторону пленника, — наш выход. У меня нет ни времени, ни желания нежничать с ним. Либо он расколется, либо люди погибнут, Ашвар. Мы с тобой и все твои друзья с «Зари». И, скорее всего, бóльшая часть тех, кто сидит в конференц-зале.

— Откуда ты знаешь?!

— Менаги уже убил четверых, — голос Лассона был абсолютно спокоен и снова звучал завораживающе, — и пытался убить ещё восьмерых. Думаешь, он на этом остановится? Я скорее своими руками удавлю одного из них, — норвальдец снова указал на Менафа, — чем позволю им продолжать убивать невинных ради сохранения своих тайн.

Я открыл рот, но так и не нашёлся, что ответить. Я знал, что он прав, но я чувствовал, что это не так. Я не мог это выразить и не мог объяснить. Лассон же сказал:

— Мы теряем время. Лучше найди мне верёвку, и покрепче.

Я снова взглянул на Менафа, у которого из-под ладони кровь капала на его же свитер, и вышел за дверь. У меня из рук выпало ружьё, и я сам чуть не повалился на пол от захлестнувшей меня волны слабости. Слезы почему-то подкатывали к глазам, а в горле застрял ком. Мне хотелось разрыдаться, и я понятия не имел, из-за чего. Всё, что происходило, казалось каким-то бредовым кошмаром. Всё, что говорил Лассон, было таким складным, но мне хотелось остановить это. Впервые за всё время я чувствовал, что просто хочу попасть обратно в Лакчами, в свой дом. Забыть Антарту, забыть всё это, как сон. Вдруг воспоминания о доме перекрыла стена снега, поднятого взрывом. Я впервые задумался о том, что это значит. Почему я всё время возвращался к Туннелю? Но голос Лассона снова привёл меня в чувства.

— Где Менаги? — раздалось из-за двери, а через несколько секунд я услышал удар.

Я поднял винтовку, закинул её на плечо и отправился искать верёвку. Я бездумно вламывался в кабинеты, пока не догадался, что здесь должна быть какая-то подсобка. Она обнаружилась на первом этаже, где всё так же дежурили часовые.

— Ну чё там? — нетерпеливо окликнул меня Ижу, но я лишь отмахнулся.

Я вошёл в тесное помещение, зажёл свет и закрыл за собой дверь. Впервые за долгое время я оказался наедине с собой. Меня немного тошнило, и дрожь не отпускала. Казалось, что я не спал целую вечность. Ноги и руки были свинцовыми, я еле двигался, но, как заведённый, искал верёвку. У меня были ощущения похожие на те, что я испытал, когда Самманч хотел убить меня. Словно всё сужалось. Будто я осознавал только часть того, что происходит, и мог концентрироваться лишь на чём-то одном. Конечно, мне не застилало глаза так, как тогда, но я обнаруживал, что иногда обшариваю полки на автомате, даже не замечая, как делаю это.

Наконец, я нашёл то, что искал. Схватив моток верёвки, я остановился, сделал глубокий вдох и выдох, как меня научил Лассон, и вышел. Мои поиски стали лёгкой передышкой, и я чувствовал себя немного лучше. Еле волоча ноги, я вернулся на второй этаж и услышал крик боли из кабинета Менафа. Внутри меня всё похолодело от этого вопля, и я на мгновение замер. За этим звуком ничего не последовало. Я собрался и дошёл до кабинета. Открыв дверь, я обнаружил, что всё было так же: Лассон стоял, а Менаф сидел на полу. Но потом я увидел руки пленника, и меня чуть не стошнило. Два его пальца неестественно торчали, хотя остальные были сжаты. Пока я был в подсобке, Лассон вывихнул или сломал их, пытаясь выпытать ответы. Я не знал, что со всем этим делать, но поймал себя на каком-то странном чувстве облегчения от того, что не присутствовал здесь в тот момент.

Вместе с Лассоном мы подняли Менафа, усадили на стул и привязали верёвкой. После этого норвальдец начал обыскивать кабинет. Он копался в ящиках стола, а я в оцепенении наблюдал, как через узкое разбитое окно на него падают хлопья снега. Менаф молча шмыгал разбитым носом. Половина его лица опухла от ударов. Я отвёл свой взгляд от него.

Не найдя ничего в столе, норвальдец потянулся к дверце шкафа, но вдруг остановился. Он смотрел на что-то, чего я не видел. Лассон наклонился и вытащил из небольшого пространства между шкафом и стеной рюкзак. Поставив находку на стол, Виктор обменялся молчаливым взглядом с Менафом и развязал завязки. Норвальдец перевернул рюкзак и вывалил всё содержимое на стол. Там были комплекты одежды и ещё несколько свёрнутых в трубочку денежных пачек. Причём не все из них были лакчамскими. Это было понятно по цвету. Сунув руку внутрь рюкзака, Лассон нащупал ещё что-то. Он вытащил какие-то брошюрки и, глядя на них, отбросил рюкзак в сторону. Менаф, наблюдавший за его действиями, опустил голову.

— Теперь ты понимаешь, с кем мы имеем дело? — спросил Лассон, суя брошюрки мне под нос.

Я взял их в руки. Это были паспорта. Из разных стран, на разные имена. Но во всех была фотография Менафа. Неожиданно страх ушёл. Лассон подошёл к Менафу и поднял его голову.

— Теперь тебе уже не отвертеться. Против тебя у нас есть улики, а Менаги ты и так сдал. Так что он в любом случае тебя по головке не погладит. Пора рассказывать.

Менаф посмотрел на Лассона одним глазом. Второй опух и не открывался. Менаф помолчал несколько секунд, закрыл глаз и начал медленно с трудом говорить:

— Это он всё придумал... — Менаф вновь открыл глаз и сплюнул кровь на пол.

Переведя дух, он продолжил:

— Когда революция прошла... он понял, что всё теперь в его руках. При Лакчами... весь проект был просто большим заводом... со строгой вертикалью... После революции ничего

не поменялось. Только при Лакчами был контроль сверху... над проектом. А после... Менаги мог делать что хотел... Оставалось только договориться с высшими чинами...

Менаф сделал паузу, снова сплюнул и начал называть имена. Начальник порта, уполномоченный по финансам Антарты, уполномоченный по экспедициям, один из диспетчеров (он заступал на смену всякий раз, когда Менаги было нужно, как сегодня), уполномоченный по комплектации станций, уполномоченный по внешним отношениям, уполномоченный по безопасности и, наконец, глава Антарты — все они оказались в сговоре, с целью разграбления Антарты. Все ключевые посты в управлении были заняты ими. Трое уже были мертвы, двое сидели в конференц-зале, один застрял на корабле, где-то в заливе, один рассказывал всю эту историю. Оставалось выяснить, где последний.

— Где Менаги? — спросил Лассон стальным голосом.

— Он отправился в тюрьму, — ответил Менаф. — Там всё ещё находится отряд, который собрали для подавления бунта... Больше ни у кого здесь нет оружия.

— Зачем?

— Самманч должен был позвонить из порта, когда... разделается с вами... Но он так и не вышел на связь. Менаги решил, что нам могут потребоваться дополнительные силы.

— Есть какие-то прямые улики против тех, кто в сговоре?

— На каждого есть такой же комплект... — Менаф кивнул в сторону паспортов. — Их заготовили на случай, если нам придётся бежать... если кто-то о чём-то догадается...

— Или если кто-то сдаст остальных, — заметил Лассон, с недоверием глядя на Менафа. — Где эти комплекты?

— Всё хранится в тайнике... В кабинете Менаги... доски под шкафом поднимаются...

— Принеси их, — приказал мне Лассон.

Я был в полном ошеломлении от услышанной истории. Поэтому норвальдцу пришлось повторить, чтобы я отреагировал. Я почти машинально вышел за дверь и дошёл до кабинета Менаги. Здесь всё было так же, как во время моего первого визита. Всё та же мебель, тот же пустой флагшток. Только теперь само это место казалось обителью чудовища, поставившего Антарту на грань гибели.

Я ничего не понимал. Зачем Менаги подставил рабочих с «Источника» под обстрел? Или он всё же не знал, что у заключённых будут заложники? Тогда зачем пытался убить нас? Потому что мы видели свалку? Видели, что никаких экспедиций нет?

Я взял нож для писем со стола и подобрался к шкафу. Несколько раз потыкавшись не в те щели, я, наконец, нащупал доску, которая поддалась. Я приподнял крышку тайника и запустил руку внутрь. Там лежало что-то с металлической ручкой. Потянув за неё, я вытащил маленький синий ящик из металла. На его лицевой стороне был кодовый замок.

Вместе со своей находкой я вернулся обратно.

— Какой здесь код? — спросил я у Менафа. Впервые за последние несколько часов мой голос был твёрд.

— Три, семь, девять, — продиктовал Менаф.

Я выкрутил нужные цифры на панели. Замок со щелчком открылся. Внутри были всё те же паспорта. На всех этих людей. Сомнений больше не оставалось. Лассон взял у меня коробку, вытащил документы и начал перебирать их. На одном норвальдец задержался, потом отправил под низ стопки, как и предыдущие. Просмотрев ещё несколько, он вдруг бросил их все на стол и снова достал револьвер.

Лассон подошёл к Менафу вплотную, глядя в его раскрытый глаз, и заговорил. В его

голосе не было ненависти или жестокости, но он производил только ещё более жуткое впечатление, потому что слова совсем не соотносились с этим спокойным, убеждающим тоном:

— Пальцы мы тебе вправим, — говорил он, — и лицо заживёт. Но есть то, что не заживёт.

С этими словами Лассон медленно приставил револьвер к колену пленника, а тот инстинктивно поджал ноги.

— Я буду задавать тебе вопросы, — продолжал норвальдец, — за каждый неправильный ответ, я буду делать с тобой то, что никогда не пройдёт, никогда не излечится. Для начала размозжу тебе колено. Я оставлю тебя в живых. Но чем больше будет неправильных ответов, тем более непереносимым я сделаю остаток твоей жизни. Ты понимаешь, что я говорю?

Пленник закрыл глаз, сглотнул, открыл и ответил кивком. Я смотрел на всё это в ужасе.

— Итак, Менаф или Айга или как там тебя правильно? Здесь ведь нет твоего настоящего имени?

Менаф кивнул.

— Ты работаешь в разведке Лакчами?

Я увидел, как пленник зажмурился, а по его лицу стекла слеза. Он открыл глаз и снова кивнул. Я не поверил своим ушам. Это была чушь какая-то. Я взял паспорта и начал их перебирать, пока не наткнулся на фотографию Менаги в одном из них. Только вот, судя по документу, он был никакой не Менаги, а Гай Шайа. А в двух других, которые даже не были лакчамскими, у него оказались другие имена. Держа в руках эти личины нашего лидера, нашего героя, я перевёл взгляд на Менафа, которому дуло револьвера продолжало упираться в колено. Меня больше не тошнило от вида этих пыток. Я снова чувствовал только ненависть.

Лассон продолжал гипнотизировать пленника:

— Вся эта революция в Антарте — ваших рук дело?

Менаф снова зажмурился. И медленно кивнул.

Я окончательно потерял нить. В голове лишь тупо отдавалась фраза, случайно брошенная Лассоном на маяке. «Как только правительство Лакчами бросило проект...»

Пленник внезапно разрыдался. Кажется, у него совсем сдали нервы.

— Я просто хотел... — говорил он сквозь слёзы. — Я никогда не был на настоящем задании... Они сказали, что это важная миссия...

Лассон молча слушал его, не прерывая и не угрожая больше. А Менаф продолжал:

— Они говорили, что вы — предатели, бузотёры... которые шумят и бунтуют, когда для нашей страны наступили... я не помню, что они говорили... тревожные времена...

— В чём ваша миссия? — спросил Лассон.

— Проект был... непопулярен... Новые месторождения не находили, а ситуация здесь становилась всё хуже... Когда от центра поступила информация о том, что Антарту ждёт истощение... — он снова закашлялся, — все поняли, что вас придётся эвакуировать... Но они говорили, что вы предатели, а стране... стране не нужна кучка предателей, которая... будет делать в Лакчами то же самое, что и здесь... Они сказали, что вы подрывные...

— В чём ваше задание? — снова спросил Лассон.

— Я же рассказываю... — жалобным голосом произнёс Менаф.

Не был он похож на разведчика. Хотя я знал обо всех этих службах только по книгам и паре фильмов, где все герои были настоящими офицерами с кодексом чести и готовностью терпеть что угодно ради своей страны. А передо мной сидел мальчишка моего возраста, которому было больно, который был запуган и сбит с толку. Мне даже было его жаль, хотя он оказался нашим врагом.

— Тогда появился план, — продолжал пленник, — возглавить зарождавшийся протест, подсунув несколько администраторов, которые, в отличие от предыдущих, поддержат претензии бунтовщиков. Но они должны были настаивать не на снижении рабочих норм и гарантиях... Они должны были продвигать идею независимого государства.

— Как насчёт политических рисков? — недоверчиво спросил Лассон.

— Они были, они всегда есть. Антарта никогда не была и не могла быть ничьей колонией по договору. Но договор никак не регулировал вопрос создания государства прямо здесь. При воплощении плана получалось, что Лакчами уважает международные договорённости, не теряет своих территорий, но остаётся «пострадавшей» стороной. Пострадавшей от предателей, от которых сразу же избавляется. Это риск... но это же и преимущество...

Он сделал небольшую передышку. Менаф прекратил рыдать и продолжал уже более спокойно, но его голос был гораздо ниже, чем до этого:

— Они накачивали всем этим лакшамов. Что мы по-прежнему сильны, что мы одновременно пострадавшие от врагов и что мы сбросили балласт из «гнилых элементов». Газеты вас преподносили так же, как заключённых, сидевших в местной тюрьме. То, что произошло вчера, для лакшамов произошло в момент революции. Обыкновенный бунт бандитов...

...И Лакчами поставила всё это режиссировать Менаги и его команду. Они были не на лучшем счету. Менаги сильно прокололся в Южной Меласе. Миссия обернулась полным провалом тогда. Его понизили в должности и чуть не отдали под трибунал. А потом ему

выпал шанс восстановить свою репутацию и вернуться на полноценную службу. Они предложили ему и его группе устроить переворот в Антарте. В условиях, где правительство Лакчами и так будет поддаваться бунтовщикам. Меня приставили к ним просто как к не самым надёжным оперативникам, чтобы наблюдать и передавать информацию об их действиях и о положении в целом в центр. Тогда я даже не думал о том, почему именно меня назначили к ним в группу. Просто считал, что, наконец-то, выпал шанс сделать что-то важное... Поучаствовать в чём-то большем, чем перебирание бумажек... Менаги поставили руководителем проекта, остальные оказались на разных должностях в администрации и на других станциях. В итоге у него была готовая сеть организаторов. Вместе они подняли уже и так разогретые массы, получив исключительную репутацию в Антарте. Это позволило им монополизировать здесь власть, попутно выдавив других популярных бунтовщиков, и взять под свой контроль переговоры с Лакчами...

— Какие переговоры? — спросил Лассон.

— Переговоры о независимости, о её условиях, — ответил Менаф. — Суть нашего задания состояла в том, чтобы поиски топлива продолжались, но уже силами самой Антарты. Без дополнительных инвестиций. И если произойдёт чудо и континент снова превратится в золотую жилу — обеспечить переход страны обратно под контроль Лакчами.

— Каким образом?

— Договор... Никто не платил за оборудование, за станции. Всё это принадлежит Лакчами. Все видели Манифест о Независимости, но никто не обратил внимания на кипу документов, которые к нему прилагались. Фактически всё имущество Антарты сдано в аренду под сумасшедшие проценты. Договор бессрочный, но Лакчами вправе затребовать деньги в любой момент. Если Антарта будет не в состоянии рассчитаться, — а это неизбежно, если только здесь не обнаружится океан топлива, — весь «коммерческий проект» по добыче переходит в собственность Лакчами. Тогда Антарта как государство остаётся фикцией — людьми с землёй, на которой практически бесконтрольно может хозяйствовать Лакчами. Каждая постройка здесь принадлежит им. Вам даже негде будет жить. Задача Менаги состояла именно в том, чтобы в переговорах участвовали исключительно его люди, которых рабочие считали независимыми друг от друга бунтовщиками.

— Как вам удалось всё это скрыть?! — удивлённо спросил Лассон.

— Нам и не приходилось — никто не интересовался деталями... Люди изначально не собирались строить своё государство. Да и перспектива застрять в Антарте была не из радужных, но Менаги продал это как мечту рабочим. Он рассказывал сказки о «доле Лакчами», которая постоянно уходит из бюджета колоний за океан. И что если эта доля останется в Антарте, то континент можно будет преобразить таким образом, что жизнь местных не слишком уступит жизни в Лакчами. Конечно, здесь не вырастишь леса... но построить комфортный для жизни город возможно, хотя далеко и не так просто. Об этом Шолла ещё в начале Освоения говорил, а он стал местным идиолом задолго до Менаги. Поэтому рабочие проглотили всю эту брехню, даже не поперхнувшись. А потом Менаги оставалось только кормить рабочих завтраками, обещая, что мы вот-вот решим насущные проблемы и построим все эти прекрасные города. Но больше всего люди хотели даже не этого. Они желали, чтобы прекратилось откровенное угнетение, чтобы им справедливо платили — что и было сделано.

— Разве?! — невольно вырвалось у меня.

— Разумеется, оплата так и не стала нормальной. Но вы знаете, чем это мотивировали. Почти всё время Менаги говорил, что мы выстраиваем инфраструктуру, что это требует денег. Потом он стал поднимать нормы работы из-за этого. Затем была история с экспедициями. Но люди больше не бунтовали. Они были уверены, что в руках «своих» всё будет в порядке. А каким образом эти «свои» всем будут управлять, как будут организовывать — никого не волновало. Каждого заботила лишь собственная работа и семья — своя привычная зона ответственности.

Мой мир на глазах переворачивался с ног на голову. Я чувствовал себя ошарашенным всей этой историей. Мне хотелось удержать всё так, как было раньше. Я искал способы опровергнуть эту историю, я был почти уверен, что Менаф лжёт и тянет время. Менаги — герой и освободитель Антарты — никак не мог оказаться её злейшим врагом, да ещё и прислужником наших бывших угнетателей. Но я вспоминал все эти короткие ремарки, которые делал Лассон с тех пор, как оказался с нами. Как он замечал, что вся наша революция прошла слишком бескровно, слишком гладко. Он был прав. Он догадывался об этом с самого начала. А кипа паспортов не оставляла вообще никаких сомнений.

— Всё пошло не так, как мне говорили, — продолжил Менаф. — Сначала я узнал, что вы — просто обычные работяги. Я узнал, в каких условиях вы жили до революции. А потом я узнал, что почти вся эта операция никому не нужна. Поэтому на неё и бросили Менаги — потому что он тоже никому не был нужен. Я исправно составлял отчёты и отправлял их наверх, но не получал никаких указаний, кроме как продолжать наблюдения. Менаги затягивал с экспедициями, и никого это не волновало. Я знал об истощении заранее, но не представлял, насколько Лакчами в нём уверены. Всё давно подсчитано и измерено. Антарта почти высушена. А вот вывозить вас отсюда было дорого. Да и это не главное. Главное, что Лакчами не нужны были тысячи людей, готовых открыто выступить против правительства. По факту это было вашим изгнанием, просто физически вы никуда не уезжали. Это ваша родина уехала от вас. А договор был лишь рычагом на всякий случай...

...Всё, о чём мне говорили перед этой миссией, было ложью. Нет никаких предателей. Есть загнанные люди, которых выжимали как лимон. Да, здесь платили в среднем больше, чем за работу дома, но со временем вас превратили в чернорабочих, которым не позавидует самый распоследний батрак в Лакчами. Я узнал о том, как оплата урезалась, желающим уехать ставили препоны, а смены увеличивали. Они могли всех вас расстрелять или посадить за решётку, рассказав дома о мятеже. Никто не узнал бы правды. Правительство хотело сделать из вас послушных рабов, пытаясь поскорее выжать из Антарты всё, что ещё можно было. И наконец сбросить этот некогда перспективный проект, превратившийся в провал ещё до революции. В последнее время добытого топлива хватало лишь на то, чтобы продолжать работы, а сверху приходилось вкачивать сюда дополнительные ресурсы. И это на фоне малайской нефти! Не было никакой важности в моей миссии. Да, вначале они хотели чтобы я проследил за тем, как Менаги берёт в свои руки бунт. Но потом меня просто бросили здесь вместе с ним. И с вами.

А ещё позже я узнал, что сам Менаги всё это время водил меня за нос. У Антарты есть счета, на которые переводятся деньги от продажи топлива. Только вот часть прибыли переводится не на них, а на счета группы Менаги. Другая часть — официально по нашему заданию — должна была обходными путями оказаться собственностью правительства Лакчами. Это ничтожные суммы для такой большой страны, но с паршивой овцы — хоть шерсти клок. Менаги никогда не собирался проводить экспедиции, он хотел дожать Антарту

и вернуться домой с выполненным заданием и огромным счётом в банке... И знаете что? Я добросовестно выполнял свою работу! Я сообщил о том, что он ворует, как только узнал. И не последовало вообще никакой реакции. Менаги рассмеялся мне в лицо, когда куратор поделился с ним моими отчётами. Просто кураторы тоже получали свою долю. С тех пор Менаги начал меня обрабатывать. Он показывал мне, что и наша организация, и наше правительство — вовсе не то, чем кажутся. И сегодня они добровольно позволяют нам обогатиться за счёт «предателей», которые были рады отвернуться от своей родины. Всё это было огромной кучей дерьма! Но по его словам, всё получалось так складно! Мы — истинные патриоты и герои — получаем свои «дивиденды» за выполнение долга перед родиной, пока удерживаем кучу бунтовщиков там, где им и место — в огромной ледяной тюрьме. Бунтовщики расплачиваются за своё предательство, работая на благо родины. Лакчами не заботит судьба проекта в действительности, поэтому мы просто дожимаем местные месторождения. «Читай между строк!» — говорил он мне. Читай между строк, на которых официально обозначены наши задачи.

Но ему всё время было мало. Чем дальше, тем более жадной становилась вся группа. Все хотели выбраться отсюда поскорее и с максимально большими суммами на счетах. Поэтому он снова стал наращивать темпы. Он постепенно возвращал старые порядки, от которых вроде как сам и избавил. Но ему нужно было объяснение. У нас уже начали происходить маленькие инциденты. Одна из станций пригрозила забастовкой. Они не поверили в его сказки о светлом будущем, узнавая в настоящем своё мрачное прошлое. Менаги в тайне от других колоний резко понизил нормы для этой станции. А как только всё немного улеглось, заявил о проведении экспедиций. Ну а чтобы окончательно заткнуть всем рты, объявил об истощении, хотя центр запретил нам упоминать об этом! Менаги много всего вытворял, на что Лакчами была готова смотреть сквозь пальцы. Но это было прямым нарушением приказов! Репутация Лакчами не должна была страдать от его действий. Не могла она уйти, зная что все жители Антарты обречены.

Но тогда уже можно было делать вообще всё, что ему хотелось. Почти все покорно отдали машины для экспедиций. Только вот никаких экспедиций не было! Можете уж мне поверить — я же должен был их комплектовать! Менаги нанял кучу рабочих в Меласе, говоря, что это позволит сохранить ресурсы станций. На самом деле ему нужны были люди со стороны, чтобы перегнать вездеходы со всей Антарты на пустырь, где их никто не найдёт. А потом он отправил этих людей обратно. В порту вообще никто толком не знал, что происходит, да и главой его после революции стал один из наших людей. Таким образом Менаги не только создал легенду, но и лишил колонии последнего неподконтрольного ему источника связи. Никто больше не мог покинуть станцию без его ведома, никто не мог узнать, что происходит на самом деле.

Но он стал очень подозрительным. По мере того как Менаги всё больше одолевала жадность, в нём росла и паранойя. Он всё больше опасался, что кто-то узнает о его проделках. Он всё меньше доверял местным. И тут случился этот бунт в тюрьме. Менаги за всё время о ней даже не вспоминал. Для него зэки были ещё более незначительными людьми, чем вы. Он лишь распорядился не допускать там утечки о революции, о том, что солдат больше нет в Антарте. Но они всё равно как-то узнали. У Менаги была паника, когда ему сообщили. Он долго не мог принять решение, прежде чем собрал отряд для штурма тюрьмы. Он долго отбирал, кто именно отправится. Сначала он хотел укомплектовать его полностью из наших людей, но потом передумал. Я не понимал, что с ним происходит, а он

просто сходил с ума от своей подозрительности. Кажется, он считал, что бунт каким-то образом напрямую связан с его планами. И что некоторые люди на «Январе» в курсе всей нашей «операции». В итоге, когда отряд выехал, прошло уже слишком много времени. Появилась идея о том, что зэки могли пойти на какую-то другую станцию, не на «Зарю», чтобы найти вездеход. Но к тому времени нигде уже не было машин, кроме тюрьмы, порта, «Января» и «Зари». В итоге Менаги принял решение отправить вас на «Источник», чтобы подстраховать это направление. Бунт нужно было срочно подавить. Но вы опоздали. Заблудились в буре и выехали к свалке. Когда он узнал об этом, он моментально начал планировать. Ему казалось, что свалка привлечёт ваше внимание и поставит под угрозу всю его «операцию». Он вышел на связь с зэками на «Источнике», узнал, что они взяли остатки персонала в заложники, и пошёл на переговоры. Менаги отправил своих людей туда на двух вездеходах, один из которых передал заключённым, чтобы те могли добраться до порта. По плану вы должны были встретить зэков и ввязаться в провальную перестрелку. Скорее всего у них всё равно не было бы шансов, но они могли убить хотя бы кого-то из вас. А уж после этого Самманч должен был перебить оставшихся и выдать всё это за действия бандитов. По легенде, зэки не смогли уплыть, а подоспевшая с «Января» группа с ними расправилась. Тогда оставался бы только «Айсберг». Но хотя бы от его уничтожения Менаги кое-как отговорили. Вряд ли у норвальдцев там в головах отложится рассказ о свалке на фоне гораздо более громких событий. Но видевших кладбище техники своими глазами все считали угрозой.

Я не мог больше этого выносить... Менаги давно предал нашу страну. А наша страна предала вас... Я лишь знал, что его нужно остановить, но не знал как. Но услышав, что у вас есть оружие, что вы в порту, я подумал, что смогу выдать его, а дальше всё покатится как снежный ком. Что всей этой операции придёт конец. Я же... я просто хотел... сбежать отсюда... с меня хватит лакчамской политики...

Вы получили сообщение. Вы выжили. И вот вы здесь. Оставшиеся двое людей Менаги в здании. Начальник порта ждёт сигнала, чтобы вернуться. Сам Менаги незадолго до вашего прихода ушёл. Кажется, он заподозрил что-то, когда Самманч так и не вышел на связь... Мне оставалось дожидаться возможности проникнуть в рубку и сломать рацию. Я хотел уехать в порт и сообщить на корабль, что операция провалена, и мы должны бежать. Пока у них есть связь с «Январём», они легко могут проверить мои слова. А так расклад был бы совсем другой.

Но я так и не дождался... Вы появились на пороге. Нужно было бежать так, но у меня не получилось... Остальное вы знаете...

Лассон выслушал всё это, почти не прерывая. Я не мог понять, поверил он в эту историю или нет. По нему вообще сейчас ничего невозможно было сказать. Но когда пленник закончил, норвальдец наклонился к нему и спросил:

— Где, ты сказал, сейчас Менаги?

— Менаги отправился в тюрьму, — ответил Менаф, — чтобы привести отряд сюда, — на случай, если вы выжили. Я не знаю, что он им наплетёт, но в любом случае выйдет так, что вы — уцелевшие бандиты....

Менаф был уже совершенно спокоен. Мне казалось, что он подавлен, что он в отчаянии и совсем не от того, что с ним только что сделал Лассон. Этот человек был сломлен уже давно. А ведь он пытался выполнять свой долг, даже когда этот долг обернулся ложью, равнодушием и алчностью его наставников.

— Люди, кого отправили штурмовать тюрьму... — снова заговорил Менаф. — Связь была нарушена во время бунта. Они съездили и никого не нашли. А когда вернулись, Менаги отправил их обратно, чтобы они начали наводить там порядок. К тому моменту мы уже занялись выездом последней группы заключённых в порт. Почти все зэки погибли в самом бунте. С отрядом нет связи, они вообще не в курсе чего-либо.

— Разве здесь больше никого нет? — не поверил норвальдец.

— Вы, наверняка, видели арсенал — у нас почти не было оружия. Когда Лакчами уходили из страны, солдаты, разумеется, забрали с собой всё снаряжение. А в Антарте оружие никогда не было нужно. Разве что в тюрьме. Здесь был небольшой арсенал, но только на крайний случай. Преступность-то минимальная! Страшнее пьяной поножовщины время от времени здесь ничего не происходит.

— В отряде нет ваших людей?

— Нет, это простые рабочие.

— Хорошо, — сказал Лассон, встал и обратился ко мне, — собери документы Ашвар, — а потом снова повернулся к Менафу. — Идём.

— Куда? — спросил он почти равнодушно.

— Нам нужно всё это предъявить людям в зале. И заодно повытаскивать оттуда твоих «друзей». Посмотрим, подтвердят ли они твою историю.

— А как же Менаги? — спросил я.

— Сейчас разберёмся с этим. Хватит уже удерживать остальных под прицелом. Нужно поторапливаться. Мы потратили много времени. Скоро Менаги доберётся до тюрьмы, и тогда нам придётся что-то объяснять людям, которые будут в нас стрелять.

Люди в конференц-зале перепугались вновь, когда увидели избитого Менафа со связанными руками. Лассон привёл Меката и Ижу, которые сразу же вытащили из толпы двух людей, чьи лица мы видели на поддельных документах. Их обыскали и усадили в отдельном углу. Они старались не подавать виду, что понимают что-то в происходящем, но мне каждый их взгляд казался доказательством вины. Менаф при всех пересказал то, чем поделился с нами, а Лассон предъявил остальным стопку паспортов.

Один из обвиняемых принял рассказ молча. Когда Менаф перечислял имена и говорил, кто на какой должности оказался в современной администрации, второй бросился на него с криком: «Ах ты сука!», но сразу же получил удар прикладом в живот от Ижу. Он больше уже не перебивал Менафа, хоть и пожирал глазами.

Они не пытались ничего опровергать, они вообще ничего не говорили. Это был провал, и они об этом знали. Без этих паспортов можно было бы что-то выдумать. Без Менафа можно было бы, по крайней мере, избежать прямого обвинения в связях с Лакчами. Но теперь им ничего не оставалось. По совету Лассона, обоих заперли в небольшой комнатухе без окон. К ним приставили Маги. Менафа оставили в одном из кабинетов под наблюдением Галаша.

Времени прошло уже слишком много. Менаги скоро доберётся до тюрьмы. Это уже было неважно. Нам оставалось дожидаться, когда он вернётся, и взять его прямо здесь. Но планы изменились. Пока мы всё это обсуждали, пришёл Ижу со старшим механиком, который несколько минут пытался прорваться в администрацию. На вопрос Лассона, что ему нужно, механик принёс неожиданные новости:

— Один из моих ребят сказал, что Менаги взял жёлтый вездеход администрации. То

есть он мне об этом сразу не доложил, придурок, а между делом заметил десять минут назад!

— А что такого в этом жёлтом вездеходе? — спросил Лассон.

— Да проشياпили мои его, когда с другими разбирались! Глохнет, сволочь! Разгоняется-то нормально, а как немного скорость сбрасываешь, иногда движокдохнет. А завести после этого — это попотеть надо! Надо бы отправить кого следом, а то Менаги застрял уже поди, замёрзнет нахрен!

Мы переглянулись с норвальдцем. Может быть, Менаги вообще не доехал до тюрьмы? Мы могли поймать его прямо на дороге, где он будет совсем один.

Лассон собрал наших людей, оставив лишь Маги и Галаша охранять пленников. Вездеход, на котором мы приехали, всё это время простоял на морозе, и завести его было трудно. Поэтому мы взяли в гараже другой и бросились в погоню.

Поначалу я сильно волновался, думая, что на нашем пути вот-вот появится жёлтый вездеход, но мы ехали всё дальше и видели лишь белые холмы да чёрные горы. Потом я успокоился и в какой-то момент чуть не задремал, удивившись, что меня вообще клонит в сон в такой момент. У меня было ощущение, словно я застрял где-то между бодрствованием и миром снов. Сегодня мои нервы всё время были на пределе. Весь день я то потел от жары в куртке и напряжения, то мёрз, выходя на улицу во взмокшей одежде.

Когда я немного успокоился, то просто наблюдал, как одни снежные сугробы сменяются другими, а с неба падают хлопья. Мысли незаметно испарились из моей головы, а вокруг не было ничего, кроме мерного шума двигателя и просторов Антарты. Я не знаю, сколько времени провёл в этом состоянии, пока в полудрёме не вспомнил, куда мы едем. Тревожные мысли и картины снова начали появляться одна за другой. И я вдруг удивился тому, что со мной произошло. Конечно, волнение не покидало меня полностью, но на какой-то миг я оказался в полной безмятежности. Казалось бы, унылая и однообразная картина за окном должна была производить давящее впечатление, но в тот момент в ней было что-то сказочное.

Всё время, что мы провели, сражаясь за свои жизни и гоняясь за Менаги, эта тревога была фундаментальной. Каждое новое откровение в этой жуткой истории казалось прочно вплетённым в реальность. Всё было действительно важным. И это чувство безмятежности, пойманное ретроспективно, когда оно уже почти улетучилось, абсолютно диссонировало со всем происходящим. Словно на несколько мгновений мне удалось увидеть всю историю последних двух дней как фильм на экране. Сегодняшние смерти, страх и резкая, оглушающая стрельба не перестали существовать, но стали просто набором картинок и мыслей в моей голове. А сейчас было лишь покачивание машины и белые волны за окном, и это было... прекрасно...

Но как только я начал задумываться об этом, весь сегодняшний кошмар снова превратился в реальность, хотя невозможно было рационально объяснить, что же поменялось. Я снова ощутил лёгкую дрожь, а моя душа обледенела от воспоминания о том, куда и зачем мы едем. Я пытался уцепиться за отступающее чувство покоя, но не находил никаких его свойств, которые можно было бы воспроизвести — несмотря на то, что минуту назад оно было здесь.

От всего этого меня отвлёк Лассон, окончательно вернув в наши реалии:

— Мы не успели, — сказал он.

Я посмотрел вперёд и увидел вышки, торчавшие над окружавшими их невысокими

скалами. Эти вышки стояли по периметру тюрьмы. Менаги был где-то там. Он успел добраться, но ещё не повёл отряд обратно.

Лассон не стал заводить вездеход в тюрьму, а остановился на повороте, метрах в пятидесяти от ворот. Они были распахнуты, но въезд всё равно частично скрывался холмом. Норвальдец крикнул в окно пассажирского отделения:

— Приехали. Пойдём, посмотримся!

Мне не понравилось это предложение, но ничего другого я не мог придумать. Поэтому я взял своё ружьё из-за сидения и вышел из машины. Внутри я сидел в куртке и снова вспотел. Вылезая наружу из духоты, я даже ничего не надел на голову, желая немного освежиться. Лассон не стал глушить мотор, чтобы нам снова не пришлось иметь дело с замёрзшим двигателем. Когда все высадились, мы обогнули холм и не спеша направились к тюрьме. Её чёрные каменные стены мрачно возвышались рядом и производили давящее впечатление. Через открытые ворота я увидел пустой двор и главный корпус тюрьмы, в котором раньше сидели заключённые.

Норвальдец разделил нас и направил по краям дороги. Когда мы дошли до стены, я обратил внимание, что ворота местами издырявлены пулями. Лассон заглянул внутрь и сказал:

— Никого не видно. Нужно найти их.

— Что мы будем делать? — спросил Нанг.

— Он нас не ждёт. Мы найдём отряд, арестуем Менаги и всё им расскажем.

— Что если они примут нас за зэков?

— Если бы преступники сами приходили в тюрьму, мир бы здорово сэкономил на полиции.

Это снова пахло риском. Может быть, стоило вернуться на «Январь» и придерживаться первоначального плана. Эта идея Лассона казалась гораздо менее продуманной, чем предыдущие. Словно он просто хотел поскорее со всем покончить. С другой стороны, вряд ли кому-то пришла бы в голову идея, что бандиты переоделись и вернулись сюда. Даже если бы они не смогли прорваться в порт и сбежать, то скорее бы укрылись на ближайшей станции.

Лассон повыше натянул маску, чтобы его белое лицо не так бросалось в глаза, и дал сигнал заходить. Остальные двинулись следом. Меня всё больше одолевала тревога, и я поспешил вперёд. На мне не было ни шапки, ни маски. Я уже успел пожалеть об этом — мороз брал своё.

Моё внимание привлекло здание справа. Оно было деревянным и полностью сгорело, а местами обрушилось. Наверно, это была администрация. Но я быстро забыл о ней, потому что сомнения в нашем плане окончательно заполонили мои мысли. Я решил догнать Лассона, который быстрым шагом шёл впереди, и попросить его вернуться.

Но я не успел с ним поравняться, как в воротах главного корпуса открылась дверь, и оттуда начали выходить вооружённые люди. Между нами оставалось большое расстояние. На их лицах были тёплые маски, мешавшие кого-либо опознать. Они остановились, заметив нас. И тут я увидел одного человека, у которого за спиной не было винтовки. Он посмотрел прямо на меня и вдруг крикнул:

— Это они!

В его руке возник револьвер, и он начал стрелять в нас. Следом за ним остальные тоже схватились за оружие. Кажется, никто не ожидал такого поворота, потому что не только я

замер в этот момент. Но Лассон повелительно крикнул:

— Назад!

Он отреагировал молниеносно и уже был далеко впереди, когда мы бросились следом.

— Назад! Отходим к воротам! Живо!

А за спиной у нас градом раздались хлопки выстрелов. Каждый из них подстёгивал меня, придавая скорости. Я бежал, пригибаясь и глядя себе под ноги. Казалось, это продолжается целую вечность. После первого нестройного залпа всё затихло на какое-то невероятно долгое мгновение, во время которого можно было слышать лишь эхо да хруст снега под ногами. Но хлопки раздались снова. Хотя я оставался невредимым, каждый выстрел вспарывал сознание, а мышцы лихорадочно дёргались от ужаса.

Но, наконец, я добрался до спасительного угла и спрятался за ним. Снег перед входом подлетал от взрывающих его попаданий, а следом продолжала нестись эта адская канонада.

— Вот ведь суки! — услышал я чей-то голос.

Я поднял голову и увидел, что Мекат, спрятавшийся за противоположной стеной, высунулся и сделал выстрел в ответ, а потом резко нырнул обратно, перезаряжая винтовку. Рядом с ним в растерянности застыл Вайша. Справа от меня, у стены, стоял Лассон и истошно кричал Мекату:

— Не стрелять! Прекратить огонь! Пре-кра-тить огонь!

До меня вдруг дошло, что я не вижу Нанга. Я оглянулся в тревоге и вдруг с облегчением обнаружил его слева от себя. Мекат продолжал стрелять, а Лассон, переждав очередь выстрелов из-за стены, сорвался с места. Норвальдец быстро в три прыжка преодолел открытое пространство и повалил Меката на снег. Тогда меня снова охватила тревога — нигде не было Ижу. В этот момент от стены рядом со мной на безумной скорости отлетели мелкие камешки. Откуда-то изнутри, словно из самых глубин моего естества, поднялся неконтролируемый, исполненный ужаса, крик. Я смотрел в облака и кричал, когда мне вдруг показалось, что я вижу в небе лицо. Его черты вдруг вынырнули из белизны, став очень чёткими. На голове была корона, будто состоящая из лезвий. Меня настолько удивила эта картина, что я прекратил кричать. Моргнув, я обнаружил лишь облака.

Из тюремного двора снова раздался залп. Я вжался в сугроб за спиной, будто бы пули могли каким-то образом обогнуть стену и попасть в меня. Лассон поднял Меката, что-то прокричал ему и толкнул в сугроб. После этого норвальдец прижался к стене, от которой постоянно во все стороны разлетались осколки. Лассон стоял так несколько мгновений, дожидаясь перерыва в стрельбе, а затем поднял голову и закричал изо всех сил:

— Прекратите стрелять!

На его зов ответили новые ружейные выстрелы.

— Прекратите стрелять! Мы — свои! Прекратите стрелять!

Норвальдец повторил это раз десять, прежде чем интенсивность стрельбы наших нечаянных противников стала реже. Наконец, после очередного «прекратите стрелять!», в тюрьме воцарилась тишина. Она зависла на несколько секунд, но потом мы услышали голос издалека:

— Вы кто такие?!

— Рабочие с «Зари»! — ответил Лассон. — У нас есть удостоверения! Мы тоже участвуем в подавлении бунта!

— Да ну?! — недоверчиво раздалось с той стороны.

Лассон повернулся к Вайше и что-то сказал. Тот что-то возмущённо ответил.

— Потому что свои я так и не нашёл! — донёлся до меня голос норвальдца.

Вайша на мгновение задумался, а потом согласно кивнул, хотя, кажется, был недоволен их перепалкой. Он отдал своё оружие Лассону и хотел сделать шаг вперёд, но норвальдец схватил его за куртку и остановил, после чего снова крикнул в небо:

— Мы отправим к вам одного человека. Он не вооружён. Он предъявит вам документы. Не стреляйте! Идёт?

На некоторое время снова зависла тишина. Лассон смотрел в небо так, будто ожидал, что голос должен ответить ему оттуда. Я тоже посмотрел вверх. Только пасмурные серые облака равнодушно проплывали над нашими головами. Но вот из двора раздалось:

— Идёт!

— Только не стреляйте в него! Он безоружен! — повторил Лассон.

Он отпустил Вайшу, и тот сделал несколько неуверенных шагов, высовываясь из своего укрытия и держа руки над головой. Он остановился на несколько мгновений, словно готовясь прыгнуть обратно, если снова раздадутся выстрелы. Но ничего не происходило, и Вайша так же неуверенно зашёл во двор, скрывшись от моих глаз. Лассон, чуть высунувшись, наблюдал за тем, что там происходит. Это ожидание, казалось, было ещё тягостней, чем стрельба минуту назад. У меня внутри всё прыгало, словно уловило какой-то inferнальный ритм в перестрелке. Мне безумно хотелось вскочить и бежать отсюда прочь или хотя бы выглянуть из-за угла, чтобы увидеть, что происходит внутри, но я не решился. Да и Лассон подал нам с Нангом знак рукой, чтобы мы не двигались.

Время снова замерло. Все оставались в одних и тех же позах, и снова только падающий с небес снег напоминал мне о том, что оно всё-таки движется. Даже Мекат продолжал лежать в сугробе без движения и только вращал глазами из стороны в сторону.

— Хорошо! — наконец долетело из двора. — Вы можете выйти! Только без оружия!

Лассон снял со своего плеча винтовку и прислонил к стене, махая нам рукой, чтобы мы сделали так же. Мекат резко и тихо что-то сказал ему, но норвальдец шикнул в ответ. Нанг обошёл меня и поставил оружие у забора. Мекат, кажется, нехотя, но сделал то же самое. Лассон медленно вышел из-за стены, держа руки над головой, за ним последовали Нанг и Мекат.

— Нам нужно позаботиться о нашем человеке! — крикнул Лассон.

— Хорошо! — снова донеслось из двора.

Норвальдец, не опуская рук, повернулся ко мне и сказал:

— Ашвар! Беги за аптечкой, срочно!

Я с трудом поднялся из сугроба, в который врос за это время. Прежде чем кинуться к вездеходу, я обернулся и увидел двор. Почти в самом его центре находилась группа людей, которые продолжали целиться в нас. Хоть и не все. Рядом с ними стоял Вайша. Остальные из наших медленно двигались к ним. И тут я увидел, что между нами и ними на снегу лежит человек. Он не шевелился. Это был Ижу. У меня сжалось сердце, я отвернулся и побежал к вездеходу.

Когда я добрался до машины, то обнаружил, что в одной руке всё ещё сжимаю винтовку. Вдруг до меня долетел шум из тюрьмы. Это была не стрельба. Это был звук двигателя, который работает на пределе. Следом за этим раздался крик:

— Берегись!

Я сделал несколько быстрых шагов назад, чтобы выглянуть из-за холма, и увидел, как к выезду из тюрьмы движется жёлтый вездеход. Я сразу понял, что это Менаги. И в этот

момент я ощутил ярость. Страх и волнение улетучились в один миг, оставив место лишь для ненависти. Я бросился к нашему вездеходу, открыл дверь, закинул внутрь винтовку, а следом забрался сам. Двигатель всё ещё работал, поэтому я сразу поддал газу и начал резко выворачивать за холм. Менаги уже миновал ворота и нёсся к повороту. Я повёл машину навстречу так, чтобы мы могли разъехаться. В груди разливался жар, и казалось, что всё внутри закипает. Из ворот следом бежал человек. Остальные просто стояли в замешательстве.

Когда жёлтый вездеход оказался в паре десятков метров от меня, я стиснул зубы и резко повернул к нему. Он врезался в мою машину, отчего меня чуть не ударило о приборную панель. Я дал по тормозам и услышал, как двигатель жёлтого вездехода надрывно взвыл, словно Менаги пытался сдвинуть меня с дороги. Через секунду он сбросил обороты и сразу же заглох.

Я открыл дверь, схватил винтовку и выпрыгнул наружу. Я обогнул свой вездеход сзади, вынырнув из-за кузова и вновь краем глаза заметив человека, который бежал сюда. Я вскинул ружьё. Передо мной стоял Менаги. Он собирался бежать, но когда я выскочил прямо на него, резко остановился.

— Это всё из-за тебя! — сквозь зубы прошипел я.

В этот момент всё вокруг исчезло. Я видел только его напуганное лицо. Я целился ему прямо в грудь и стоял совсем близко.

— Это всё из-за тебя! — повторил я.

Мои мышцы были напряжены до предела, и по ним разливался тот жар, что был в моей груди. Казалось, у него просто нет конца. И вдруг я поймал себя на том, что почему-то не могу нажать на спуск. Будто перед всей этой яростью, что стояла на пороге, была огромная запертая дверь. Выражение его лица вдруг изменилось. Он сам уже пылал ненавистью. Зато я чуть не задохнулся от волны страха. Каким-то полусознанным усилием я вспомнил Катана. Как его рука безжизненно указывала в пустоту с носилок. В голове промелькнула стрельба в порту, где погибли люди с «Источника». И я всё равно не мог нажать на спуск.

Всё это пролетело за мгновение. А в следующее Менаги резко схватился за мою винтовку и сильным движением поднял её стволом кверху. Я продолжал держаться за оружие, и поэтому он потянул ружьё в сторону. Я сделал несколько произвольных шагов, чтобы удержаться. Менаги прокрутил меня, как в танце, и ударил плечом об вездеход. Я упал, выпустив ружьё из рук. В этом движении мы поменялись местами.

Менаги ловко перевернул винтовку и наставил на меня, злобно процедив:

— Сраный предатель!

Второй раз за день мне в лицо смотрело круглое отверстие, скрывавшее в своей темноте смерть. Моё сердце замерло. Всего меня обдало ледяным холодом. Менаги надавил на спусковой крючок. Вот только ничего не произошло. Менаги с рычанием перезарядил винтовку, высвободив лежавшую внутри с самого порта пустую гильзу. В этот момент что-то привлекло его внимание. Менаги вдруг вскинул винтовку вверх, целясь куда-то мне за спину. И он снова не сделал выстрел. Его лицо застыло в изумлении, и он только успел чуть-чуть опустить винтовку, отстранившись от прицела, и произнести неуверенным голосом:

— Ты?..

А в следующий момент грянул выстрел прямо надо мной. Менаги, резко запрокинув голову, тяжело повалился на снег.

Я лежал, опираясь на руки, и не мог пошевелиться. Менаги тоже не двигался. Он был

мёртв. Потом я услышал хруст снега за головой, и рядом со мной кто-то остановился. А после я увидел руку, протянутую мне. Я взялся за неё, и человек поднял меня. Я стоял лицом к лицу с Лассоном. В другой его руке был дымящийся револьвер.

— Всё закончилось, Ашвар, — сказал норвальдец.

На каменном полу было холодно, но мне хотелось присесть где-нибудь подальше от остальных. В центре зала главного корпуса тюрьмы стояло несколько скамеек, а больше здесь не оказалось сидячих мест. Я занял угол, вдоль одной из стен которого были сложены тела, прикрытые тем, что попало под руку. Здесь были все вперемешку: и охрана, и заключённые, и Менаги. Я не мог себе представить, что здесь произошло во время бунта. Похоже, в тюрьме разразилось настоящее сражение. По рассказам Лассона, у меня сложилось впечатление, что всё было не настолько масштабным. Судя по тому, что я узнал, большинство тел обнаружили во дворе, рядом с главным входом в блок для заключённых. Словно после начавшегося бунта им дали выбраться из здания, а потом расстреляли с разных сторон.

Я не хотел думать об этом. Всё закончилось, и мне хотелось просто сидеть здесь. Больше не трястись от страха, не тонуть в сомнениях. Наконец-то можно было немного передохнуть. Бой произошёл здесь меньше двух суток назад. И он уже казался историей, чем-то из прежнего мира, который навсегда изменился.

Ко мне подошёл Лассон и присел рядом, оперевшись спиной прямо на решётку одной из камер.

— Нам ещё нужно достать начальника порта, — сказал он. — Но это теперь не проблема.

Я не обратил внимания на его слова. Теперь мне необязательно было участвовать во всём дальнейшем.

— Ты знал, что Ижу вырезал игрушки из дерева? — спросил я.

— Нет, — ответил Лассон.

— Он взял одну с собой. Он даже нашёл время над ней поработать, пока мы сидели в порту.

— Ты хочешь её увидеть?

— Да.

Лассон откинул тряпье, которым было накрыто тело Ижу, лежащее здесь же, и залез в карман его куртки. Там ничего не обнаружилось. Я уже передумал и хотел попросить Виктора остановиться, но он достал фигурку из другого кармана. Движения Лассона были такими, словно ему не впервой обыскивать мертвеца. И, в общем-то, он это уже делал с Катаном. Но и тогда он был уверен в себе и ничуть не смущён. Лассон закрыл тело и передал мне игрушку. Это была незаконченная сова. У неё было одно крыло, а второе скрывалось в необработанной деревяшке. Ижу успел немного оформить голову. По ней я и понял, что это за птица.

— Они стреляли по нам без всяких сомнений, — произнёс я.

— Они думали, что мы бандиты, — заметил на это Лассон, доставая из своей куртки сигарету и прикуривая её.

— Мы недавно тоже думали, что стреляем только в бандитов. Да и...

Снова перед глазами была эта бесконечно возвращавшаяся сцена у Туннеля. Снова этот взрыв.

— Мы полагались на то, что нам передали, — сказал Виктор, — и делали то, что было приказано...

— Я ведь не сказал тебе, почему на самом деле уехал из Лакчами? — перебил его я. Лассон посмотрел мне в глаза, выдыхая дым.

— Ты упоминал, что хотел найти место, где мог что-то изменить, пригодиться.

— Да, но было событие... Я ведь говорил, что в студенчестве состоял в подпольном кружке? Мы распространяли литературу «дискредитирующего характера». Вот только этим дело не ограничивалось. Я не знал, но часть ребят готовила покушение на одного из Старейшин. Мне никогда до конца не доверяли. Они ведь знали, кто мой отец...

Я вертел сову в руках. Лассон молча курил, глядя на меня. Я продолжил:

— Они поняли, что вся наша работа не даст быстрого результата, если вообще даст какой-нибудь. И однажды они совершили это. Разумеется, ничего у них не вышло. Что может сделать кучка студентов против тренированной личной охраны верховных лидеров? В одну из ночей они напали на кортеж Старейшины. Они смогли лишь ранить кого-то из гвардии. Четверо ребят были убиты на месте. Остальных арестовали. Как и другие, я узнал о случившемся только на следующее утро. И первое, что мне сказали мои товарищи, — держать язык за зубами. Не было никаких документов, которые связывали бы нас друг с другом, а значит, мы были в безопасности, покуда молчали.

Это было так странно, это было отвратительно. Мне казалось, что мы должны раскрыть себя и вступить за своих товарищей. Кто знает? Может быть, если бы мы вели себя открыто, это сподвигло бы и другие подпольные движения выйти вместе с нами и, наконец, уничтожить этот прогнивший порядок. Но мне было страшно, и я легко поддался убеждениям своих друзей, что нам нужно скрываться, чтобы продолжить работу. Что именно этого и хотят те, кто был арестован.

Я злился на этих ребят. Ведь я не знал о том, что они задумали. В какое положение меня невольно загнали. Это была глупая и эгоистичная злость. Я даже не был знаком напрямую ни с кем из тех, кто участвовал в покушении. Не был уверен, что это хороший выход. Это приводило в замешательство. Вроде все мы были заодно, но... Распространять листовки — это да, на это я был согласен. Может быть, нам действительно нужно было перебить Старейшин, чтобы получить реальный результат для общества. Но смог бы я сделать это? Мог я хотя бы задумать такое?..

На допросе мне было страшно, но полицейский проводил его настолько формально, что принял мою тревогу за робость пай-мальчика, впервые столкнувшегося с хранителями порядка. Он знал, кто мой отец и, похоже, даже мысли не допускал, что я мог состоять в каком-то «предательском» движении.

В ходе расследования не удалось получить никаких обличительных показаний. Насколько я знаю, даже от самих нападавших. Но некоторые их контакты установили с помощью свидетелей. Это были косвенные улики, но под суд отправилось ещё несколько человек.

Все представляли себе, что ждёт нападавших: смертная казнь через добровольный приём яда. Так полагается умирать обесчестившему себя дворянину. Всё-таки они покушались не просто на главу государства, а на живой символ Лакчами. Остальным пришлось бы провести долгие годы в тюрьме и потерять все свои титулы. Но суд вынес другой вердикт. Смерть через повешение — удел головорезов и насильников с самого дна общества. На главной площади, где казни не проводились уже лет пятьдесят. Причём такой приговор вынесли не только исполнителям, а всем, кого удалось обнаружить. Это было настоящим шоком для нас. Никто не ожидал, что Старейшины так обойдутся с

благородными семьями, на которых их власть и стоит.

Эта история была слишком похожа на всё то, на чём меня взращивал отец. Та самая ситуация, когда необходимо выбирать между честью и жизнью. Дворянин всегда должен выбирать честь. Я должен был выйти и открыто объявить о том, что я — один из них. Громко изобличить эту уродливую машину Лакчами и быть готовым отправиться на эшафот. Это было полнейшее безумие, но именно так меня воспитывали. И я испугался. Спрятался.

Я не пошёл на казнь. Видел лишь изображение в газете с их висящими телами. Я чувствовал себя опозоренным. Отец забрал меня из этого «скандального» университета. Тогда я узнал об академии, открывшейся специально для нужд освоения Антарты, и поступил туда. Только бы убраться из Лакчами, сбежать от общего лицемерия и собственного позора...

Я остановился, продолжая вертеть в руках незаконченную сову, а Лассон спросил:

— Зачем ты рассказываешь это?

— Не знаю, — ответил я, внезапно ощутив какое-то отвращение. — Понимаешь, в истории с покушением я думал о чести больше, чем о чём-либо ещё. Но где честь вот в этом? — я указал на лежащие перед нами тела. — Меня всегда воспитывали так, словно честь имеет самое главное значение. В какой вселенной пересекаются вопросы чести и убийство нами рабочих «Источника»? Как поступить по чести сейчас? Застрелиться? Как будто мы могли повести себя там как-то ещё! Как будто всё произошло, потому что мы были недостаточно благородны! Слышишь, — я посмотрел на него, — насколько бредово всё это звучит?

— Ты и правда настоящий дворянин, Ашвар Шел-Тулия! — с улыбкой произнёс Лассон. — Тебя всерьёз интересуют эти вопросы! Мы выполняли приказ. Конечно, приказ от подонка, но мы не знали об этом тогда. Разве выполнять приказы — это не по чести? — последнее он произнёс с еле сдерживаемой ухмылкой.

— Да плевать мне на приказы! — выкрикнул я.

Мне снова застилало глаза, а голос начал дрожать:

— Ладно в порту. Я там сделал один выстрел — и то промазал! В Туннеле, Виктор! — по моим щекам побежали слёзы. — Я убил этих людей! Пятнадцать человек — или сколько их было?! Ты видишь, я даже не помню! Я подготовил эту ловушку, я повернул ручку детонатора! Остальные не делали ничего! Я всех их убил!

— Если бы не ты, — твёрдым голосом произнёс Виктор, — твои друзья были бы мертвы.

— Да я знаю! Ты не понимаешь... Было ли это необходимо? Да, было! Хотел бы я умереть, или чтобы мои друзья умерли, лишь бы я не совершил этого? Нет! Но это не помогает, Виктор! Ничего не помогает. Всё это время я бегаю как ужаленный, охочусь за этими лакчамскими шпионами, только бы убежать от этого. От этого поганого Туннеля, от этого поганого взрыва! Не важно, что приказал Катан. Важно, что я сделал. Я думал, что я могу. Что могу, как другие, отбирать жизнь, чтобы спасти другую. Я попробовал. И оказалось, что это не оправдание. Ни цель, ни логика, ничто не помогает избавиться, избавиться, избавиться от этого огня, который полыхает и жжёт меня изнутри! Я не могу так. Не могу быть тобой. Не могу оправдать это. Не могу делать «что необходимо». Не могу так жить. Какая тут к чёрту честь?! Что за бред вообще?! Каким дерьмом меня накачивали всё время! Какие-то сказки про какую-то мишуру, какие-то словеса! И никто, ни один ублюдок не сказал мне, что в реальности меня ждёт только это поганое пламя, которое

ничем не погасить!..

Я закашлялся и окончательно разрыдался, не в силах произнести больше ни слова. Лассон не трогал меня и ничего не говорил. Он просто сидел рядом. Когда я немного поутих, он наконец сказал:

— Ты прав, Ашвар. Это дело не для всех. Сколько бы нас ни убеждали в обратном. Я видел таких, как ты. Они оказывались там по своей воле или против неё.

Он затянулся сигаретой и продолжил:

— Я не знаю, как вам жить с этим. Я всегда вижу то, что необходимо, и делаю это. И несу за это ответственность.

Он повернулся ко мне и добавил:

— Знаешь, может, в этом честь и состоит. Не в том, как именно поступать, а в том, чтобы не оправдывать свои действия приказами или формулами благородного поведения. Может быть, честь в том, чтобы полыхать в огне, в который ты сам себя завёл.

Я ничего не ответил. Впервые с Туннеля я не чувствовал себя онемевшим или разрываемым страхами. После истории с Самманчем я ощутил желание жить, но я не чувствовал этой жизни. Кажется, теперь она вернулась. И она была отвратительной.

Но я почему-то всё равно её любил.

Я лежал на холодном каменном полу тюрьмы рядом с мёртвыми телами. Видел эти мрачные серые стены. Видел Нанга, Вайшу и Меката, сидевших в центре. Видел тех, кто по нам стрелял всего пару часов назад. И я любил всё это, несмотря на то, сколько боли оно причиняло.

Я перевёл взгляд на Виктора, который поджигал новую сигарету. Утерев слёзы, я подумал о том, что никогда до этого не видел, чтобы он курил. Подумал о том, насколько этот человек отличался от того, кто сидел в моей комнате на «Заре». Каким забавным он тогда был. Насколько этот Виктор отличался от того, кто помог мне пробиться через бурю. А следующий — от того, кто неожиданно возглавил наш отряд в порту. И что-то щёлкнуло в моей голове.

— Он ведь узнал тебя, — сказал я.

— Кто? — спросил норвальдец, глядя в пространство.

— Менаги, — ответил я.

Он никак не отреагировал сначала. Но потом повернул ко мне голову.

— Ты ведь... — начал вдруг понимать я, — не Виктор Лассон. Не механик со станции, который перевёлся в тюрьму.

Он смотрел на меня без выражения, держа во рту сигарету. Норвальдец затянулся, выпустил дым и спросил:

— Так заметно?

— Теперь да, — ответил я.

Он расстегнул куртку. Я не чувствовал никакой угрозы. Не знаю почему. Я был уверен, что он вытащит оттуда не револьвер. Так и оказалось. Он протянул мне папку.

— Что это? — спросил я, поднимаясь и снова усаживаясь у стены.

— Открой, — ответил он равнодушным тоном, не прекращая курить.

Я открыл. Личное дело Виктора Лассона. Маленькое фото не лучшего качества. Вроде он. Только приглядевшись, я понял, что у этого норвальдца с нашим общий только цвет волос. Механик из тюрьмы, раньше работал на одной из норвальдских станций. История была всё той же. Кроме того, что Лассон хоть и был в армии, но никогда не участвовал в

войнах.

— Люди здесь работали, конечно, суровые, — сказал норвальдец, — но были и те, с кем можно было перекинуться парой слов. Мы ведь не только на станциях работали. Кто-то мыл пол, кто-то убирал снег. У меня был небольшой опыт с техникой, поэтому я иногда подрабатывал в гараже. А Лассон был любителем поболтать.

— Почему ты не присоединился к остальным? — спросил я.

— Мне кажется, тебя больше интересует другой вопрос, — сказал он.

— Какой?

— Я ли убил настоящего Лассона?

Я внимательно посмотрел на него, но по лицу норвальдца ничего невозможно было сказать.

— Не думаю, что ты здесь кого-то убивал, — наконец, ответил я.

— Почему?

— Заключённые хотели заполучить собственную свободу. А ты всё время рисковал ради других. Даже если ты почему-то хотел, чтобы все твои товарищи по несчастью были мертвы, то незачем было оставаться после того, как это произошло. Незачем было гоняться за Менаги. Учитывая, какую авантюру ты уговорил нас провернуть, я не думаю, что тебе составило бы большого труда всё-таки убедить нас уплыть из Антарты.

Он выслушал это всё молча, докурил сигарету и потушил её об пол.

— Ты собираешься рассказать остальным? — спросил он всё тем же безразличным голосом.

Я подумал и ответил:

— Ты за последние два дня спас мою жизнь как минимум трижды. Думаю, ты заработал право хранить свои секреты, Виктор.

Он усмехнулся.

— Но, — продолжил я, — если позволишь... Откуда ты знаешь Менаги?

— Помнишь, что рассказывал Менаф? — спросил он. — Про провальную миссию Менаги?

— Да.

— Я был там. «Восстание фермеров», так называемое. Менаги, который тогда называл себя по-другому, обманул нас примерно так же, как и вас. Мы тоже хотели свободы. А попали в лапы к Лакчами. И нам это не понравилось. Поэтому для него это задание стало провалом. Я понятия не имел, кого вы имеете в виду, произнося это имя — Менаги. А по телефонной связи его голос было невозможно узнать. Зато его лицо в поддельном паспорте всё прояснило. Учитывая, что лицо Менафа тоже оказалось в этих бумажках, было несложно сложить два и два и догадаться, что он тоже работает в разведке. Вот только мне в моём прошлом повезло меньше. Лакшамы нас поймали. Моя статья была достаточно тяжёлой, чтобы меня отправили в ледяную пустыню колотить промёрзшую землю. И я сидел здесь с обыкновенными убийцами, насильниками и всеми теми, кого у вас иногда вешают на виселице. Когда они устроили бунт, мне оказалось с ними не по пути.

— Ты мог сразу рассказать об этом, — сказал я.

— «Здравствуй, я — террорист, сбежавший из тюрьмы. Пожалуйста, сделайте то, о чём я вас попрошу». Звучит убедительно.

— Я думаю, теперь здесь люди вроде тебя будут считаться героями.

— Ну, после этой небольшой войны...

— Войны?

Он посмотрел мне в глаза и сказал:

— Ашвар, ты только что прошёл через настоящую, пусть и маленькую, войну за независимость Антарты. И ты победил.

Я даже не думал об этом в таком аспекте.

— А ведь и правда, — сказал я. — Это и есть настоящая революция.

— Я же говорил, что не бывает революции без реального противостояния... Только нахрена бы всё это было надо?

Он смешно огляделся по сторонам.

— Мы серьёзно сражались за то, чтобы получить этот кусок льда? — спросил он.

Я рассмеялся и ответил:

— Это единственное оставшееся место на планете, где тебя не достанут ни Норвальд, ни Лакчами! Почти всё остальное они уже поделили.

— Достанут, Ашвар.

Я посмотрел на него. Впервые на его лице можно было отчётливо прочитать что-то. И это была какая-то странная печаль. В этот момент Мекат поднялся со своего места и крикнул:

— Ребята спрашивают, не пора ли возвращаться?

Норвальдец повернулся к нему и ответил:

— Да, уже пора. Собирайтесь. Мы сейчас подойдём!

Люди поднимались со скамеек, собирали оружие и выходили наружу. Все вместе. И мои друзья, и те, кто по нам стрелял. Нам следовало вернуться на «Январь». Известить станции с произошедшем, арестовать главу порта, отправить сюда людей, чтобы забрать тела. Нам предстояло много всего сделать. Но меня сейчас интересовало другое:

— Что значит «достанут»?

Норвальдец повернулся ко мне и начал говорить. Это был снова тот странный голос. Голос, который растворял всё окружающее, вышвыривал все твои мысли из головы, чтобы заполнить её собой:

— Как ты думаешь, Ашвар, что будет дальше? Мы продолжим поиски топлива. Я понятия не имею, какие шансы на успех. Но варианта всего два: либо мы найдём достаточно, чтобы жить здесь, либо нет. Конечно, мы заставим этих ублюдков, закрытых на «Январе», вернуть то, что они перевели на свои счета. Мы выиграем сколько-то времени. И если мы ничего не найдём, Антарта как государство исчезнет. Мы вернёмся во владения Лакчами и Норвальда.

— А если найдём? — спросил я.

— Договор, Ашвар. Да и не в нём даже дело. Если мы сможем не просто удержаться, а получить столько топлива, чтобы у нас была перспектива... Они вернутся Ашвар. По договору или нет. С бумажками или с пушками, но они обязательно вернутся, чтобы забрать себе всё.

Он замолчал. Потом встал и протянул мне руку, сказав:

— Пойдём.

Я взял его ладонь, и он помог мне подняться. Я ещё раз посмотрел на скрытое под материей тело Ижу. Не знаю почему, но я положил его последнюю игрушку себе в карман. Мы прошли через мрачный зал с зарешёченными дверями камер и попали в коридор с тремя распахнутыми воротами. Пробираясь через него, Лассон сказал:

— Но я сомневаюсь, что мы что-то найдём.

— Ты знаешь, — ответил я и открыл дверь наружу, — я недавно познакомился с одним студентом, которого, правда, выкинули из университета...

Мы вышли под продолжающийся лёгкий снегопад. Мороз привычно ударил, но сейчас в этом не было большого контраста. Небо всё ещё было пасмурным. Нас окружали высокие и крепкие стены тюрьмы, но выход был открыт. Недалеко от нас фыркали два вездехода. Все остальные уже ждали нас в машинах. Я посмотрел вдаль через тюремные ворота. Там проступали чёрно-белые скалы. Я не очень любил Антарту в такую погоду, но она всё равно манила меня своей загадочной красотой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net